

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 5

Кемерово 2008

Печатается по решению ученого совета ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

Главный редактор: Кудрина Е. Л., доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ;

зам. главного редактора: Марков В. И., доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе КемГУКИ;

ответственный секретарь: Шунков А. В., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы и русского языка КемГУКИ.

Редакционная коллегия:

Егле Л. Ю., кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник КемГУКИ.

Афанасьева Э. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка КемГУКИ.

Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Текст]: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – 118 с.

ISBN 978-5-8154-0151-8

В пятом выпуске «Вестника КемГУКИ» наряду со статьями, представляющими традиционные разделы журнала («Филология», «Педагогика и психология», «Социально-культурная деятельность», «Научная жизнь университета» и др.), также представлены материалы статей, в которых авторы рассматривают проблему толерантности, ставшую столь актуальной в последнее время.

Авторы статей предлагают в широком историко-культурологическом, философском контексте рассмотреть основные вопросы, связанные с пониманием феномена толерантности.

Предназначен преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-8154-0151-8

© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2008

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В пятом выпуске «Вестника КемГУКИ» наряду со статьями, представляющими традиционные разделы журнала («Филология», «Педагогика и психология», «Социально-культурная деятельность», «Научная жизнь университета» и др.), также включены материалы статей, в которых авторы рассматривают проблему толерантности, ставшую столь актуальной в последнее время.

В обсуждении проблемы приняли участие представители научной и педагогической общественности не только Сибирского региона (вузы Кемерова, Новосибирска, Красноярска), но и Москвы, Дагестана (г. Хасавюрт), Казахстана.

Авторы статей предлагают в широком историко-культурологическом, философском контексте рассмотреть основные вопросы, связанные с пониманием феномена толерантности. О том, насколько важна для современной культуры поставленная проблема, говорит тот факт, что она активно исследуется в самых широких областях современной науки: социологии, филологии, педагогики, политологии и др.

Редколлегия журнала, публикуя материалы, представленные авторами, стремилась к созданию продуктивного объединительного диалога между различными сообществами ученых. При этом коллектив, работавший над выпуском, прекрасно понимает, что некоторые статьи вызовут возражение или критику со стороны читателя. Но противоположность взглядов как раз и поможет в дальнейшем организовать на страницах журнала диалог-дискуссию по основным направлениям интересующих всех проблем.

ИСТОРИЯ

А. М. Кулемзин

доктор культурологии, профессор

заведующий кафедрой истории, музееведения, краеведения

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

К ТОЛЕРАНТНОСТИ БЕЗ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Монументальная пропаганда прочно вошла в жизнь российского общества. Это «система мероприятий советского правительства (1918–1920 гг.) по осуществлению намеченного В. И. Лениным плана пропаганды идей марксизма и увековечения событий революционной борьбы» [1, с. 51]. Посредством монументальной пропаганды в стране утверждалась бескомпромиссная классовая революционная идеология как абсолютно истинное учение. На памятнике К. Марксу, установленном в Москве в 1961 г., начертано: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. – Ленин». За этим тезисом подразумевалось право на обладание единственным рецептом достижения благосостояния и счастья. Однако, как известно, за такими претензиями обычно скрываются корыстные интересы правящей элиты.

Мы же склонны рассматривать монументальную пропаганду не как кратковременный эпизод, имевший место в революционной России, а как одно из проявлений идеологической борьбы специфическими средствами искусства, характерной для любого общества, находящегося в состоянии идеологической конфронтации. В России она началась задолго до того, как была четко сформулирована В. И. Лениным и обозначена программа ее осуществления в стране.

Сейчас трудно отыскать ее истоки в тумане исторической ретроспективы. Однако из летописных источников известно, что древние славянские племена, также как и многие другие народы на стадии политеизма, имели свои языческие святилища с изображениями кумиров. При удобном случае во время своих варварских набегов на Византию старались осквернить ее христианские святыни [2, с. 23]. Христиане же в свою очередь при утверждении новой религии на Руси вели особо жестокую борьбу не только с язычниками и их обрядами, но и с их кумирами, разрушая повсюду языческие святилища [3, с. 76].

Монументальная пропаганда использовалась для увековечения крупных военных побед. Так, например, Ярослав Мудрый в честь победы над печенегами на месте битвы заложил церковь Софии в Киеве, Андрей Боголюбский построил храм Покрова на Нерли в ознаменование победы над волжскими болгарами, Дмитрий Донской также после Куликовской битвы в знак победы поставил церковь Победы в Москве. В последующее время, особенно в эпоху Российской империи, и более всего начиная с Александра III, монументальная пропаганда архитектурно-скульптурными средствами расцвела пышным цветом. Но своего абсолюта она достигла в советское время.

Новой политической власти нужны были новые идеалы и новые художественные формы. В связи с этим правительство по предложению А. В. Луначарского приняло ряд мер по сносу монументальных памятников [4, с. 174; 5, с. 15–16]. Первыми мероприятиями в этом направлении было снятие старой символики и замена их новой к Первомайскому празднику. Так в Москве на здании Государственной Думы старый герб был заменен барельефным изображением рабочего и крестьянина с надписью: «Революция – вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся». На этом же здании была изображена надпись: «Религия – опиум для народа».

Отправным моментом в этой компании по монументальной пропаганде, длившейся в течение семи десятилетий, поглотившей колоссальные материальные средства и значительные интеллектуальные силы, была идея В. И. Ленина, высказанная им в беседе с А. В. Луначарским весной 1918 г. В этой беседе Ленин сослался на произведение Ф. Кампанеллы «Город солнца», где итальянский утопист рисует идеальный город будущего, уделив при этом большое внимание наглядно размещенным монументальным изображениям на архитектурных объектах. Эти изображения и надписи были посвящены науке и рассчитаны на обучение и воспитание детей. Фантазия Кампанеллы создает город с множеством памятников выдающимся гражданам за заслуги перед обществом. Ленин заметил Луначарскому, что это далеко не наивно и с определенными изменениями может быть реализовано в России. «Я назвал бы то, о чем я думаю, – сказал Ленин, – монументальной пропагандой» (цит. по: [6]). Как оказалось, термин был весьма удачным, не только для революционной России, но и как понятие для обозначения определенного вида искусства и пропаганды.

В процессе предварительного обсуждения идеи о том, что и как должно быть представлено, Ленин заметил: «Важно, чтобы были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза» (цит. по: [6]). Этими словами была подчеркнута пропагандистская цель мероприятия. Содержание этой пропаганды было предопределено большевистской идеологией. Ленин это сформулировал следующим образом: «... в разных видных местах... разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма. Еще важнее, я считаю, памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы» (цит. по: [6]).

Таким образом, мы видим, что для Ленина, в отличие от Кампанеллы, произведения монументального искусства являлись не иллюстрацией естественнонаучных знаний, а наглядным средством пропаганды революционных идей. При этом Ленин наверняка предполагал насколько велико эмоциональное воздействие монументального искусства. Он учитывал, что в России много неграмотных людей, и таким способом их легче и проще увлечь, внушить им необходимые идеи. Он утверждал, что сразу безграмотность не ликвидируешь, но на сознание человека легко подействовать во время торжественного мероприятия, например, при закладке памятника революционеру. «Торжественная обстановка, умная речь, толковое чье-то выступление... и незаметно мы уже достигли первой цели – тронули душу неграмотного человека» (цит. по: [6]). Несмотря на большие экономические затруднения в стране, Ленин придавал первостепенное значение монументальной пропаганде [7] и находил для этого средства [8, с. 10]. По его предложению в конце июля 1918 г. М. Н. Покровский сделал доклад на заседании СНК о необходимости установления в столице новых памятников, символизирующих непреодолимость революции [4, с. 175].

В 1918 г. был принят ряд постановлений СНК о постановке памятников «великим людям» [9, с. 18; 10, с. 19]. В этом списке, прежде всего, фигурировали имена революционных и общественных деятелей прошлого, а также писателей, поэтов, ученых, художников. Этими декретами были заложены правовые основы и идейно-художественное направление перспектив монументально-изобразительного искусства. Прежде всего, это искусство должно было быть глубоко партийным, оперировать обобщенными художественными образами, быть понятным народу, звать его вперед на преобразование мира.

Первые монументально-художественные произведения были изготовлены спешно из недолговечных материалов, в основном из гипса, бетона, кирпича, поэтому до настоящего времени не сохранились. Уже к первой годовщине Октябрьской революции в Москве было открыто более 10 памятников. Среди них это бюсты Герцена, Радищева и Лассалья, обобщенный символ «Мысль», обелиск «Советская конституция». В Петрограде перед Смольным установлен памятник К. Марксу, перед Зимним дворцом – бюст Радищеву. Всего же в первые годы советской власти в Москве, Петрограде и других городах было установлено более пятидесяти памятников и большое количество мемориальных досок.

Уже при жизни, начиная с 1923 г., стали устанавливаться памятники В. И. Ленину. Так, первые памятники ему были открыты в городе Глухове и в Уфе [11; 12, с. 12–13]. После его смерти II съезд Советов принял специальное постановление о сооружении памятников Ленину [86, с. 40].

Снятие царских памятников и установление новых советских не всегда проходило бесконфликтно. Варварское обращение со стороны большевиков с прежними святынями вызывало ответную реакцию. Так, например, в Москве в ночь с 6 на 7 ноября 1918 года был разрушен памятник Робеспьеру. В Киеве были разрушены памятники Шевченко, Марксу, Свердлову, К. Либкнехту. Имели случаи разрушения советских памятников и в некоторых других городах.

Монументальная пропаганда в первые послереволюционные годы была способом создания историко-культурной среды с определенным духовным настроем, полем неприимой идеологической борьбы на нескрываемой политической классовой основе.

Отношение к историко-культурному наследию – это сложное социально-историческое явление. В обществе, состоящем из различных социальных слоев с разными идеологическими, религиозными воззрениями, социально-политическими ориентациями, трудно утвердить единую концепцию отношения к историко-культурному наследию. Труднее всего этого достичь в эпоху крупных социальных потрясений. В революционной России имели место различные тенденции в сфере памятникоохранительной деятельности. Они не были нивелированы воинствующим большевизмом, но доведены до абсурдного максимума. В своем бескомпромиссном стремлении удержаться у власти любыми средствами большевики жертвовали многим, в том числе и значительными историческими и культурными ценностями своей страны.

Специфика монументальной пропаганды состоит в том, что для достижения целей в ней используется то, без чего человек не может существовать – это пространство, в котором обитает каждый отдельный человек и все общество. Среда обитания, наполненная историческими и культурными объектами, является историко-культурной средой. Она в процессе контакта с человеком определенным образом влияет на его ощущения, психику, сознание и, в конечном итоге, на поведение человека. Посредством искусственного моделирования историко-культурной среды можно целенаправленно воздействовать на формирование общественного сознания больших масс людей. В этом случае архитектурные строения, исторические объекты, скульптурные произведения становятся не просто частью городского или сельского пейзажа, а одним из активных воспитывающих факторов, избежать которого затруднительно. В таком случае разрушающее воздействие на общественное сознание символических памятников, искаженно передающих историческую информацию, сравнимо с действием психотропного оружия: оно повсюду, его влияние не осознается, но оно постоянно воздействует на людей.

Мудрые политики всех времен прекрасно понимали и использовали великую силу эмоционального воздействия художественных произведений монументального искусства на психику и сознание. Поэтому внешнему оформлению столиц, откуда исходило таинство власти, всегда уделялось большое внимание. Сюда стягивались средства со всех подвластных территорий – лучшие архитекторы, скульпторы, мастера. С помощью произведений искусства, символизировавших желательные для власти общественные идеи, создавалась определенная иллюзия, воспринимаемая как реальность. Тем самым через регуляцию общественного сознания достигалась регуляция общественного поведения людей. «Большую роль при регулировании общественного поведения играют и архетипические и идеализированные модели общественной действительности» [13, с. 65].

Коммунистические истуканы, стоящие на площадях, раскалывают наше общество на тех, кто хочет и идет вперед, и на тех, кто хочет повернуть страну назад.

Охрана памятников истории и культуры и монументальная пропаганда с помощью символических памятников – это принципиально разные социальные ис-

торико-культурные явления противоположные по своим конечным целям. Они – антиподы, взаимно исключают друг друга.

Если охрана памятников имеет своей целью сохранение подлинных исторических свидетельств, реальных следов реальных прошедших событий как главного доказательства объективности произошедшего, то монументальная пропаганда имеет своей целью напоминание о произошедшем в переосмысленном виде. Символический памятник – это, прежде всего, художественное произведение, в котором воплощается субъективное видение художником или заказчиком того исторического события или лица, которому посвящено художественное скульптурно-архитектурное произведение. Художник, создающий символический памятник, имеет право на творческую фантазию, на художественный вымысел. Он не обязан адекватно следовать реальности. Кроме того, творец символического памятника, как правило, выполняет чей-то социальный заказ. Обычно в качестве такого заказчика выступает государственная власть, имеющая свои политические цели и пристрастия. В символическом памятнике всегда синкретично соединены мастерство художника, эстетические вкусы эпохи и политические идеалы заказчика. Поэтому произведения монументального искусства никогда не могут объективно отражать прошлую историческую реальность. Следовательно, их нельзя считать памятниками истории и культуры. Это лишь памятники искусства, если они действительно демонстрируют высокое мастерство.

Те социальные силы, которые наиболее всего заинтересованы в развертывании масштабной монументальной пропаганды, менее всего заинтересованы в объективном освещении истории, следовательно, и в охране подлинных памятников. Монументальная пропаганда, как правило, культивируется более активно в обществе с авторитарным политическим режимом, где власть стремится к массовому идеологическому оболваниванию народа с помощью самых различных средств, в том числе и с помощью монументально-изобразительного искусства. Это происходит потому, «что только так, посредством символов, возможно и осознать, и сохранить установленный порядок в мире» [14, с. 49].

Рассматривая этологические аспекты человека и «общественных» животных, психолог В. Дольник находит в них много общего в процессе установления социальной субординации, завоевания особью доминирующего положения в сообществе. «Доминирующей особи в стае важно, чтобы все остальные члены стаи знали, узнавали его... Для этого достаточно, чтобы ранг доминанта был на нем обозначен. У человека это достигается использованием символов власти. Имея в руках или на себе символы, можно управлять очень большим количеством людей, целым государством. Чтобы организовать и повести куда-то толпу, нужен символ – флаг, знамя, хоругвь. Символ зовет людей в огонь и в воду, если есть противник, враг. Под знаменем идут на врага, свергать власть, но никто не ходит под знаменем тушить пожар или бороться с наводнением» [15, с. 148–149].

В эпоху крупных социальных перемен, когда меняются духовные идеалы целых народов, изменяются и средства, выражающие эти идеалы. Именно так это происходило в России. Монументальная пропаганда с помощью символов в России существовала с глубокой древности. Она стала складываться тогда, когда возникло противостояние двух религиозных идеологий, христианства и язычества, и достигла своего апогея в советскую эпоху. В досоветское время, когда большинство населения страны было верующим, монументальная пропаганда занимала самое святое место для религиозного человека – культовый храм, то есть мнимое место обитания высшего почитаемого кумира. В советское время это место заняли иные кумиры, символизировавшие коммунистические и революционные идеалы. При этом монументальная пропаганда находилась под контролем партии власти. Так, например, одним из директивных государственных документов право принимать решения о сооружении «памятников и монументов, имеющих общегосударственный характер, особо важных по теме и требующих значительных материальных затрат» предоставлялось ЦК КПСС [16, с. 155].

В период утверждения христианства на Руси, как мы показали выше, христианскими миссионерами повсюду уничтожались языческие святилища. Вместо них, а зачастую именно на том месте, где прежде находился языческий храм, возводился новый, христианский. Затем, на протяжении нескольких столетий, христианство как основная государственная идеология использовало памятные исторические места для сооружения там культовых храмов. Они устанавливались на местах военных сражений, гибели национальных героев и на местах их захоронений, в ознаменование какого-либо исторического события, в местах посещения российскими царями и покушений на их жизнь, на их могилах и т. п. Эти места объявлялись церковью святыми, приобретали официальный статус исторических памятников и таковыми входили в изобразительное искусство, художественную литературу, в сознание россиян.

В столицах и некоторых других городах устанавливались символические памятники царям, великим князьям, государственным деятелям, ученым, представителям не оппозиционной творческой интеллигенции. Как правило, их авторами были выдающиеся художники. Это были художественные произведения высокого искусства. В 1905 г. со стороны МВД была предпринята попытка объявить памятниками те скульптурные произведения, которые будут лишь когда-то установлены в честь выдающихся лиц и исторических событий [17, с. 102]. Тем самым власть разоблачила свои тщеславные намерения.

Использование памятников лишь в идеологических целях – весьма затруднительное занятие, особенно если идеологические трактовки событий существенно расходятся с исторической информацией, заключенной в памятниках-подлинниках. Идеологическое использование памятников требует либо ликвидации источника подлинной информации, либо ее фальсификации, что довольно часто практиковалось в России. Подобное отношение к историческим подлинникам красноречиво иллюстрируется притчей об ортодоксальном мусульманине Халифе Омаре, утверждавшем, что не должно быть на свете книг иных, кроме Корана. Ибо если они противоречат священному писанию, то они вредны, а если нет, так и нет смысла повторять написанное.

В каждой конкретной исторической ситуации уничтожение «неудобных» памятников или их фальсификация не всегда эффективны и целесообразны по разным причинам: экономическим, политическим. Поэтому забвение памятника-подлинника является наиболее эффективным способом выведения его из влияния на общественное сознание. Известно, что любой памятник эффективно «работает» лишь тогда, когда он используется методически умело с учетом дидактических правил. Поэтому в советскую эпоху помимо разрушения «неудобных» памятников использовался также и другой не менее эффективный способ борьбы с подлинными памятниками – забвение. Забытый памятник в лучшем случае разрушался от времени и под воздействием естественных неблагоприятных факторов, в худшем – в результате хозяйственной деятельности. Именно это – невнимание государства к подлинным историческим памятникам – истинным историко-культурным ценностям – являлось основным мотивом постоянных возмущений передовой творческой интеллигенции. Однако правительство слабо реагировало на критику и упорно наращивало темпы монументальной пропаганды, доходившей до крайнего абсурда.

Демократическая, просветительская направленность памятникоохранительной деятельности и антиисторические цели монументальной пропаганды в России всегда находились в противоречии друг к другу, также как и устремления государства и общественности в области охраны и использования памятников истории и культуры. «Одной из особенностей взаимодействия культурной жизни общества, развития искусства и государственной политики в этой сфере в Российской империи, СССР и России было и остается порой радикальное расхождение поставленных целей и основных векторов направленности реальных процессов. Культурная жизнь развивалась как бы сама по себе, государственная политика ставила цели и задачи, противоположные тенденциям культурного развития – невыполнимые и приводящие к состоянию кризиса» [18, с. 11].

В демократическом обществе, построение которого является официально продекларированной государственной политикой Российской Федерации, монументальная пропаганда политических идей как средство насилия общественного сознания, противоречащее идеалам современного цивилизованного мира, должна быть исключена из общественной жизни общества.

«Тирания создает атмосферу страха. Рядовому человеку тяжело жить в постоянном страхе перед доминантом. Настоящие тираны это интуитивно понимают и заполняют свои владения преувеличенными изображениями своей персоны. Но если тиран умирает, «пинают мертвого льва», сносят его символы. Это делается на подсознательной основе... Простейшее чисто животное и самое исцеляющее от страха действие – разрушить истукана, унижить его, заставить лежать у ног. Свергая огромные статуи своих палачей, народ самым биологичным способом освобождает себя от страха и агрессивности. Убрать истуканы тиранам такая же врожденная потребность, как вытереть слезы с лица» [15, с. 152–153]. Подобные формы освобождения от мифологизированных кумиров, а вместе с тем и обманутого общественного сознания неоднократно имели место в истории разных народов. Не пора ли и России освежить свое лицо от скверны?

Литература

1. Энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. – С. 51.
2. Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. – М., 1987.
3. Гессен А. Э. Жизнь архитектуры: Вопросы реставрации // Восстановление памятников культуры. – М., 1981.
4. Волкогонов Д. Ленин: Политический портрет. – М., 1994. – Кн. 2.
5. О памятниках Республики: Декрет от 12 апреля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
6. Луначарский А. В. Ленин о монументальной пропаганде // Литературная газета. – 1933. – 19 июля.
7. Юсин А. Начиналось в 1905-м // Правда. – 1975. – 16 декабря.
8. Васильев-Вязьмин. Искусство людных площадей. – Ленинская идея монументальной пропаганды в действии. – Знание, 1977.
9. О постановке в Москве памятников великим людям: Постановление Совета Народных Комиссаров от 17 июля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
10. Об утверждении списка памятников великим людям: Постановление Совета Народных Комиссаров от 30 июля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
11. Колли Н. Я. Ленинский план монументальной пропаганды // Архитектура СССР. – 1967. – № 4.
12. Васильев-Вязьмин. Искусство людных площадей. – Ленинская идея монументальной пропаганды в действии. – Знание, 1977.
13. Фетисова Т. А. Памятники культуры и музееведения // Новая литература по культурологии. Дайджест 1. – М., 1995.
14. Плахова А. В. Социальная символика: к определению понятия // Категории исторических наук. – Л., 1988.
15. Дольник В. Непослушное дитя биосферы. – 1994.
16. О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. – М., 1973.
17. Егоров В. Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» // История СССР. – 1988. – № 1.
18. Культурная политика России: история и современность. – М., 1996. – Вып. № 2. – (Серия: Ориентиры культурной политики).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Семейные истории сибирских родов послужили эмпирическим материалом для исследования социальной (в частности, семейно-родовой) памяти жителей региона. Очевидна субъективность личных документов и воспоминаний исторических фактов. Известен феномен ошибок памяти: человек может реконструировать, приукрашивать события, «забывать» неприятные моменты биографии¹. Социальная память может продемонстрировать свою избирательность. То, что запоминают люди, совершенно не тождественно тому, что фиксируют историки. Не обязательно, что люди помнят те или иные события, значимые для политических деятелей. Если эти события не отразились на повседневной жизни, семейных ситуациях, они не фиксируются коллективным сознанием группы².

События, связанные с использованием опыта памяти, разворачиваются в реальной повседневной жизни человека – социальной реальности. Это «мир здравого смысла» (А. Шютц), повседневной жизни. Здесь человек размещен согласно его уникальной «биографической ситуации», которая определяется рождением человека, его видением окружающего мира и своего места в нем. И если факт рождения объективно обусловлен географическими характеристиками, социальным положением семьи, условиями жизни и т. п., то оценка социальной ситуации и взаимодействие с другими зависят исключительно от «запаса жизненного опыта», от особенностей восприятия им реальности. Это фундамент для интерпретаций человеком всех событий, происходящих с ним и окружающих его людьми.

Речь идет не о реальности вообще, а о той реальности, которую творит человек, обращаясь к запасу знаний, интерпретируя свой новый опыт. Эта реальность иллюзорна, она существует только в сознании субъекта. Но проявлять сомнения в реальности этой реальности нельзя. У. Томас выразил это явление в следующей теореме: «Если люди определяют ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям». У. Джеймс отметил, что «каждый мир, пока ему уделяют внимание, является реальным на свой манер» [1]. Рассказывая о событиях, связанных с переселением их предков в Сибирь, респонденты сообщали свое субъективное, но, в то же время реальное видение ситуации на основе фактов семейно-родовой памяти.

В своем исследовании мы не склонны исправлять ошибки социальной памяти. Позиция с точки зрения феноменологического анализа семейных историй выбрана нами как наиболее адекватная для анализа исторических событий, происшедших в сибирском регионе в XIX–XX в., **отраженных в семейно-родовой социальной памяти сибиряков**³. С точки зрения такого подхода можно говорить, что судьбами наших прадедов и родителей написана история края.

¹ Забывание как одна из форм действия памяти – это избегание неприятных моментов, пережитых в прошлом. При этом материал памяти схематизируется, отдельные его части, иногда существенные, отбрасываются, новые яркие события подавляют тускнеющие старые. З. Фрейд объяснял этот процесс торможением следов в памяти на уровне сознания и вытеснением их в подсознание, где они удерживаются ценой значительных затрат энергии.

² Так, сибиряки «забыли» о факте роспуска Советов народных депутатов (1993 г.). Это событие, несомненно, было важным для страны. Но люди, поглощенные процессом выживания в условиях реформ и «шоковой терапии», не обратили на него внимания. Они не были «сопричастны» к событию. В интервью респонденты проявили полное незнание ситуации.

³ Исследование судеб сибирских родов проведено автором в 2001–2006 гг. в Кузбассе на материале 800 историй семей.

В этих судьбах отразились основные этапы заселения Сибири (крестьянская колонизация в конце XIX – начале XX вв.; ссылка; депортация «кулаков» в 20–30-е гг. и в 1941 г. и др.). Мы считаем, что истоки толерантности сибиряков следует искать, в том числе, и в социальной памяти населения, сохранившей истории о переселенческих событиях, опыт освоения новых земель и интеграции в новую социальную среду. Поэтому мы поставили исследовательскую задачу: реконструировать исчезнувший культурный мир «сибирства» с помощью методов качественной социологии. Семейно-родовая память рассматривалась нами как важный ресурс человека, семьи, сибирской территориальной общности. В настоящее время на территории к востоку от Урала сложился уникальный этнокультурный и социально-культурный облик сибиряка, основанный на фиксации национальных и региональных особенностей этнических групп.

Когда говорят о сибиряках, то подчеркивают особое качество населения огромного региона, которое выделяется традициями, структурой ценностей, общественными связями, характером, соответствующим природе, территории, и хозяйственным бытом [2]. Исследователь проблемы сибирской территориальной идентификации Н. В. Сверкунова заметила, что только в Сибири потомки белорусов, украинцев, латышей, русских, поляков, представители коренных народов, осознавая свою этническую принадлежность, идентифицируют себя по территориальному признаку, заявляя: «я – сибиряк». Это заявление включает в себя самооценку (порой, критическую) и активное отношение к другим – «несибирякам»⁴.

Толерантность коренных сибиряков сформировалась как качество социальной памяти под воздействием ряда факторов.

1. *Природно-климатический* фактор сформировал тип нового хозяина, отличавшегося от крестьян европейской части России особым достоинством, укладом и определенной свободой в жизни.

2. *Географическая удаленность*, некоторая *обособленность*, в том числе и экономическая, от центра государства заложила основу отношений дихотомии «население Сибири – жители Европейской России».

3. *Социально-политический фактор* основан на отсутствии крепостного права, на более выгодном положении крестьянства в «некоренной» России. Вольная готовность или невольная обязанность пересечь границу Урала была сопряжена с необходимостью социального «забвения» и символического «водораздела» для строительства нового опыта. Д. И. Завалишин, наблюдая переселенцев, отмечал, что этот край «переродил их радикально». Здесь «нет тупого исподлобья взгляда русского мужика, его неопрятности, неряшества в хозяйстве» [3]. Демократизм сибирской общественной жизни и нравов Н. М. Ядринцев считал следствием относительной социальной однородности.

4. *Особенности менталитета сибиряков*. Исследователи считают, что у сибиряков сформировано «понимание общности исторического прошлого». Уже к середине XVII в. складывается особый этнографический тип жителя Сибири – «сибирянина». «В русском населении Сибири... сложился особый характер, физический и бытовой; колонизация соединила в Сибири людей весьма различного происхождения и склада, которые, не сохранив первоначальных свойств, в своем взаимодействии выработали новые черты на русской племенной основе» [4]. П. А. Кропоткин отмечал, что «сибиряк смотрит бодро, весело», губернатор Енисейской губернии Степанов пишет о сибиряках: «Они острые и насмешливы». И если поступки европейских крестьян, по его словам, «сиротливы и дерзки», то сибирский крестьянин «свеж умом и смел в объяснениях». Путешественники и чиновники отмечали зажиточность, хлебосольство и чистоплотность сибиряков в быту (В. В. Струве, Д. И. Завалишин).

⁴ Это отношение лежит между двумя полюсными позициями, отраженными в повседневных практиках, описанных респондентами: «Дальше Сибири не сошлют» и «Понаехали тут». При этом, позиции коренных сибиряков в большей степени склоняются к первому полюсу.

Коренными добродетелями сибиряков считают гостеприимство и сострадание. «Они ссыльных называют не иначе, как несчастными и готовы помочь бедным, бесприютным» (губернатор Степанов). Вот свидетельство остроумного неповиновения властям, приказу, запретившему открывать беглым каторжанам двери, кормить их. Жители Восточной Сибири проделывали в дверях домов маленькие оконца, в которые подавали беглым молоко и хлеб или оставляли пищу на ночь за дверью. Вот такая гуманная альтернатива заработкам сибиряков на отстреле по приказу властей «бродяг» – крестьян, приехавших в Сибирь «самотеком».

5. *Мирное сосуществование этносов* определяло межнациональное общение в Сибири как ассимиляционный процесс. Областники подчеркивали наличие общесибирских культурных интересов «без национальной подкладки». Колонизация Сибири способствовала быстрому экономическому росту, созданию специфического уклада жизни, высокая пассионарность переселенцев – формированию особого социального характера населения. Сибирь представляла собой большой котел, территорию без национальных и конфессиональных границ, где сложилась еще одна черта сибирства – сибирская расовая толерантность. Бесконечные волны вольных и невольных переселенцев сталкивались и перемешивались в единую массу: русские и кавказцы, жители прибалтийских губерний и башкиры, евреи и малороссы, общаясь, нивелировали национальные и религиозные различия. Это и сегодня определяет поведение сибиряков по отношению к мигрантам: сыну и внуку переселенца легче понять трудности, связанные с интеграцией человека в новую социальную среду. Смешение религиозных направлений, исторически сложившееся на территории Сибири, определяло также толерантность конфессиональную.

6. *Многослойность исторического формирования социальной семейной памяти сибиряков в процессе заселения края.* Исследователи обращают внимание на особенности продвижения «великорусской этнопопуляции» за Урал. Проводятся исторические параллели процессу продвижения русских на восток (например, хронологическое совпадение со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний в Северной Америке). Эта параллель представляется оправданной. Сибирская общность сформировалась на основе мощного слоя вольных переселенцев. Вольная крестьянская колонизация принесла «ген» энергии, мобильности, инициативы в сибирский характер, отличающийся широтой души, любовью к порядку и справедливости [5]. Казачьи форпосты граничили с поселениями перемещенных и беглых старообрядцев. С середины XIX в. в сибирский социум влились представители разных сословий, «наказанные» Сибирью.

В конце XIX в. за Урал хлынула новая волна отдельных крестьянских семей и целых кланов. К 1889 г. процесс вольной крестьянской колонизации завершился, и началось воплощение проекта государственной переселенческой политики. С этого времени мигрантов стали называть «поздними переселенцами». Несмотря на неоднозначные отношения коренных сибиряков с новоселами, в процессе совместного проживания, обмена культурными традициями и обычаями социокультурные различия выровнялись. Сегодня потомков коренных жителей края и «поздних переселенцев» объединяют подвижный фенотип, обусловленный контрастностью климата, высокая адаптивность, переданная внукам, социальная терпимость, гостеприимство.

7. *Специфика отношений с церковной властью.* Долгое время Русская православная церковь не могла достойно обеспечить жителей отдаленных районов государства священнослужителями. Духовное сознание сибиряков традиционно находилось в конфликте с концепцией официальной церкви. Д. И. Завалишин отмечал, что особой набожности (которую в дальнейшем проявляли «поздние переселенцы») в сибиряках не заметно. Потомки коренных сибиряков, долгое время обходившиеся без

церквей и священников, «строили церковь в душе своей» и искренне верили в действенность молитвы перед домашними иконами⁵.

На другом полюсе в вопросах сохранения глубоких религиозных чувств находились старообрядцы, составлявшие серьезную конкуренцию русской православной церкви. Это сформировало в их потомках самодостаточность, непреклонность, самостоятельность в хранении обретенной истины, честность, даже в мелочах.

8. *Сибирский менталитет* – опыт предков, сформировавший основы национального характера и мировосприятия. На него оказывает влияние, в свою очередь, образ мышления этнической группы, ее общая духовная настроенность – ментальность. «Без опоры на знание общественной ментальности любые управленческие решения, революционные и реформаторские “исторические сдвиги” лишь случайно могут быть успешны и соответствовать замыслам их организаторов» [6].

В XX в. традиции процветания сибирства подверглись серьезной трансформации. Ощущение перемен нависло над налаженным сибирским семейным укладом в 20-е гг., которые стали рубежом смены источника и форм пополнения переселенцев за Урал. В сибирскую деревню стали приезжать семьи не по своей воле. К насильственному перемещению в Сибирь населению в 20–30-е гг. применялся практически единственный способ – геттоизация в образе спецпоселений.

В. И. Ленин отмечал, что сибирские крестьяне «менее всего поддаются влиянию коммунизма», потому что «это – самые сытые крестьяне» [7]. Согласно фактам, изложенным в семейных историях, сибиряки не поняли смысла революционных событий. В зажиточной сибирской деревне эти события не привели к политическому расколу⁶.

Экономика советской России к концу 1927 г. пришла в совершенное расстройство. Крестьянство перестало поставлять зерно, надеясь на лучшие условия продажи. Урал и Сибирь рассматривались правительством как «последний резерв». Зажиточные сибиряки были названы кулаками.

В январе 1928 г. началась кампания хлебозаготовок, в методы которой активно включались обыски, конфискация скота, облавы. «Большинству крестьян был нанесен психологический удар. Сельские хозяева, успевшие привыкнуть к определенным советским гарантиям, неожиданно обнаружили, что никаких гарантий больше не существует. Отныне власти запрещают земледельцам распоряжаться плодами своего труда. ...Кто не согласен – у того отнимали силой и сажали по 107 статье» [8].

Разгромив наиболее зажиточных земледельцев, в следующем году власть перешла в наступление на «середняков» и «бедняков».

Терпеливые и смекалистые сибиряки не стали устраивать бунты протеста, ограничиваясь поджогами сельсоветов, хождением возбужденной толпой к «начальству». Защищая свои семьи от возможности раскулачивания, крестьяне уничтожали скот и птицу, распродавали свое имущество или раздавали его односельчанам, отказывались

⁵ На отсутствие у населения твердых знаний о христианстве жаловались священнослужители прошлого, сетуют и поныне. Одна из респонденток, старая женщина крестьянского происхождения на вопрос: «Что есть святая Троица?» ответила: «Иисус, Дева Мария и Николай-угодник». Эти знания, видимо, она получила в своей семье. И сегодня среди населения ходят рукописные молитвы, которые строением и содержанием больше похожи на языческие заговоры. Никакая просветительская деятельность церкви не могла искоренить такое вольное обращение с фундаментальными вопросами православных догматов.

⁶ Интересным является тот факт, что в семейных историях, рассказанных представителями старшего поколения среди стольких дат, важных для жизни семей независимо от их социального статуса, нет ни одного упоминания о революции 1917 г., если эта дата не связана с личностными событиями семейной жизни (рождение, заключение брака, смерть родственника). Революционный год отмечают только те респонденты, родственников которых он застал на территории южных российских земель или Средней полосы России и их семьи оказались в Сибири. Такое судьбоносное историческое событие осталось незамеченным и непонятым на уровне семейной памяти и семейного мировосприятия. Грандиозные социальные катаклизмы, потрясавшие Европейскую Россию, никак не отразились на мировосприятии сибиряков, не сохранились ярким пятном в семейной памяти.

от наемной рабочей силы, что в первое время защищало их от бесчинств властей. Но в дальнейшем, осознав крайнюю ненадежность этих средств, выгоняли со двора скот, и, собрав дорожные узлы, бежали из деревни. В майской кампании раскулачивания 1931 г. крестьяне продемонстрировали апатию и бессилие в противостоянии с новой властью. «С обреченной покорностью они готовились к ссылке... немалое число кулаков добровольно прибывало на сборные пункты для отправки на север» [9].

Крестьяне стали вступать в колхозы, чтобы защитить семьи от полного разорения. Оживился брачный рынок: «богатые» стали спешно заключать браки с женихами или невестами из бедных семей.

Мы наблюдаем резкое изменение перемены поведения от демонстрации свободы и независимости к «угрюмой покорности» силам, разрушающим столетия достойной жизни. Загадку такого изменения социального поведения давно пытаются решить историки. В социальной памяти сибиряков запечатлелись чувства обиды, разочарования от потерь, непонимание причин их разорения. Сибиряки демонстрировали пластичность толерантности, ее оборотную сторону.

Основной лейтмотив семейных историй, относящихся к предвоенному времени – страх. Сибиряки дистанцировались от власти, не идентифицировали себя с ней. Власть – это нечто, разрушающее их уклад, мешающее счастью, что-то вроде дождливых дней во время сенокоса. Перетерпи, все пройдет, а там – может и наладится⁷. Даже респонденты-активисты хлебозаготовок, «общинники» не причислили себя к власти.

Военный период – еще один пик проверки социальной терпимости сибиряков. Зимой 1941 г. в сибирские селения стали поступать депортированные из Поволжья немцы. Потомки этой этнической группы сохранили в памяти неприязненное отношение к себе со стороны местного населения. «В период адаптации в местах спецпереселений отношения с местным населением сразу по прибытии стали напряженными, к ним относились, как "фашистам"⁸. Имели место случаи обострения, вызванные первыми «похоронками» с фронта.

Итак, мы рассмотрели несколько критических периодов формирования сибирской толерантности. Сегодня можно говорить о продолжении дистанцирования сибиряков от центральной России, несмотря на политические маневры местной власти. Сибиряки сдержанно, без особой неприязни относятся к вновь прибывающим группам мигрантов, с пониманием относятся к их проблемам и трудностям, но в повседневной жизни скептически воспринимают «судьбоносные» решения власти. Государственная администрация, живущая за Уральским хребтом, чувствует эту позицию. Вот цитата из статьи чиновника правительственного комитета. «Интеграционизм... населения региона (сибирского. – Л. Л.) базируется на двух основных постулатах, принимаемых как данность, во-первых, на осознании себя совершенно особой, отдельной и специфичной составляющей населения России. Средний житель региона не только рефлексировал реальные отличия (например, малую выраженность расистских стереотипов), но и предпочитает считать себя "иным" – более честным, прямым, открытым, доброжелательным и корпоративным, не-

⁷ Для историй типично следующее высказывание: «Власть мы боялись! Власть-то их была, начальства!» (М. К. Соломатова, 1914 г. р.). В повседневных практиках сибиряков выработалась технология выстраивания отношений с властью: говорить можно... шепотом. «Народ стал всего бояться. В селе говорили только шепотом» (А. Т. Атучина, 1924 г. р.), «слова лишнего боялись сказать».

⁸ «Моя бабушка была против брака своей дочери с репрессированным немцем, так как считала его фашистом». (Из семейной истории Юрковых). «Мой дед Иоганнес родился в 1898 г. Когда началась война, его на фронт не взяли, так как он был немцем. ...По указу ПВС СССР от 28.08.1941 г. семья Кобер вместе с другими немцами отправлена на поселение в Сибирь. По распределению наша семья попала в Кемеровскую обл., Крапивинский район, приписана к Банновскому совхозу. Не зная русского языка, трудно было общаться с местными русскими, со стороны которых отношение было враждебное и презрительное. Семья оказалась в тяжелом моральном и финансовом положении. Но они стали жить и работать в совхозе, выучили русский язык, однако никто из детей не имел возможности получить образование. Своим трудом и упорством семья Кобер заслужила авторитет и доверие у соседей» (из семейной истории Кобер).

жели жители центральной России, во-вторых, на осознании своего противопоставления центральной власти, ее репрессивному аппарату и, в известной мере, жителям центральной России. Иного, впрочем, трудно было бы ожидать от людей, чьи предки (если не они сами) были либо сосланы, либо депортированы, либо, (в лучшем случае) были экономическими беженцами с территорий, находящихся под плотным контролем центральной власти» [10].

Подводя итог, можно говорить о традиции толерантности, сформированной социальными и географическими факторами и воплощенной в повседневных социальных практиках сибиряков. Основой данных практик является социальная память, проявляющая себя в семейных традициях, обусловленных объективными условиями проживания: климатом, рельефом местности, спецификой флоры и фауны, а также этнокультурной средой.

Литература

1. James W. *The principles of psychology*. – N. J.: Plenum Press, 1980. – P. 293.
2. Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования / ред. А. О. Бороноев. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002. – С. 6.
3. Завалишин Д. И. Описание Западной Сибири. – М.: Тип. Грачева и комп., 1862. – С. 90.
4. Пыпин А. Н. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. – 1888. – Т. 2, – кн. 4. – С. 684–724.
5. По свидетельству П. А. Ровинского, «Отправившиеся... в Сибирь наши северяне и между своею братиею были недюжинные люди, бывалые и опытные... притом люди вольницы, не терпевшие никаких стеснений». См.: Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 1. – С. 82.
6. Кукушкин В. С. Этнопедагогика и этнопсихология / В. С. Кукушкин, Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – С. 145.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 40, 241.
8. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 гг. / С. А. Папков. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 13.
9. Там же.
10. Павленко С. Центр – регионы: Кто кого? // Международная жизнь. – 1993. – № 4. – С. 92.

М. В. Белозерова

*кандидат исторических наук, доцент Кемеровского госуниверситета
докторант Томского государственного университета*

ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: XX СТОЛЕТИЕ

Толерантность и межэтническая напряженность – явления взаимосвязанные. Они в достаточной степени ярко проявлялись в течение XX столетия. Рассмотрим эти два понятия и проследим их взаимосвязь на примерах автохтонных этносов, проживающих на территории Южной Сибири.

Такое явление, как «*межэтническая напряженность*» имеет несколько аспектов. Во-первых, оно является *неотъемлемой частью* межэтнических отношений в целом и, во-вторых, *нормой обыденной жизнедеятельности* любого социума, но не чем-то чрезвычайным, экстраординарным. Как правило, она носит *латентный (скрытый) характер*. Кульминацией межэтнической напряженности или межэтнических противоречий является этнический конфликт, который принимает характер открытой конфронтации [1, с. 200]. Межэтническая напряженность с возможностью перерастания в

конфликт возникает с развитием и осознанием «этнических интересов» и вследствие объективного неравенства этносов по численности, уровню социально-экономического развития и т. п. Таким образом, данные процессы носят объективный характер и присущи полиэтническому государству, каким является Россия. В большинстве своем межэтническая напряженность возникает из-за территориальных споров; в связи с массовой миграцией населения; с нерешенностью социальных проблем и проблем, связанных с землепользованием и возможностью допуска к ресурсам; с конкуренцией «этнических секторов» в сфере услуг, торговли, на рынке труда. Они могут возникать на религиозной и бытовой почве [2].

Распад Российской империи и образование СССР в первой четверти XX в., а также сопутствовавшие этим глобальным событиям Гражданская война, массовые миграции населения, обострили межэтнические антагонизмы и породили новые. Наиболее ярко это проявилось на окраинах страны (в контактных зонах расселения нескольких этносов), в том числе и на территории Южной Сибири.

В 1920-е гг. в этом регионе в среде автохтонных этносов можно отметить ряд ситуаций межэтнической напряженности, проявившиеся в усилении сепаратистских тенденций. В данном случае под «сепаратизмом» (*от фр. separatisme, от лат. separatus – отдельный*) мы понимаем «стремление к обособлению; движение за предоставление части страны автономии». На территории Южной Сибири данные тенденции выразились в стремлении национальных меньшинств к автономизации. С одной стороны, это не противоречило курсу национальной политики и административно-территориального устройства, проводимому советским государством. Как известно, районирование в этот период проводилось не только на основе территориальных и экономических условий, но и с учетом национальной составляющей. С другой стороны, образование автономных административно-территориальных единиц, например, Ойротской автономной области, Хакасского инородческого уезда, стало реализацией устремлений национальной интеллигенции и части населения, основанных на идеях сибирских областников о возможности автономии Сибири и, в частности, самоопределения коренных народов. После Октябрьской революции эти идеи были поддержаны большевиками. Кроме отмеченных выше факторов, следует учитывать и активные миграционные процессы вследствие голода в европейской части страны и Гражданской войны, которые вплоть до середины 1920-х гг. носили стихийный характер. Переселенцы селились сопредельно с алтайцами, хакасами, шорцами. В результате складывалась ситуация, при которой происходило столкновение интересов коренного и пришлого населения, носивших прежде всего территориальный и экономический характер. Последний фактор стал одним из решающих в требовании автономии шорцами. Результатом стало образование Горно-Шорского национального района [3, с. 60–65].

Решение национального вопроса в условиях строящегося социалистического общества осуществлялось во многом жесткими карательными методами и реализацией идеи слияния или интеграции наций и народностей в единую нацию «советский народ». Они затушевывали и нивелировали противоречия между народами. В конечном счете, оказалось возможным избавиться от открытых этнических конфликтов, которые могли быть уголовно наказуемы, но напряженность в межэтнических отношениях сохранялась и стала принимать латентную (скрытую) форму. По мнению петербургского исследователя А. А. Бурыкина, межэтническая напряженность в СССР «...десятилетиями не замечалась никем и в силу этого не находила разрешения...» [4, с. 201]. Данную точку зрения подтверждают и факты, свидетельствовавшие о ее сохранении на бытовом уровне. Например, эпизоды, связанные с националистическими высказываниями шорской интеллигенции уже в 1960–1970-е гг., зафиксированные в аналитических справках начальника Таштагольского городского управления КГБ. Они имели антирусскую направленность, носили угрозу расправы над русскими, изгнания их из Горной Шории. Связано это было, по мнению силовых структур, с воздействием китайской пропаганды [5, с. 234].

С середины 1980-х гг., в период перестройки, в результате снижения идеологического и политического диктата, ослабления «пресса» карательных органов, нерешенности многих социальных проблем межэтнические антагонизмы активизировались [1, с. 258]. Именно тогда открыто проявилось сформированное в советский период национальное самосознание. Результат известен – распад СССР.

Но межэтническая напряженность проявилась и в относительно «спокойных» регионах, в том числе и на территории Южной Сибири. При этом она в ряде случаев могла превратиться в открытый конфликт. Данные процессы в достаточной степени хорошо можно проследить на примере коренных малочисленных народов, проживающих в Кемеровской области, шорцев и телеутов, и на примере хакасов (Республика Хакасия). Национальное самосознание прежде всего проявилось в среде национальной интеллигенции, которая стала организовывать национально-общественные организации – ассоциации. Последние во второй половине 1980-х – начале 1990 гг. стали в открытой форме представлять интересы коренных народов и явились своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами [6, с. 265]. У шорцев и телеутов межэтническая напряженность вылилась в требование решения политических и социально-экономических проблем. К примеру, таких, как решение правовых вопросов (предоставление особого статуса «народов Севера»), создание местного национального самоуправления, восстановление автономии и др.

В Хакасии же в этот период межэтническая напряженность могла перерасти в открытый конфликт, так как помимо аналогичных требований, усилилось противостояние между Ассоциацией хакасского народа «Тун» и русскоязычным населением, между Ассоциацией и органами власти. Со стороны «Тун» оказывалось прямое давление на органы власти на выборах Председателя Верховного Совета Республики Хакасия в 1992 г.; ее руководство высказывалось против избрания на этот пост русского по национальности, а не хакаса, заявляя о том, что «...произошел новый акт глумления над хакасским народом...» [7, с. 182]. С этой целью в среде хакасского населения организовывались демонстрации и пикеты, в г. Абакан подвозили хакасов из районов республики. Эти методы напоминают события, произошедшие значительно позже, уже в начале XXI в., на Украине и в Грузии. В результате избранный на пост Председателя ВС В. В. Шавыркин отказался от должности в пользу хакаса В. Н. Штыгашева. Руководством Ассоциации «Тун» были обострены отношения с русскоязычным населением Хакасии, и особенно с казачеством. «Тун» призывало к созданию вооруженных формирований из хакасского населения [8, л. 30]. В СМИ участились выступления против русских. В частности в отношении русских употреблялись такие эпитеты, как «оккупанты», печатались материалы, искажающие факты, а порою и прямая дезинформация, направленная против них [8, л. 51]. Ситуацию с трудом удалось стабилизировать при значительных усилиях как органов власти, так и принципиальной позиции Славяно-казачьего союза Хакасии, которые не поддавались на провокации.

В условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления особую актуальность приобретает *толерантность*. Понятие «толерантность в межэтнических отношениях», и сам термин «толерантность», по мнению ряда исследователей, появилось в литературе и приобрело актуальность в достаточной степени поздно, в 1980-е гг., то есть в период перестройки [4, с. 199]. Под толерантностью (*от лат. tolerantia – терпение*), как правило, понимают «*терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению*». В постсоветское время понятия «толерантность», «терпимость» стали одними из ключевых в межэтнических отношениях.

Однако при воспитании толерантности не следует забывать и о ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, *подчеркнутое внимание* к проблеме межэтнических отношений в целом и *толерантности* в частности не только не создает предпосылок к преодолению «*межэтнических граней*», но, наоборот, «*порождает*» условия для их обострения [4, с. 203]. С этим суждением трудно не согласиться, так как

обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств. Как пример можно привести требования статуса коренных малочисленных народов малочисленными этносами, в частности шорцами, телеутами, теленгитами, кумандинцами и другими; предоставление возможности льготного поступления в вузы молодежи из среды коренных малочисленных народов (например, в Кемеровской области) [9, с. 308]; налоговых льгот для развития предпринимательства или гарантированной доли от прибыли горнодобывающих предприятий, находящихся на «этнической территории».

И в заключение следует отметить, что открытое проявление этнических интересов стало объективной реальностью. Тем более в условиях, когда они подтверждены нормативно-правовыми документами. И в это же время декларируемые государством права для малочисленных этнических групп на федеральном уровне не всегда могут быть реализованы на региональном. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Южной Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары и русские, то есть этносы, проживающие на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов Севера» или коренных малочисленных народов. Все это способствует сохранению на местах межэтнической напряженности, перешедшей в очередной раз в латентное состояние. Одним из шагов к ее нейтрализации может стать линия на воспитание толерантности подрастающего поколения, вне зависимости от этнической принадлежности. И этот процесс возможен только в рамках создания и реализации на региональном уровне концепции национальной политики, в рамках которой будет введена практика решения наиболее острых этнических проблем не только на политическом уровне, но и на основе их глубокой проработки.

Литература

1. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. – М.: Наука, 2003.
2. Смит Дж. Национальное строительство и национальный конфликт в СССР в 1920-е годы // Россия в XX веке. Реформы и революции. – М.: Наука, 2002.
3. Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы (20–60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004.
4. Бурькин А. А. «Односторонняя толерантность» как проблема взаимоотношений с миноритарными этносами в гражданском обществе в целом и в образовательном пространстве в частности // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.
5. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1944–1991 гг.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
6. Белозерова М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
7. Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации / отв. редакторы М. Н. Глубого, Л. В. Остапенко. – М., 2005.
8. Центральный Государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. Р–782. – Оп. 1. – Д. 75.
9. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Кузнецова Е. С., Поддубиков В. В. Национальное образование в стратегии устойчивого развития: региональный аспект (на примере Кемеровской области) // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. А. Брылева

*старший преподаватель кафедры культурологии и философии науки
Красноярский государственный аграрный университет*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНТОНАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В рамках заявленной тематики конференции, на первый взгляд, достаточно сложно уловить, как соотносятся между собой музыкальная интонация и толерантность. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается глубокая взаимосвязь этих понятий. Ведь искусство представляет собой универсальную форму общения, а музыкальное искусство является одним из его языков. Да и сам термин «толерантность», в его широком понимании, это не только терпимость (*tolero*), бережное отношение к другой культуре, религии, но это еще и понимание, нахождение общего языка, диалог, что является важной составляющей в раскрытии социокультурных процессов. А музыка – одно из древнейших проявлений творческого начала в человеке, посредством которого он выражал свои переживания и чаяния. Так, А. В. Луначарский отмечал: «Музыка относится к числу тех искусств, которые, главным образом, являются выражением внутренних состояний человека и в особенности его эмоционального *habitus*'а, его настроения, в самом широком смысле этого слова» [3, с. 366]. Именно звуковая природа музыки была так важна в первобытном обрядовом действе, чем и объясняется ее особое положение в жизни общества. Не имеет значения, как и при помощи чего был извлечен звук, важно его «наполнение». Звук ценен прежде всего сам по себе, его способность воплотить эмоции и передать некую информацию, способность отражать внутренние психологические, духовные процессы, то, что невозможно передать иным способом. И сегодня музыкальная интонация позволяет осуществить коммуникацию, дает возможность диалога разных культур, без какого-либо посредника. Ведь внутреннее наполнение, эмоциональный заряд музыки, ее интонации понятны представителям всех национальностей.

Так, в процессе длительного отбора, формируется своеобразное «интонационное поле» или «семиотическая система», в которой отражаются наиболее распространенные музыкальные приемы и интонации эпохи, культуры. В XX в. особенно актуальным становится вопрос диалога культур, учитывая «многоязычие», пестроту стилей и течений, воплотившихся в искусстве. Таким образом, музыка, музыкальная интонация, по нашему мнению, являются основанием для такого диалога.

Музыка выступает интонационной тканью культуры, осуществляя перевод материальной сущности звуков в «идейно-смысловые конструкции». Она «сворачивает» культуру в интонацию, в которой кодируются культурные стили, художественные эпохи, с наполняющим их социально-мировоззренческим содержанием. В музыкальных интонациях аккумулируется и закрепляется социокультурный опыт, отражающийся в «общественной памяти» музыки. Этот накопленный обществом опыт объединяет музыкальные интонации в «локальные» семиотические системы, в которых закрепляются закономерности национального музыкального мышления. Подобные семиотические системы направлены на выражение духовного содержания деятельности общества посредством присущей ей

способности символизировать социокультурные явления и наделять их смыслом. Культурная семантика является способом нахождения взаимосвязи между текстом культуры, который выражается в музыке, и контекстом культуры, ее типом, как смысловой сферой, созданной обществом и выражающейся в тексте.

Анализ художественных произведений требует обращения к семантике искусства, в которой отражается соотношение между произведением, как знаком культуры, и обществом. Это помогает понять социальную значимость произведения и его воздействие на культуру. Знак культуры, в свою очередь, может выступать и в качестве «представителя» предмета, комплекса предметов или свойств, и использоваться для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений или компонентов сообщений какого-либо рода. Он характеризуется способностью представлять некие объекты действительности, фиксировать в предметной, жестовой или интонационной форме сходство между вещами, ситуациями и переживаниями. Хотя в реальности такое сходство может не иметь места в культуре и существовать лишь условно. Но в результате складывается «множественность норм»: языковых, технических, эстетических, этических, которые, попадая в область искусства, преломляются в нем и начинают служить его целям и становятся внутренними силами для раскрытия многогранности культуры.

Предлагая рассматривать музыкальную культуру как «локальную» семиотическую систему, мы полагаем, что, являясь частью общей семиотической системы культуры, музыка представляется средством общения и передачи накопленного опыта из поколения в поколение с помощью музыкальных интонаций, знаков, языков, текстов, стилей, которые являются средствами трансляции информации.

Принципиальный плюрализм XX столетия породил множество новых форм, конструкций в разных видах искусства. Нелинейное мышление наложило свой отпечаток на отношение автора к пространству и ко времени, спровоцировало особую усложненность взаимоотношений с миром, исключило ясность и однозначность из художественного текста. Само обилие различных стилей и направлений в изобразительном искусстве, в музыке, в литературе свидетельствует о «нелинейности сознания» как самих творцов, так и тех, кому адресовано их творчество.

В XX в. интенсивность процессов ускоряется, для большинства творцов общая художественная концепция перестает быть первостепенной. В это время речь идет о создании нового «кода», «языка» и связанного с этим развития новых техник, отношений между слушателем и композитором, новой «философии». Как отмечал М. Тараканов: «В сфере музыкальных средств, все разбилось на осколки, и здесь утрачена цельность, потеряно универсальное, типологическое» [6, с. 44]. Таким образом, по нашему мнению, сохранение и передача особенностей музыкальной культуры разных народов, их толерантный диалог представляются приоритетными в культурогенезе.

Слова Альфреда Шнитке: «Пусть все будет одновременно» – дают, на наш взгляд, наиболее точную характеристику культуры XX в. Он же является одним из создателей и теоретиков феномена «полистилистики». Именно в ней соединилось все разнообразие музыкальных языков, стилей, жанров в «единый стиль», который отразил мозаичность сознания культуры XX в. Композитор должен учитывать стилистическую многомерность искусства и культуры в целом, отражая в своем творчестве главный парадокс современного искусства: «одновременность стилей, выражающих различное время и разные эстетические тенденции» [2, с. 147].

XX в. предпринял попытки выявить закономерности художественного процесса и их взаимосвязь с общекультурными фактами. Ряд исследователей (Ю. Тынянов, Б. Асафьев, Д. Лихачев, Ю. Лотман) связывали развитие и эволюцию художественных форм с внутренними процессами, связанными с типом культуры, своеобразием истории

ческого и психологического сознания. И таким образом культурно-исторические мотивы не привносятся извне в литературу, музыку, живопись театр, а раскрываются как неотъемлемая, внутренняя сторона художественного процесса эпохи; и произведения искусства становятся «выразителями» духа, стиля времени, его ликами.

Современный человек, «переживающий» культуру сейчас, способен к подобному переживанию потому, что у него присутствует «историческая память», традиция. Отсюда возможность в потоке времени выделить моменты, определяющие целостный характер и своеобразие соответствующих видов и форм деятельности.

Многие исследователи указывают на разнородность и многообразие художественных течений в культуре XX в. И. Кондаков считает, что мозаика, составленная из разнородных социокультурных фрагментов и образующая полистилистику, представляет собой выход из стилового тупика для искусства XX в. «Полистилистика обозначила “третий путь” художественно-эстетических исканий, основанный на контрасте и соревновании, на взаимодействии и сочетании «старых» и «новых» стилей искусства, уравненных в ценностно-смысловом отношении между собой, на их полифонии, наложении, конфликтном сопряжении, коллаже и, если возможно, синтезе» [2, с. 149].

Л. М. Олейник отмечает, что в XX в., начиная с момента перевода предмета из системы его объективного отражения в систему субъективного впечатления о нем, художники постепенно перешли от формирования и осознанного построения произведений искусства к организации спонтанных деструктивных актов, результатом которых явилось создание индивидуальных знаковых систем и появление непредсказуемых форм, основанных на подсознательном стремлении к расширению познания о внешней форме [4, с. 59]. По его мнению, в музыке фактически происходит распад замкнутого музыкального произведения, так как интерес концентрируется на музыкальном мгновении, метод его фиксации становится гораздо существеннее общего результата и восприятие формы уходит на второй план. А вместе с формой исчезает необходимость длительного, процессуального развития, созерцания, и роль нотного текста ослабевает, достаточно посмотреть на партитуры современных композиторов.

Теперь уже не отражение жизни в искусстве, не подражание ей, а их диалог, соотношение стиля жизни и стиля искусства. Полистилистика искусства и полистилистика реальности (например: политика и этика, повседневность и идеология), отмечает И. Кондаков, предстают не только как стилистические подобию, но и как своеобразные стратегии бытия культуры, социокультурные модели, разворачивающиеся от рафинированных до повседневных.

Современная музыкальная культура включает целый спектр языков: от языка популярной музыки до классики и авангардного джаза. В результате складывается некое «музыкально-семиотическое поле», в котором отражаются основные тенденции (языковые, стилевые, жанровые) эпохи, находя выражение в произведениях искусства. Многообразие музыкально-семиотических систем, складывающихся на основе типизации музыкальных интонаций в процессе исторического отбора, представляют пеструю палитру взаимодействия этих систем в социокультурном пространстве.

Современное искусство отвечает основным принципам мышления эпохи: множественность систем взглядов и отсчетов – разнообразные «точки зрения» в художественных направлениях. Искусство XX в. стало запечатлевать спонтанные движения образов сознания, их переменчивость, многомерность. Множественность форм выражения: коллажность, ассоциативность и др. – становится ведущим методом в художественном творчестве современности.

Таким образом, на смену устойчивой традиции существования музыки в виде законченных произведений приходит приоритет процесса над результатом, и, как следствие, появляется открытая и разомкнутая форма. В алеаторике, электронной музыке, мик-

рохроматике и пуантилизме музыкальная идея обретает свое воплощение не в виде завершенной композиции, а создается непосредственно, в данный момент, выступая как музыкальный процесс, как происходящее в настоящий момент событие [4, с. 59–60].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что музыкальная интонация выступает сродни *концепту*, который выстраивается в определенный эволюционный семиотический ряд (Ю. Степанов). Концепт определяется как единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, в которой отражены знания и опыт человека [5]. Он возникает в процессе анализа информации об объектах и их свойствах. Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода. Единицы универсального предметного кода имеют предметно-образный, чувственный характер. А его универсальность связана с тем, что он является постоянной константой у носителей языка, хотя и различен у индивидов. К примеру, концепт «университет» вызывает у каждого человека свои ассоциации, образы [1, с. 207–211].

В нашем случае, концептом может выступать и музыка (во всем ее образном, жанровом, стилевом разнообразии). По типу выраженности музыку, музыкальный язык, интонацию можно отнести к концептам невербального выражения. В свою очередь многообразие систем концептов и констант выражается в концептосфере (Д. Лихачев) и дает целостное представление о национальной культуре и традициях. По мнению В. Зинченко, В. Зусмана, З. Кирнозе, концепт аналогичен культуре. И если культура – это макросистема, то концепт – представляет собой микросистему. Концепт порождает коммуникацию в системе культуры и порождается ею [1]. Ю. Степанов выделяет внутреннюю форму концепта, которая в сопоставлении «микросистема-концепт» и «макросистема-культура» предстает как «смысловая аналогия создателя артефакта» [5]. Для художественных концептов внутренняя форма очень важна. Принцип аналогии и связанности лежит в основании внутренней формы в теории В. фон Гумбольдта. Так, В. фон Гумбольдт под внутренней формой понимает способность звука вызывать ассоциации «с некогда связывавшимся с ним ощущением». Звук «настраивает душу на присущий данному предмету лад, частью самостоятельно, частью через воспоминания о других, ему аналогичных предметах». Чувственный образ, лежащий в основе слова настраивает воспринимающего на «нужный лад». Таким образом, можно говорить об аналогии между мышлением и миром, миром и языком [1, с. 174–175].

В результате, складывается своеобразная музыкальная концептосфера, формирующая представление о социокультурных особенностях музыкальной интонации для каждой культуры. А это, в свою очередь, формирует предрасположенность к толерантному диалогу культур и ведет к гармоничному существованию «многого в едином».

Литература

1. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 224 с.
2. Кондаков И. В. Прорыв к полистилистике (Творчество Альфреда Шнитке и искусство XXI в.) // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 147–159.
3. Луначарский А. В. В мире музыки. Статьи и речи / сост., ред. и комм. Г. Б. Бернандта и И. А. Саца, предислов. И. А. Саца. – М.: Сов. комп., 1971. – 544 с.
4. Олейник М. Л. Современное художественное произведение в контексте нового понимания музыкального времени // Вопросы философии. – 2006. – № 7. – С. 57–60.
5. Степанов Ю. Семиотика концептов // Семиотика: Антология; ред. и сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 603–612.
6. Тараканов М. Традиции и новаторства в современной советской музыке // Проблемы традиций и новаторства в современной музыке. – М.: Сов. композитор, 1982. – С. 30–51.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

В условиях глобальной взаимозависимости все межкультурные контакты и обмены практически трансформировались в настоящую конфронтацию. Развитие повсюду в мире средств транспорта и связи, наряду с ростом международных рынков труда, капитала и финансов, умножает и увеличивает значение местных акций до глобальных масштабов. Большинство современных столкновений, за исключением попыток антигуманных режимов вообще уничтожить мир *Другого*, происходит в этом промежуточном пространстве частичных оценок, трансляций и возражений.

Считается, что культурные отличия и их смыслы уникальны, а обычные ценности считаются само собой разумеющимися и не нуждаются в дополнительном предоставлении. Устойчивое мнение, что культура определенного типа является таковой именно в этих отличиях ее от другой, ограничивает возможности культурной идентичности экзотикой и отдаляет нас от понимания того, что все наши сходства определяют нас как часть человечества. Однако представление предполагаемых особенностей культур повинуется встроенным правилам, которые являются весьма независимыми от политической и социальной действительности.

В аналитическом смысле пространство культуры становится своего рода нейтральным контейнером для культурных особенностей, общественных порядков и не согласующихся между собой исторических воспоминаний. Таким образом, пространство культуры действует как центральный организующий принцип в общественных науках, в то же время исчезая из кругозора аналитиков гуманитарного профиля. Поэтому нами поставлена задача выявления специфических черт организации культуры основанных на некоторых различающихся коммуникативных формах.

В своем исследовании мы взяли за основу научный принцип, гласящий, что тот, кто занимается изучением культур, никогда не должен принимать культурные нарративы групп и индивидов за чистую монету. Будучи современными людьми, мы гораздо больше своих предшественников XVIII и XIX вв. знаем о безграничном разнообразии и невозможности сведения к единому знаменателю культур, систем верований, ценностных приоритетов и способов репрезентации. По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности. Культура постоянно ведет «игру» с внекультурным пространством, то помещая туда свои страхи, то делая его вместительным своих идеалов и постоянно созерцая себя в этом перевернутом зеркале.

Диалогический характер культуры – один из существенных ее признаков. Необходимо отметить, что в процессе становления конкретных носителей определенной культуры ее развитие происходит в поле диалога, взаимовлияния *Одного* на *Другого*. В целом, поле диалога культуры в процессе ее бытия можно представить как формы отношений со средой (природой), социумом и сознанием (внутренним миром человека). Другими словами, чтобы объяснить причины существования определенных форм и способов существования коммуникативных культур, мы должны постараться понять всю совокупность обстоятельств, среди которых диалог и коммуникации выступили бы одними из аспектов сложного процесса организации системы культурных ценностей.

Особенность коммуникативных процессов объясняется типом культуры. Культуры, ориентированные на сообщения, носят более подвижный, динамический характер. Они имеют тенденцию безгранично увеличивать число текстов и дают быстрый прирост знаний. Классическим примером может считаться европейская культура XIX в. Обратной стороной этого типа культуры является резкое разделение общества на передающих и

принимающих, возникновение психологической установки на получение истины в качестве готового сообщения о чужом умственном усилии, рост социальной пассивности тех, кто находится в позиции получателей сообщения. Очевидно, что читатель европейского романа нового времени более пассивен, чем слушатель волшебной сказки, которому еще предстоит трансформировать полученные им штампы в тексты своего сознания, что посетитель театра пассивнее участника карнавала. Тенденция к умственному потребительству составляет опасную сторону культуры, односторонне ориентированной на получение информации извне.

Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества. Исторический опыт показывает, что наиболее жизнестойкими оказываются те системы, в которых борьба между этими структурами не приводит к безусловной победе какой-либо одной из них. Однако в настоящее время мы еще весьма удалены от возможности сколь-либо обоснованно прогнозировать оптимальные структуры культуры. До этого еще следует понять и описать их механизм, хотя бы в наиболее характерных проявлениях [6, с. 42–45].

Это не нуждалось бы в пояснении, если бы свойственный современной науке радикальный мультикультурализм не порождал массу проблемных ситуаций. «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом, – пишет С. Бенхабиб, – я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы. В основе моей трактовки комплексного культурного диалога, напротив, лежит не визуальная, а звуковая метафора. Нам следует рассматривать человеческие культуры как постоянное создание, изменение и сужение воображаемых границ между “нами” и “другими”, “другой” всегда также внутри нас, он один из нас. Мы становимся сами собой только потому, что отличаем себя от реального, а чаще – воображаемого “другого”» [1, с. 8]. Реальное столкновение между разными культурами создает не только сообщество обсуждения, но и сообщество взаимозависимости. Следовательно, фундаментальным различием между культурами выступает позиция осваивающего мир человека, который создает основные парадигмы познания окружающего мира, одновременно создает и разрушает границы культур.

Ситуация понимания – это необходимое условие диалога культур. Карл Ясперс отмечал, что проблема взаимопонимания, открытости, диалога различных культур, народов и религий – не роскошь, а жизненная необходимость. Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она постоянно обращается или к своему прошлому, или к опыту других культур. Необходимо отметить, что не всякое взаимодействие культур есть диалог. Культуры вступают в контакт с различными целями: утилитарными (культура рассматривается как «материал»), познавательными (культура – как предмет изучения) [5, с. 213]. Диалог возможен только между равноправными, равноценными культурами не исключая их различий, уникальности, непохожести.

Сегодня большинство из нас являются членами более чем одного сообщества, более чем одной языковой группы, более чем одного этноса. Миллионы людей в мире вовлечены в миграционные потоки по экономическим, политическим или творческим причинам. В большей мере, чем когда-либо прежде, сейчас «подлинные нации», «чистые» языковые группы и незамутненные этнические идентичности фактически являются «воображаемыми» сообществами. Эти сообщества возникли в воображении поэтов, романистов, историков и, конечно, государственных деятелей и идеологов XX в. Для утверждения норм всеобщего уважения и эгалитарной взаимности нужны стратегии, заимствованные из различных традиций философской мысли, постигающей вопросы поведения человека и обретения знания. Парадоксальным образом, чем больше мы понимаем, тем больше способны простить; в изучении человеческой культуры и общества действует принцип:

«все понять – значит все простить». Нормы в минимальном их смысле необходимы нам, чтобы различать консенсус, к которому участники пришли рационально и свободно.

Процесс понимания другой культуры – это всегда ее вопрошание. Смысл, обнаруживающийся при вопрошании, зависит от умения находить ответы из условий познавательной свободы вопрошавшего. Здесь смысл выступает как культурологическая категория. Эта промежуточная сущность, находящаяся между миром переживаемых прафеноменов и миром их инобытийственных семиотических эквивалентов. Смысл динамичен. Организуясь в завершенные ноуменальные структуры, смыслы опредмечиваются, застывая в конечных и единичных формах, образующих предметное тело культуры и отправной пункт для дальнейшего смыслообразования. Такое понимание смысла разводит культурологию с семиотикой. Другая культура не молчит, она являет нам знаки своего бытия, но раскрытие содержания этих знаков всегда зависит от вопросов, которые задает культуре исследователь. Для того чтобы стал возможен диалог между исследователем и культурой, необходимо «поле для диалога», его составляющими могут выступать: совокупности процедур мыслительной деятельности, закрепленные в особых стилистиках мышления (рационализм, феноменология), стили искусства, традиции, совокупности нормативно-ценностных установок и т. д. При этом следует учитывать, что понимание – всегда столкновение «привычного» и «непривычного». Тут важно уметь помыслить «иное», то есть «отстраниться» от привычного. Кроме того, здесь еще осуществляется «соотнесение», фиксация на территории стиля, времени и способов познания. Под стилем здесь понимается «поле» познавательного и творческого диалога в культуре. Стиль образует поле коммуникации, где люди одной культуры воплощают свое духовное единство, передают друг другу технологические приемы делания, творения и понимания друг друга.

«Понимание – это не сенсорный, а коммуникативный опыт. Коммуникативный опыт – это разговор и понимание, возникающее между двумя субъектами, каждый из которых является участником переговоров» – выделял в своих исследованиях Ю. Хабермас [7, с. 315–324]. Ю. Хабермас рассматривает ситуацию понимания в коммуникативном действии, как ориентированную на существующую в культуре систему ценностей и норм. Ю. Хабермас основывает стратегию поведения (социального действия) исходя из принятых в обществе социальных норм, и основная его дилемма состоит в том, чтобы выяснить, насколько она соответствует рациональным аргументам, и насколько эти рациональные принципы отражают ценностную природу принятых в данном обществе норм. В этом смысле в его теории нет противоречий между познанием и социальными нормами, между истиной и ценностью. Основная проблема здесь – это проблема интерпретации главного понятия – «смысл». Смыслополагание – это коммуникативный опыт, предполагающий участие в процессе понимания, уяснения. Человек всегда оценивает то, что есть, на основе социально значимых образов.

Коммуникативное действие включает как собственное предпочтение, так и оценку притязаний *Другого*. Коммуникативное действие как символически опосредованная интеракция, во-первых, задает систему отсчета для описания и понимания происходящего, для конструирования его как предмета познания, во-вторых, коммуникативное действие – это конкретно-исторический процесс производства социальной реальности.

Результатом диалога культуры и культур является насыщение содержания культуры новой информацией и новым знанием. Таким образом, любой диалог вызывает к жизни все новые и новые коммуникативные особенности культуры. В диалоге проявляется коммуникационная функция культуры, а сама ситуация диалога – это столкновение ценностных миров культур, что в свою очередь порождает ситуацию осознания и, может, переоценки собственных ценностей.

На протяжении истории человечества обобщенная моральная позиция равного отношения утверждалась как через взаимодействия, так и через столкновения культур, посредством как коммерции, так и войн. Ее появлению способствовали и международные

соглашения, и международные угрозы. Считается, что описанные культурные отличия и их смыслы уникальны, а обычные ценности считаются само собой разумеющимися и не нуждаются в дополнительном представлении. Устойчивое мнение, что культура определенного типа является таковой именно в этих отличиях ее от другой, ограничивает возможности культурной идентичности экзотикой и отдаляет нас от понимания того, что все наши сходства определяют нас как часть человечества. Однако представление предполагаемых особенностей культур, повинуется встроеным правилам, которые являются весьма независимыми от политической и социальной действительности. Исторический и моральный опыт заставляет нас верить в верховенство всеобщих прав, но модель комплексного культурного диалога не подтверждает, что другие культурные традиции и жизненные миры восприимчивы к общечеловеческим нормам. Таким образом, опыт достигается только через моральную трансформацию.

Обитаемая вселенная культур всегда является нам во множестве. В сложном диалоге нам следует быть внимательными к изменению позиции другого и себя, «нас» и «их». Получив богатое, наполненное контекстом представление об «этих мирах», мы убеждаемся, что свойственное им понимание социальных благ допускает многосмысловые и взаимопротиворечивые оценки. Подобная сложность истолкования дает нам возможность вступить в диалог с этими «другими мирами».

Диалогичность культуры – необходимое условие для ее понимания. Именно в диалоге, через диалог обнаруживает она себя. Понятия «коммуникация» и «диалог» различны в своем содержании. Диалог – это взаимодействие, общение (внутри культуры и вовне ее). Коммуникация – это структура самой культуры, ее внутреннего пространства. Культура находится в постоянном диалоге сама с собой (во времени) и с другими культурами (в пространстве настоящего), тем самым, активизируя все возможные свои коммуникативные структуры. Такая точка зрения на комплексный культурный диалог представляет собой более адекватное, более соответствующее опыту и более точное понимание процессов развития человеческой культуры и истории и может служить основой понимания процесса самоорганизации ценностей и смыслов культуры.

В контексте глубинного противоречия современных цивилизаций и культур, между процессами информационной глобализации и интеграции общественных процессов, с одной стороны, и стремлением к сохранению культурной идентичности, этноконфессиональной целостности, индивидуализации личностного начала, происходящие в современном социокультурном пространстве изменения не могут не оказать существенного влияния на содержание и направленность коммуникативных процессов. Возникающая на границе человеческого и технического миров область коммуникаций неизбежно оказывается пограничной для исследований культурологии, философии техники, теории коммуникации, семиотики и истории, поскольку воздействие общественных изменений и новые информационные технологии «связаны не столько с расширяющимися возможностями накопления и переработки информации» как это представлялось ранее, сколько «с новыми формами коммуникации» [4].

Но понятие собственной идентичности в коммуникативном мире образует устойчивую антонимическую пару с понятием дистанцирования от Других, поскольку процесс поиска, обретения и выражения индивидуальной и социальной идентичности в то же время всегда является процессом отделения себя от *Других*. При этом у человека формируется индивидуальная репрезентативная картина окружающего мира, *Другого*, *Чужого*, которая посредством метафор находит свое воплощение в языковых формах. Современный индивид пребывает в ситуации перманентного морального выбора, когда он служит только своему богу и оскорбляет других богов.

Хотя человек и его культура являются знаково-символическими образованиями, но речь все-таки должна идти о коммуникации и диалоге, то есть о взаимодействии, взаимопереплетении разнородного, а не поглощении одного другим. И тому есть веские основания: добро – это высшая нравственная ценность, противоположностью которого яв-

ляется зло, антиценность. Понятия добра и зла лежат в основе всех коммуникационных действий. Но в реальной жизни люди совершают как хорошие, так и плохие поступки, и, оценивая их с точки зрения здравого смысла, культура определяет возможность или невозможность совершения коммуникативного акта. Приоритет тех или иных ценностей распространяется на определенные типы отношений и действия, и очень важно видеть, понимать и учитывать их априорное влияние на коммуникационный процесс.

Отличие сегодняшней ситуации состоит в том, что в процессах глобализации мотивационная составляющая унифицируется и ориентируется на ценностные системы Запада. И хотя в «Меморандуме прав человека», представленном Американской антропологической ассоциацией в ООН в процессе подготовки Декларации прав человека, говорилось: «Нормы и ценности соотносятся с культурами, из которых они происходят. Так что любая попытка сформулировать всеобщие постулаты на основе представлений или морального кодекса одной из культур ограничивают применимость соответствующей декларации прав человека к человечеству в целом» [2, с. 247] – эти положения так и остались без внимания.

Осознание ценностей своей культуры наступает лишь при встрече с представителями других культур, когда происходит взаимодействие разных культур и обнаруживаются различия в их ценностных ориентациях. Разница в общении с представителями своей культуры и представителями других культур заключается именно в уровне осознания своего коммуникативного поведения. При общении с иностранцами этот уровень гораздо выше того, который свойственен нам при общении с представителями своей культуры. Ведь обстоятельства общения с другими культурами всегда новы и необычны, они исключают какую бы то ни было рутинность. Именно в этих случаях возникают ситуации непонимания, растерянности, бессилия и раздражения, вызывающие чувство обиды, злости, отчуждения, оскорбления.

Многие современные теории утверждают, что постоянство человеческого Я – не более чем иллюзия. Человек есть непрерывно изменяющееся отношение «Я – Иное», поскольку он постоянно находится в коммуникации и именно поэтому не может быть неизменным. По мнению И. Н. Дубина, «субъект становится тем, **что** он есть, в зависимости от направленности отношения с другими (отношения “Я – Другой”), то есть человек различен в зависимости от того, осуществляет он коммуникацию с субъектом или объектом. Но человек становится иным и в отношениях с разными “Ты”, а может быть, и в отношениях с разными “Они”» [3, с. 94]. Понимание всегда индивидуально и существует в виде отдельных актов, которые транслироваться не могут. Интерпретации же, как возможный, но не обязательный продукт понимания могут полагаться в культуру и транслироваться.

Помощь, содействие в сфере планирования, сотрудничество, передача истины – все эти виды деятельности можно определить как *диалоговые*. Классический образец диалога как паритетного общения двух индивидов, обсуждающих и выясняющих истину, мировая культура, по мнению В. В. Шалина, сохранила в образах и наследии Сократа, Будды, М. Ганди, М. Л. Кинга [9, с. 64]. Тот диалоговый режим, который принимается теоретиками этики ненасилия для осуществления толерантного поведения, обусловлен нравственной зрелостью человека и его культурной заинтересованностью. Описанные учеными виды коммуникативно-целесообразной деятельности действительно способствуют формированию диалога. Однако их технологическая интерпретация и использование рано или поздно обнаруживают мотив принуждения и манипулирования *Другими*.

Политическая обстановка в мире не отличается стабильностью, и многие институты работают над творческим созданием новых значений и средств коммуникации. В рамках межкультурной коммуникации они помогают сформулировать некие общие идеалы (толерантность, равноправие традиций, этика и политика ответственности и др.). Но процесс создания единого поля коммуникативного взаимодействия не проходит гладко.

Установки, идеи, убеждения – вот то главное, что предполагают люди истинными или ложными в процессе коммуникации. Они изначально состоят из тех базовых понятий, которые должны быть истинными для того, чтобы коммуникативное действие имело смысл. Считая их доказанными, придерживаясь их, не подвергая сомнению, предполагая причинно-следственные отношения, люди формируют убеждения, которые и дают ограничения и создают проблемы коммуникации. Эти основные руководящие положения, «окаменевшие внушения о жизни, людях, человеческой природе, успехе, неудаче, цели и т. д.» [8], являются не подлежащими сомнению аксиомами, берущими свое начало в семье, культурной среде, языке. И если их неопределенность, недостаточность не осознается, то коммуникация становится невозможной. Эффективной же коммуникация становится только тогда, когда эти убеждения расширяются за их границы. Поэтому наряду с научно-техническими открытиями, социальными изменениями, творчество новых, более либеральных и гуманных форм жизни и общения также является условием человеческой свободы. Даже если отдельная личность творчески открывает более свободные и человеческие формы коммуникации, они подлежат коллективному освоению, ибо воспринимаются с точки зрения сохранения и выживания сообщества в историческом процессе.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003.
2. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов; Ин-т философии. – М.: Наука, 2005.
3. Дубина И. Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
4. Иванов Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html>. Загл. с экрана.
5. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д. В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000.
8. Холл М. Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004.
9. Шалин В. В. Место и роль толерантности в системе либерально-демократических ценностей // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. 2002. – № 1. – С. 58–65. – (Серия «Социология»).

Г. Г. Ултургашев

кандидат технических наук

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОСНОВЫ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ)

Издrevле термин «культура» (от лат. Culture – возделывание, воспитание, образование и др.) противопоставляется «натуре» (от лат. Nature – природа) как форма организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленная в продуктах материального и духовного труда.

Мир культуры изучают с разных сторон. К этому процессу подключаются история, археология, этнография, антропология, философия, социология, психология, этика, эстетика, лингвистика, семиотика и другие дисциплины. Памятуя о том, что стороны сложных объектов (компоненты, свойства, связи, отношения, структуры и т. д. и т. п.) неисчерпаемы, а сам объект культуры в последнее время стал очень активным в познании, то с некоторой долей фантазии можно вообразить себе, каким количеством определений понятия культуры располагает ее познавательный комплекс.

Действительно, по определению ЮНЕСКО ныне насчитывается свыше 1000 определений культуры, концепций и описательных моделей. «Хороши» ли эти определения? Об этом может судить только исследователь, поскольку он формулирует их под конкретные цели и задачи. Если некоторые определения культуры позволяют решить поставленные задачи и достичь намеченных целей, то такие определения достаточные, полные и «хорошие», иные требования предъявлять к ним не имеет смысла. Другое дело, какой класс определений следует выбрать для решения общих мировоззренческих, поисково-ориентированных, методологических и образовательных задач в культуре.

Большое количество определений культуры свидетельствует о том, что современное общество ощущает глубокую тревогу и озабоченность по поводу кризиса культуры, а научное общество, осознав проблемную ситуацию, приступило к широкому профессиональному изучению ее разнообразных **явлений**. Закономерное углубление процессов дифференциации в науке порождает ряд негативных моментов, связанных с преувеличением значимости частных, потерей связей между предметами, общего понимания целого, сужением мировоззренческого, исследовательского и образовательного кругозора и т. д. Поэтому дифференциация почти «автоматически» приводит к **интегративным тенденциям**, стремлению в первую очередь решить проблемы предельно общего (философского уровня) и ответить на базовые мировоззренческие, методологические и существенные вопросы культуры, включая взаимосвязь ее крупных блоков.

Философских вариантов понятия культуры не так уж и много. Однако их анализ свидетельствует о том, что отечественные философы в разных вариантах ставят в качестве мировоззренческого, объяснительного принципа и методологического основания **отражения культуры – деятельность**. Деятельность в отличие от жизнедеятельности животных – это специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его сознательное, целесообразное отражение, изменение и преобразование в интересах людей.

Всякая деятельность включает в себя: объект (мир и его фрагменты), противостоящего субъекта (индивид, социальная группа, общество), его цель (обоснованная мотивами, идеалами и ценностями), средство, сам процесс деятельности и его продукты. Этот механизм и процесс, исходно начатый в материальном производстве, втягивает людей в определенные отношения, порождая социальный мир (вторая природа) и различные его сферы бытия.

Таким образом, культура, то есть все то, что уже не природа, ее многообразные материальные, духовные продукты и формы социальной жизни в **дейтельном подходе** могут быть представлены не частностями, а в **системе**, ее структурно-функциональных характеристиках.

Однако общество, бытие его различных сфер, их деятельностное функционирование и материально-духовные продукты не аналогичны культуре, а являются только **субстратом, носителями культурного качества**. Когда, скажем, в раскопках древних захоронений обнаруживают остатки продуктов прошлых производств – орудий, оружия, бытовой утвари, отходов и т. д. (культурные памятники), то их, естественно, подвергают сложным технологическим анализам с вполне определенной целью. «Технический и технологи-

ческий анализ производства позволяют нам, – пишет археолог, – выделить такие его факторы, как уровень технологического развития, степень дифференциации по технологическим отраслям, профессионализм и техническую специализацию ремесленников. Эти анализы позволяют определить стабильность оптимальных технологических операций, уровень конструктивных схем изделий, стандартизацию и техническую рациональность изделий, массовость и товарность продукции, связь сырьевых баз с ремесленником и потребителем, уровень технического потенциала того или иного ремесла в целом и ряд других характеристик» [1].

Как видим, оценка ремесла или ремесленного способа производства по перечисленным компонентам и их свойствам отражает современное понятие «культура материального производства». По продуктам – это уровень конструктивных схем, технологической рациональности, стандартность и массовость; по технологии – дифференцированность, стабильность и оптимальность технологических операций. В деятельности и продуктах соответственно представлена и овеществленная сила знаний и умений ремесленников. О чем нам говорят остатки керамической посуды и бронзовых орудий? Они свидетельствуют о том, что в отличие от домашних промыслов, использующих естественные материалы, ремесленник освоил производство искусственных материалов (силикаты, сплавы), овладел тайнами теплотехники и высокотемпературных химических реакций, методами поисков и переработки сырья, установил компонентные отношения минералов, создал специальные печи и горны с искусственным дутьем и т. д. и т. п. Это также значит, что были выработаны и освоены образцы, нормы поведения и взаимодействия в междисциплинарных экономических отношениях, то есть поставлены под определенный контроль не только природные, но и социальные силы.

Таким образом, сравнивая промысловое хозяйство и ремесленное производство, мы видим два способа и качества производств, меру реализации существенных сил человека, уровень, степень и качество освоения природного и социального мира. Этот культурный срез или аспект общества, гуманизирующий жизнь и человеческие отношения, в целом включает качество и степень совершенства деятельности, ее технологической рациональности, качественный уровень нормативов общественной жизни и ее институтов, а также продукты, обеспечивающие материально-духовную жизнь индивидов, социальных групп и общества в целом.

Поэтому предельно кратко культуру можно определить как вариант следующим образом. *Культура – это качественное состояние и уровень: а) способов всех видов деятельности человека и общества; б) норм социальных институтов, в которых протекает деятельность; в) результатов этой деятельности, воплощенных в материальных и духовных ценностях.*

Определимся с содержанием понятий: «способ», «норма» и «ценность».

Способ деятельности – система методов одной природы. При этом метод – совокупность приемов и операций практико-теоретического освоения реальности. Так, к примеру, физическое преобразование вещества может быть представлено механическими (гравитационными), термическими, электромагнитными и ядерными способами. В свою очередь, механический способ обработки распадается на методыковки, штамповки, прокатки, резания и т. д. Основная функция **способов и методов** – организация и регуляция любой деятельности для достижения поставленных целей.

Социальная норма – общепризнанная в определенной социальной сфере совокупность образцов, правил, предписаний, регулирующих деятельность и поведение людей.

Нам кажется, что по поводу ценностей следует дать более развернутое пояснение, поскольку в философском учении о ценностях (аксиология), начатом с проблемы, по-

ставленной еще великим Сократом: что есть **благо**? – пока еще много спорных вопросов и его концепцию до настоящего времени никто не опроверг. Следовательно, целесообразно опереться на следующие положения.

Ценность – философско-социологическое понятие, обозначающее положительную или отрицательную значимость объекта (предметные ценности) и нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъективные ценности).

Предметные ценности – естественные блага и зло; потребительская стоимость предметов и продуктов деятельности (полезность); культурное наследие; полезный эффект познания, истины; моральное добро и зло, заключенное в действиях людей; эстетические характеристики природных и общественных объектов; предметы религиозного поклонения и т. д. Иными словами, предметные ценности – эта та сторона любых объектов человеческой деятельности, которая вызывает к ним субъективное отношение человека. Тем самым объект познания и преобразования субъективируется, приобретает человеческое качество.

Субъективные ценности – это общественные установки и оценки; императивы и запреты; цели и проекты, выраженные нормативно; идеалы, принципы, нормы действия; представления о смысле истории, прекрасном и безобразном, святом и греховном и т. д. Для всех этих представлений характерно долженствование и отображение значения вещей в плоскости «хорошо – плохо», «предпочтительно – нежелательно» и т. п. Источником ценностей является личность, но возникают и функционируют они в конечном счете не на уровне личности, а являются продуктом коллективной деятельности людей (социальных групп и общества), социально-исторического опыта поколений. Поэтому в отношении к личности любая ценность выступает как императив или норма.

Таким образом, предметные и субъективные ценности, взаимодополняя друг друга, отражают разные ценностные стороны. *Первые* характеризуют их с субъективно-психологической стороны в виде устремлений, предпочтений, почитания, одобрения или осуждения и избегания. *Вторые* – переводят интересы и потребности на язык идеального, мыслимого и представляемого, модельного и знакового.

Богатый мир культуры в зависимости от оснований деления можно представить множеством *видов культур*. Такими крупноблочными основаниями могут быть материальное производство и техносфера, социальная организация и духовное производство.

В материальном производстве культура расчленяется по *производственным отношениям* на технологическую, организационно-управленческую и экономическую.

По всеобщим предметам преобразования в целом выделяются промышленная культура и агрокультура, конкретно – в промышленности: *вещественно-материальная культура, энергетическая культура, информационная культура*; в сельском хозяйстве: *культура земледелия, культура растениеводства, культура животноводства*.

Если взять продукты производства и их производственно-временное размещение в *техносфере*, то мы получим представление о технической и технологической культурах.

Духовная культура охватывает *сферу общественного сознания* и в соответствии с его производством выделяют: *философскую культуру, научную культуру, нравственную культуру, эстетическую культуру, правовую культуру, учебно-образовательную культуру и культуру воспитания*.

Литература

1. Колчин Б. А. Проблемы изучения технологии древнейших производств // Очерки технологий древнейших производств. – М., 1975. – С. 7.

Эльмир Якубов
директор муниципального учреждения
«Хасавюртовская городская централизованная библиотечная система»
г. Хасавюрт, республика Дагестан

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ЦЕНТР ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК МОДЕЛЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО СОЦИУМА

Город Хасавюрт – центр северо-западного дагестанского пограничья – с давних пор известен как один из кавказских узлов. Весомая его роль и в нынешней ситуации. Именно здесь начинались многие миротворческие акции, повлиявшие на изменение политического контура региона. Муниципальное учреждение «Хасавюртовская городская централизованная библиотечная система» является инициатором и организатором мероприятий, направленных на достижение согласия между различными социальными группами посредством вовлечения молодых граждан в процесс решения региональных проблем.

Деятельность библиотеки в 2001–2004 гг. разворачивалась на фоне ряда значительных событий в жизни местного сообщества. Были предприняты многочисленные попытки определить роль и место информационно-просветительского учреждения в современной действительности. Самоидентификации способствовали широкие профессиональные и общественные дискуссии, различные акции, многочисленные поездки и встречи. Местные общественные организации были вовлечены библиотекой в процессы сетевого и межсетевого взаимодействия. Опыт показал высокую эффективность объединения разрозненных прежде усилий для решения ключевых задач. Библиотека сумела привлечь к работе над своими проектами подготовленных специалистов, в результате чего удалось наладить реальный конструктивный диалог с властями. Установленные при этом партнерские отношения, накопленные информационные, материальные и кадровые ресурсы позволяют перейти на более высокий содержательный и организационный уровень реализации социальных целей.

Проанализировав воздействие осуществленных мероприятий на ситуацию в регионе, обсудив ошибки и трудности, проявившиеся в процессе осуществления отдельных миротворческих проектов, библиотека сформулировала свою миссию как продолжение начатой конструктивной коалиционной деятельности, объединение усилий различных организаций, заинтересованных в позитивном развитии региона и готовых к сотрудничеству, предоставление им дополнительного ресурса для дальнейшего развития.

В последние годы в Республике Дагестан и приграничных территориях Чеченской Республики обострились межнациональные отношения, люди при решении спорных вопросов и даже бытовых проблем стали проявлять нетерпимость, агрессивность. Чтобы снять возникшее напряжение, библиотеке, оказавшейся в центре трех террористических актов и понесшей значительные материальные и моральные потери, приходится предпринимать значительные усилия по формированию установок толерантного сознания. Библиотека, продолжая многовековые традиции миротворчества, стала инициатором и организатором активных успешных действий, направленных на достижение согласия между различными социальными группами посредством вовлечения рядовых граждан в процесс решения региональных проблем.

Очень часто люди, срезая вершки сорняков, удивляются, почему те прорастают вновь. Суть иницируемых библиотекой образовательных и просветительских мероприятий как раз и состоит в том, что предлагается выдернуть корень зла. Проекты, инициированные библиотекой, не только обучают людей некоторым приемам и методикам работы, но и сплачивают их, показывают, как совместно решаются нелегкие современные проблемы.

Библиотека в качестве партнера принимала участие в реализации миротворческих проектов различных общественных организаций:

- «Ключ в завтра: Интернет-клуб для детей с ограничениями жизнедеятельности»;
- «Наследники вв.: фестиваль художественного творчества детей из семей перемещенных лиц»;
- «Гуманность во время войны»;
- «Женщина на войне»;
- «Этническая толерантность в обществе и средствах массовой информации»;
- «Преодоление этнической нетерпимости в конфликтном регионе: цикл образовательных и просветительских мероприятий в ученических, педагогических и родительских коллективах школ города Хасавюрта по формированию установок толерантного сознания».

Библиотекари Хасавюрта реализовали и несколько самостоятельных проектов, нацеленных на развитие диалога в обществе, усиление роли гражданских структур в регионе.

Так, механизм реализации проекта «Библиотека в конфликтном регионе – центр активных миротворческих действий местного сообщества» предполагал:

- *комплексный подход* к формированию системы проектных мероприятий, ориентированных на личность, государство и общество;
- *последовательность* мероприятий, обеспечивающую обоснованность и устойчивость создаваемых структур снижения социально-психологической напряженности, противодействия экстремизму, формирования установок толерантного поведения;
- *опору на общество* – широкое участие общественных объединений граждан, всестороннее и объективное информирование общественности о проекте и ходе его реализации, открытый доступ к подготовленным в рамках проектной деятельности материалам и сформированным библиотекой базам данных;
- *адаптивность* – создание службы мониторинга и оценки результативности проекта, работа которой позволяла вносить коррективы в состав мероприятий и очередность их выполнения в зависимости от изменения внешней ситуации и оценки эффективности деятельности.
- Библиотека обеспечила информационное сопровождение запланированных акций посредством:
 - еженедельных обзоров и дайджестов газет, журналов, электронных средств массовой информации, которые распространялись среди участников проекта и пользователей библиотеки;
 - ежемесячных книжно-иллюстративных выставок;
 - ежеквартальных бюллетеней «Знаменательные даты».

Проект, став своеобразным инструментом объединения усилий различных структур гражданского сообщества региона, способствовал не простому сложению, а умножению миротворческого потенциала, всемерно содействовал общественной активности и гражданской инициативе, помог людям самим решать целые комплексы реальных жизненных проблем, опираясь на структуры гражданского общества. Это именно та опора, без которой мир в регионе не может быть устойчивым.

При поддержке органов местного самоуправления муниципального образования «Городской округ Хасавюрт» и Хасавюртовского филиала Дагестанского государственного педагогического университета 16 ноября 2004 года при библиотеке был учрежден информационно-образовательный центр «Школа толерантности и миротворчества».

Уникальность проекта в том, что попытка подобного рода предпринималась в условиях города, оказавшегося волею обстоятельств в прифронтовой черте, где даже дети

уже при обрели негативный опыт интолерантности. Вместо ранее проводившейся эпизодической работы по профилактике насилия осуществляется систематическая и целенаправленная деятельность по формированию установок толерантного сознания. Проект стал средством преодоления создаваемых поведением и отношением людей преград для распространения демократической культуры ненасилия.

В рамках проекта проводится обучение школьных педагогов, студентов педагогического колледжа и педагогического университета инновационным методикам ненасильственного взаимодействия в образовательном процессе. В работе с детьми приоритетным направлением является профилактика зависимых и агрессивных форм поведения. Для библиотечных работников региона организуются занятия по освоению новых моделей продвижения книги и чтения у подростков с особыми нуждами, оказавшихся в зоне риска социального исключения. Еще одной целевой группой проекта стали журналисты местных средств массовой информации, которым предоставлена возможность участия в работе постоянно действующего тематического круглого стола.

В центре регулярно устраиваются книжные и художественные выставки, творческие конкурсы, фестивали «Разные голоса», налажен выпуск и распространение экспресс-бюллетеня, издаются методические рекомендации в бумажном виде и на электронных носителях информации. Суммарный фонд тематических документов центра «Школа толерантности и миротворчества» составляет 1200 единиц хранения. Ведется работа по созданию электронных тематической аннотированной картотеки и базы полнотекстовых документов в помощь педагогам, журналистам и библиотечным работникам. Изыскиваются возможности для размещения в сети Интернет web-сайта центра. В перспективе – подготовка ресурсной базы для организации социологической службы с целью изучения сформированности элементов толерантного сознания и навыков продуктивного взаимодействия в ученических коллективах.

Вся работа центра строится на основе высокоэффективных цифровых технологий.

В декабре 2005 года учредителем библиотеки было принято решение реорганизовать центр «Школа толерантности и миротворчества» в одноименный региональный библиотечный информационно-образовательный центр по формированию установок толерантного сознания и профилактике экстремизма.

Изменение статуса центра было призвано шире раскрыть двери для серьезного процесса примирения в регионе, помочь согражданам достичь восприятия многообразия в качестве шага в направлении мира, где диалог является способом движения вперед.

Реорганизация предполагала также повышение авторитета библиотек региона, создание условий для коренного, отвечающего требованиям времени укрепления их позиций как центров местных сообществ, на базе которых может преобразовываться социальная жизнь, формироваться и развиваться демократическая культура.

Жизнеспособность новой институции обеспечивало то обстоятельство, что установленные в ходе совместной деятельности по развитию толерантности деловые и неформальные отношения между библиотеками региона будут способствовать интеграции созданных ресурсов в новые проекты.

В соответствии с новой концепцией центра в центральных библиотеках городов Буйнакск, Каспийск, Хасавюрт Кизлярского района Республики Дагестан и Гудермесского района Чеченской Республики созданы постоянно действующие консультационные пункты центра «Школа толерантности и миротворчества», где предполагалось на базе современных технологий накапливать, обобщать, систематизировать и транслировать успешный опыт развития толерантности у молодежи потенциально конфликтного региона через книгу и чтение.

В настоящее время осуществляется координация и мониторинг работы территориальных консультационных пунктов центра «Школа толерантности и миротворчества». На привлеченные и бюджетные средства для них приобретена тематическая литература, растиражированы подборки тематических документов на электронных носителях информации. Во всех консультационных пунктах центра открыты постоянно действующие и регулярно обновляющиеся книжно-иллюстративные выставки, на которых представлены издания, которые в доступной форме доносят до сознания молодых читателей общечеловеческие ценности, пробуждают в них интерес к постижению традиций и особенностей различных мировых культур, рассказывают о взглядах других людей, не похожих на нас. Экспозиции сопровождаются электронными презентациями, обзорами, беседами, рекомендательными списками литературы, памятками, бюллетенями. В течение последних двух лет более 60 библиотечных работников обучено методике и технологиям развития толерантного сознания, проведено свыше 200 массовых мероприятий: творческие конкурсы, тренинги, ролевые и деловые игры, читательские конференции, круглые столы.

Участие муниципальных библиотечных учреждений региона в деятельности центра «Школа толерантности и миротворчества» позволило вовлечь их в процесс активного поиска путей решения сложных вопросов укрепления мира и стабильности на Северном Кавказе.

Региональный библиотечный информационно-образовательный центр по формированию установок толерантного сознания и профилактике экстремизма «Школа толерантности и миротворчества» стал средством объединения усилий различных библиотек потенциально конфликтного региона и обеспечил не простое сложение, а умножение их миротворческого потенциала, он способствует формированию единого информационного пространства библиотек Северного Кавказа, благодаря чему они получили возможность через интегрированные информационные ресурсы и многократно апробированные методы работы стать средоточием и проводником новых и прогрессивных идей.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

И. В. Львова

*кандидат психологических наук,
заместитель директора по научно-методической работе
ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический
университет», филиал в г. Кемерово*

В. П. Михайлова

*кандидат психологических наук, доцент межфакультетской кафедры психологии
Кемеровский государственный университет*

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ – ПЕДАГОГОВ

Развитие современного образования на сегодняшний день имеет духовно-нравственные и культурные приоритеты развития. Культура глубоко социальный феномен. Она всегда персонифицирована с момента своего возникновения. Экзистенциальность культуры выражается в ее персональном начале и свободе. Важнейшее качество культуры – личностность, индивидуальность. Культура раскрывает разнообразие человеческой души, дает человеку веру в смысл и ценность жизни. Культура – это всегда возрождение, рождение новых смыслов и отношений. С позиции известного философа И. И. Гарина: «Культура выражается, прежде всего, через жизнь человека – от ее к ней отношения зависит и качество жизни, и уровень культуры... Культура – отражение исторического человека, судьбы личности в ту или иную эпоху, исповеди человека, степени его ответственности, катарсиса, покаяния» [2, с. 567].

Таким образом, культура определяет духовную сущность человека. Она включена во все сферы человеческой деятельности, в том числе профессиональную.

Современная педагогическая деятельность выходит за рамки субъект-объектных отношений и должна быть представлена как обмен духовными ценностями на уровне личностного общения. Духовная культура педагога составляет содержание его профессиональной деятельности. Педагог прежде всего личность, профессионально значимая в той мере, в которой причастна к духовным ценностям, выработанным человечеством, и в которой способна приобщить к этим ценностям других людей [3; с. 11]. Система ценностей, принятая педагогом, определяет его личностно-профессиональную позицию и проявляется в этических и психологических установках. Среди них установка на понимание, сопереживание, самостоятельность обучающихся, выявление их творческого потенциала, ориентация на профессиональный и личностный рост и самоанализ.

Неотъемлемым компонентом профессиональной культуры педагога является толерантность. Толерантность в переводе с латыни означает «терпимость, переносимость, снисходительность к кому-либо или к чему-либо». «Величайший грех воспитания, – писал П. Ф. Каптерев, – ...вообще нетерпимость». Только в обстановке терпимости и взаимного уважения можно решать проблемы современного образования. В педагогической деятельности данное качество является важным, так как определяет субъект-субъ-

ектные отношения преподавателя и учащихся. Воспитательная функция педагога, являющаяся одной из основополагающих в педагогической деятельности, невозможна без толерантного отношения к личности учащихся.

Коммуникативная толерантность в психологии определяется как отношение личности к людям, показывающее степень переносимости ее неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию [2, с. 200].

Коммуникативная толерантность – одна из важнейших и очень информативных черт человека. В ней отражаются факторы его судьбы и воспитания, опыт общения, культура, ценности, потребности, интересы, установки, характер, темперамент, привычки, особенности мышления и, конечно, эмоциональный стереотип поведения.

Данная характеристика личности относится к стержневым, так как в значительной мере определяет ее жизненный путь и деятельность.

По мнению В. В. Бойко, это систематизирующая характеристика, поскольку с ней согласуются и составляют некий психологический ансамбль многие другие качества индивида, прежде всего нравственные, характерологические и интеллектуальные [2, с. 200]. Вот почему особенности коммуникативной толерантности могут свидетельствовать о психическом здоровье, внутренней гармонии или дисгармонии, о способности к самоконтролю и самокоррекции.

Нередко в профессиональной деятельности человека можно наблюдать динамику коммуникативной толерантности. Например, молодой педагог в начале карьеры демонстрирует сниженную толерантность к ученикам, но с возрастом терпимость возрастает; возможна и обратная зависимость – с увеличением стажа работы все больше проявляется раздражение. Изменчива коммуникативная толерантность у брачных партнеров, родителей и детей, у сослуживцев, приятелей – периоды терпимости сменяются моментами раздражения.

В механизме коммуникативной толерантности решающую роль играет совместимость или несовместимость качеств партнеров – интеллекта с интеллектом, характера с характером, привычек с привычками, темперамента с темпераментом. Партнеры сопоставляют и оценивают качества и состояния друг друга на уровне отдельных подструктур личности.

Коммуникативная толерантность проявляется в тех случаях, когда человек либо не видит особых различий между подструктурами своей личности и личности партнера, либо не испытывает негативных переживаний по поводу различий. Таким образом, чем меньше неприятных и неприемлемых для себя различий находит один человек в другом, тем выше у него уровень коммуникативной толерантности, тем реже он осуждает индивидуальность другого или раздражается по поводу его отличительных особенностей. Повышение уровня толерантности произойдет в том случае, если мы научимся двум вещам: во-первых, преодолевать или сглаживать негативные впечатления от различий между подструктурами своей личности и личности партнера; во-вторых, устранять обстоятельства, вызывающие или подчеркивающие эти различия.

Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, совместим с очень разными людьми. Благодаря этим достоинствам создается психологически комфортная обстановка для совместной деятельности, достижения синергического эффекта. Общаясь с толерантной личностью, вы испытываете комфорт. Отсутствие же коммуникативной толерантности или ее низкий уровень объясняются негативными реакциями индивида на обнаруженные различия между подструктурами своей личности и личности партнера.

В работе В. В. Бойко выделены основные подструктуры личности, обуславливающие коммуникативную толерантность.

1. Интеллектуальная – передает образец, стиль мыслительной деятельности конкретного человека, то есть принципы его понимания действительности, привычные для него стереотипы осмысления проблем, идей, принятия решений.

Демонстрация низкого уровня коммуникативной толерантности выступает показателем негибкости или лености ума и мешает выходу из затруднительных ситуаций. Об этом полезно помнить всякий раз, когда сталкиваешься с интеллектуальным своеобразием партнера.

2. Ценностно-ориентационная – вбирает в себя основные мировоззренческие идеалы конкретного человека, его жизненные ближайшие и отдаленные цели, интересы, оценки происходящего. На этой почве часто возникают противоречия и конфликты как межличностного, так и этнического характера.

3. Этическая – выражает нравственные нормы, которых придерживается человек. При этом проявляется та или иная степень включения совести в его мысли, оценки и действия: сказывается ориентация на добро и зло, справедливость или несправедливость, склонность руководствоваться чувством долга или привычка вести себя безответственно.

Партнеры, обладающие разным этическим содержанием, обычно трудно совместимы.

4. Эстетическая – охватывает область предпочтений, вкусов и чувств, особенности восприятия человеком красивого и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического. Здесь определяется кто, что и почему нравится или не нравится личности.

5. Эмоциональная – демонстрирует преобладающий спектр, в котором чаще всего пребывает данный человек: радость или печаль, оптимизм или пессимизм, возбужденность или спокойствие, подъем или подавленность, беззаботность или тревожность, миролюбие или агрессивность.

6. Сенсорная (чувственная) – включает особенности чувственного восприятия мира на уровне зрительного, слухового, обонятельного, вкусового, кожного и двигательного ощущений. Коммуникативная толерантность способна снижаться, если встречаются разнородные типы, например, любитель послушать и поговорить взаимодействует с тем, кто склонен созерцать и мыслить образами, человек, воспринимающий мир преимущественно кинестетически, вынужден жить или сотрудничать с аудиалом или визуалом.

7. Динамическая – отражает динамические свойства человека (силу, скорость психических реакций, характер процессов возбуждения и торможения), которые также определяют характер взаимоотношений людей.

8. Алгоритмическая – данная подструктура личности объединяет очень разные личностные качества, у которых, тем не менее, есть нечто общее – однообразие воспроизводимости. К ним относятся привычки, умения, стиль деятельности, разные ритуалы, включая бытовые, семейные, религиозные. Им свойственна весьма заметная жесткость повторения, в разных условиях они осуществляются как бы по «накатанным путям», при помощи алгоритмов и известных приемов.

9. Характерологическая – сосредотачивает устойчивые, типобразующие черты личности, которые врожденны или приобретены под влиянием окружения в результате воспитания, примеров, подражания.

Когда сталкиваются партнеры, обладающие существенными различиями в характере, то оба могут испытывать трудности двоякого свойства: осложняется протекание внутренней психической деятельности и процесс сотрудничества.

Коммуникативная толерантность проявляется в том, что партнер способен принять, сгладить, не утрировать эти различия или по каким-то причинам не замечать их, например, под влиянием большой любви или, напротив, в случае полнейшего безразличия к партнеру.

10. Функциональная – закрепляет различные системы жизнеобеспечения и поддержания комфорта личности – это, прежде всего, потребности и возникающие на их основе предпочтения и желания.

Таковы основные личностные подструктуры, обуславливающие коммуникативную толерантность. Характеризуя любого человека, можно определить для него:

1) **уровень ситуативной коммуникативной толерантности** – фиксируется в отношениях данной личности к конкретному другому человеку;

2) **уровень типологической коммуникативной толерантности** – выявляется в отношениях человека к собирательным типам личностей или группам людей, например, к представителям конкретной нации, социального слоя, профессии. Низкий уровень типологической толерантности заключен, например, в словах: «меня раздражает такой тип людей», «я не стал бы жить в одной комнате с нацменом»;

3) **уровень профессиональной толерантности** – проявляется в отношениях к собирательным типам людей, с которыми приходится иметь дело по роду деятельности. В этом случае дополнительная энергия эмоций обнаруживается у личности, главным образом, в рабочей обстановке;

4) **уровень общей коммуникативной толерантности** – в нем просматриваются тенденции отношения к людям в целом, тенденции, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека.

Общая коммуникативная толерантность в значительной мере предопределяет прочие ее формы – ситуативную, типологическую, профессиональную.

В филиале Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Кемерово было проведено исследование коммуникативной толерантности студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение» со специализацией «Дизайн интерьера» по методике В. В. Бойко [2, с. 200–217]. В исследовании принимало участие 56 человек.

Результаты диагностики показали, что большинство студентов находятся на среднем уровне развития и проявления данного свойства (59 %), 24 % находятся на низком уровне, 17 % – на высоком уровне.

По данным автора данной методики, в среднем опрошенные набирают: воспитатели дошкольных учреждений – 31 балл, медсестры – 43, врачи – 40 баллов. Группа опрошенных нами студентов в среднем набрала 55 баллов. Сравнение данных студенческой группы, будущих педагогов профессионального обучения в области «Дизайн интерьера», с данными представителей некоторых массовых профессий, связанных с общением и влиянием на людей, показало уровень толерантности на несколько единиц ниже. Результаты, говорящие о проявлении коммуникативной толерантности в будущей профессиональной деятельности показали, что 49 % студентов имеют средний уровень развития данного качества, 39 % – низкий уровень, 6 % – высокий уровень коммуникативной толерантности. Полученные данные свидетельствуют о недостаточной сформированности данного проявления личности в профессиональной деятельности у значительной части студентов. Учитывая, что опрошенные студенты – это учащиеся 1-го и 3-го курсов, следует создавать такие психолого-педагогические условия в рамках образовательного процесса, которые бы позволяли развивать толерантность в будущей профессиональной деятельности.

Мы считаем, что для становления и развития толерантности личности будущего педагога целесообразно создавать обстановку сотрудничества и взаимодействия между участниками педагогического процесса на основе диалога; выстраивать педагогический процесс, ориентируясь не только на себя, но и на запросы, интересы студентов; транслировать свои личностные возможности и качества. Все это составляет актуальную задачу современного профессионального образования, имеющего гуманистическое, духовное начало и способствующее формированию компетентности будущего специалиста профессионала.

В заключении следует отметить, что полученные результаты позволяют увидеть лишь основные тенденции, свойственные взаимоотношениям с партнерами по общению как в профессиональной деятельности, так и в обыденной жизни. В непосредственном живом общении личность проявляется ярче и многообразнее.

Литература

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с
2. Гарин И. И. Что такое этика, культура, религия. – М.: Терра – Книжный клуб, 2002. – 848 с.
3. Морозов А. В., Чернилевский Д. В. Креативная педагогика и психология: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 560 с.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Ю. Шерпаева

Соискатель кафедры СКД

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Задачи сохранения, укрепления и развития здоровья, привитие ценностных ориентаций к сознательному ведению и пропаганде здорового образа жизни нашли свое отражение в различных нормативных документах: «Конвенция о правах ребенка», Закон РФ «Об образовании», «Концепция охраны здоровья населения РФ на период до 2010 года», Президентская программа «Дети России», Закон «Об охране окружающей среды», «Семейный кодекс РФ», «Конвенция развития здравоохранения медицинской науки в РФ» и другие. В настоящее время в психолого-педагогических и медико-биологических исследованиях определены подходы к здоровому образу жизни как ведущему фактору формирования здоровья.

Вместе с тем, выброс на российский рынок некачественных зарубежных товаров, развитие по всей нашей стране систем быстрого питания, засилье различных газированных напитков, пропаганда курения и слабых алкогольных напитков преподносится российским гражданам в виде рекламы. И самыми падкими на такую рекламу оказываются дети и подростки, у которых средства массовой коммуникации формируют нравственный облик современного подрастающего поколения.

Самыми мощными средствами массовой коммуникации являются Интернет и телевидение. Образ рабочего человека с завода ушел с экранов. С экранов телевизоров и компьютеров идет пропаганда Супергероя, который один может справиться с целой бандой преступников, не имея мозгов, а только накаченные мышцы; пропаганда образа жизни богатого человека; засилье юмора «ниже пояса», когда молодежь уверяют, что звездой стать легко (все больше на российской эстраде появляется звезд низкого уровня).

Свой досуг современная молодежь проводит в ночных барах, на дискотеках, на модных стриптиз-шоу. Молодежь, особенно подростки, легко попадают под влияние криминальных авторитетов, пропагандируется доступность всего и во всем. У подрастающего поколения формируется мнение, что всего можно добиться сразу. Неустойчивая психика подростка проявляется в его ценностно-трудовых ориентациях. Около 80 % подростков вообще не стали бы работать, если бы были материально обеспечены. Около 50–60 % подростков и молодых людей связывают мотивацию к трудовой деятельности исключительно с деньгами и стремлением зарабатывать их любыми средствами, в том числе и противозаконными [8].

В связи с этим, вопросы здорового образа жизни являются насущной проблемой не только отдельного человека, но и важной государственной задачей. Не случайно в последнее десятилетие активизировалась работа по здоровьесбережению, в том числе и через реализацию федеральных и региональных целевых программ по сохранению здоровья нации.

Проблемы, связанные с сохранением здоровья населения Алтая и генофонда российской нации, в ноябре 2002 г. обсуждались на депутатских слушаниях краевого совета народных депутатов, руководителей и других работников структурных подразделений администрации Алтайского края, стали предметом обсуждения «Круглого стола» с привлечением крупных специалистов в области педагогики, психологии и медицины. Идея здоровьесбережения на основе познания и использования фундаментальных законов мира, где живут люди (в том числе и сибиряки), была основной темой докладов и выступлений делегатов и гостей II съезда общественного движения «Сибирский народный собор» (г. Красноярск, 2003). В них представлены и психолого-педагогические аспекты здоровьесбережения, как всенародной, крупной общественной проблемы [4].

Важнейшим фактором в сохранении здоровья населения нашей родины, частью единой системы здравоохранения и одним из основных звеньев в комплексе лечебно-профилактических мероприятий восстановления и укрепления здоровья является курортное лечение. Трудно переоценить его роль и значение в реабилитации человека, эффективность которой очевидна и во времени, и с точки зрения доказательной медицины.

Современные тенденции развития отечественной системы курортного дела связаны с процессами глобализации и с изменениями, происходящими в социально-экономическом развитии страны. В настоящее время, в результате относительной стабилизации экономического положения заметно активизировалась деятельность санаторно-курортного комплекса. Сеть санаторно-курортных организаций и учреждений составляет более 24 тыс. здравниц общей мощностью 405,5 тыс. коек, где ежегодно получают санаторно-курортную помощь более 5 млн человек [2].

Основными регионами России, где наиболее развита инфраструктура санаторно-курортных учреждений, являются Краснодарский край, Кавказские минеральные воды, Подмосковье и Ленинградская область. Это связано как с климатическими условиями и объемами финансирования, так и местом расположения, характеризуемым приближенностью к центру.

Вместе с тем следует отметить, что каждый регион имеет свой оздоровительный потенциал, развитие которого неразрывно связано с политической и экономической обстановкой в стране, развитием социально-экономической сферы территории, заинтересованностью инвесторов. Развитие регионального санаторно-курортного потенциала определяется законами рыночной экономики и в последние годы характеризуется рядом негативных тенденций, среди которых особо надо выделить такую, как сокращение в стране санаторно-курортных учреждений практически в 10 раз! [3]. Кроме того, сокращение объемов государственного финансирования здравниц, повышение стоимости путевок, низкая платежеспособность населения – вот далеко не полный перечень факторов, осложняющих поступательное развитие санаторно-курортного дела.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы оптимизации лечебно-оздоровительного процесса в условиях санатория. Потому что оздоровление и реабилитация не могут считаться полноценными, если они ограничены только медикаментозными воздействиями. Если у пациента хороший душевный настрой, хорошее настроение, то все медицинские методики идут ему на пользу и действуют на организм с повышенной отдачей. Поэтому многие психотерапевты основывают свои методики на принципах тренировки получения положительных эмоций, присовокупив к ним физические упражнения и принципы правильного питания.

В связи с этим очень важен и актуален социально-культурный подход, затрагивающий духовную сферу личности, в частности, социокультурная анимация, которая оказывает на личность человека, а особенно на личность детей и подростков, непосредственное пе-

дагогическое и здоровьесберегающее действие. История педагогики, психотерапии, искусства убеждает нас в том, что методы здоровьесбережения оказываются эффективными лишь тогда, когда они разворачиваются в диалог. Поэтому как на международном уровне, так и в рамках отдельных государств происходит переход от медицинского понимания здоровья к комплексному. В настоящее время данное понятие рассматривается не только как отсутствие болезни, но и как социальное и психологическое благополучие человека. Социально-культурный подход в сочетании с медико-социальным подходом могут дать положительный результат внедрения здоровьесберегающих технологий.

Известная система здоровья Кацудзо Ниши – это не просто комплекс правил и упражнений, это целая философия. Система направлена не на то, чтобы лечить болезни, а на то, чтобы вернуть организму человека здоровье [5]. Система М. Норбекова рассматривает не только вопросы обретения хорошего самочувствия, но и развитие интуиции, работу над собой, методику принятия верных решений, решает творческие задачи, тренирует ощущения. Богатая эмоциональная палитра пациента, умение управлять своими эмоциями – залог выздоровления [1].

Педагогическая наука решает проблему оздоровления в основном с помощью здоровьесберегающих технологий, методологической основой которых является физическая культура. Педагогика, психология и медицина стараются решить проблему оздоровления людей по-своему. Нам видится, что эту проблему надо решать совместно, делая акцент на развитие эмоциональной сферы человеческой личности, рассматривая здоровье человека в контексте с системой его социально-культурной деятельности.

Иными словами, важнейшим методологическим основанием для рассмотрения проблемы здоровьесбережения личности является анализ методов, форм и видов культурного досуга. Что же касается социально-культурной деятельности как здоровьесберегающей технологии, в систему которой включен такой важный элемент, как культурный досуг, то с этой точки зрения проблема укрепления и развития здоровья рассматривается впервые. Мы понимаем социально-культурную деятельность как процесс создания благоприятной жизнедеятельности для освоения и усвоения человеком общественных ценностей, для укрепления и развития его физического, психического и социального здоровья.

Создание здоровьесберегающей среды для благоприятной жизнедеятельности человека, что является одновременно и средством для успешного осуществления гуманистических целей нашего общества, на основе социально-культурной деятельности служит развитию и укреплению здоровья человека.

Инновационный подход в условиях деятельности местного санатория базируется на следующей гипотезе: процесс здоровьесбережения на основе социально-культурной деятельности будет эффективным, если соблюдаются следующие условия:

- создается атмосфера эмоционального комфорта для снятия проявлений напряженности и конфликтности;
- разработана культурологическая модель в системе здоровьесбережения на основе принципов комплектности, системности, поэтапности, природосообразности и социализации личности;
- здоровьесберегающая технология рассматривается как целостный процесс, учитывающий возрастные особенности субъектов;
- сформирована мотивация оздоровления;
- обеспечивается постоянный медицинский контроль.

Так в санатории «Рассветы над Бией» в направлении здоровьесбережения работает специально созданная социально-культурная служба. Здесь ведется интенсивная разработка эффективных методов оздоровления на основе социально-культурной деятельности отдыхающих, особенно детей и подростков.

Курорт «Бехтемирский» – санаторий «Рассветы над Бией» – принял первых пациентов 12 июля 1989 года. На площади 87 га заливных лугов и ленточного бора, озер и кустарников удачно вписался 4-х этажный архитектурный ансамбль. Обособленность положения курортного городка, его небольшие размеры (зимой вместимость 80 человек, летом – 130) позволяют создать здоровую психологическую атмосферу в лечебном процессе и в отдыхе приехавших [7].

Основным видом социально-культурной деятельности отдыхающих является музыка. Музыка сопровождает отдыхающего во время его пребывания в санатории. Спокойная релаксирующая музыка звучит в кабинетах, сопровождая лечебный процесс. Легкие ритмичные инструментальные композиции сопровождают прием пищи. Звучит приятная успокаивающая музыка на сеансах психологической разгрузки. И, наконец, проводятся сеансы оздоровительной музыки, где при прослушивании классических произведений используется видеоряд красивейших картин природы. Все это способствует уменьшению болевых ощущений, улучшению настроения, уменьшает тревогу и беспокойство, нормализует давление, поднимает эмоциональный тонус отдыхающих.

Другим видом социально-культурной деятельности отдыхающих, который активно способствует их оздоровлению, является танец. Он используется в различных формах досуговых программ, таких, как танцевальный вечер, игровая программа, клуб любителей ретро – танцев и др. Активное движение очень важно для здорового развития и функционирования человеческого организма, оно усиливает процесс обмена веществ, способствует обновлению тканей, придает силу мышцам и гибкость суставам. Движение, организованное музыкальными ритмами в танец, обогащенное эстетическим содержанием, удваивает оздоровляющие возможности. Танец совершенствует пластику, развивает музыкальный слух и чувство ритма, тренирует и закаляет не только мышечную, но и сердечно-сосудистую системы, а также духовно обогащает, воспитывая эстетическое чувство, воображение и творческую фантазию. Эти свойства танца определяют его использование в медицине. При этом танец выступает в основном в роли бессловесного общения и разрядки эмоционального напряжения.

Интересен опыт Вильнюсского Дома санитарного просвещения. По его инициативе во Дворце Культуры строителей начал работать экспериментальный курс лечения танцами для людей различного возраста. Этот опыт был взят на вооружение ведущими психиатрами, которые с успехом посредством танца вылечивают заболевания психики. Также опыт подтвердил, что танцы не только одна из лучших форм активного отдыха, но и эффективное средство профилактики ряда опасных и широко распространенных заболеваний сердечно-сосудистой системы и нервного перенапряжения [8].

Не меньшей оздоравливающей силой, чем танец, обладает еще один вид социально-культурной деятельности отдыхающих – пение. Пение применяется как средство терапии при неврозах, фобиях, депрессии, если они сопровождаются болезнями дыхательных путей, бронхиальной астмой, головными болями. Методы вокализации используются в здравоохранении для борьбы и профилактики как физических, так и психических расстройств. Психическое состояние влияет на голос. Японские ученые установили прямую связь между голосовыми характеристиками и электрокардиограммой человека. Спазм в гортани возникает и при больших физических нагрузках. Более того, ненормальное состояние внутренних органов, мышц также отражается на гортани. Когда мы говорим или поем, то при этом включаем в работу довольно большой комплекс мышц. Если мышцы работают неправильно, как при спазме, это сразу приводит к нарушению кровотока в органы и лимфосистему. Когда мы слушаем кого-то – говорит он или поет, то мышцы нашей гортани тоже двигаются, то есть мы как бы повторяем за говорящим или поющим

то, что он произносит, сами того не замечая. Поэтому вредно слушать певцов, которые не имеют природной постановки голоса или не работают над ней вообще.

Век научно-технического прогресса привел не только к недостаточности движения, но и к гиподинамии нашего звукообразующего аппарата. Без микрофона никогда бы мы не услышали «шептунов» – певцов, напевающих «вне голоса». Микрофон усиливает не только голос, но и его недостатки. А между тем, еще на заре своего развития, человечество хорошо понимало важность правильного звучания своего голоса. Вот почему люди собирались и пели хором, даже тот, кто не обладал какими-то вокальными данными, кто не мог правильно владеть своим голосом, своей гортанью, подстраивался под правильное пение. Мышцы гортани восстанавливали свою функцию, что позитивно влияло на организм.

В связи с исследованием лечебного действия правильного пения на организм человека, появились различные здоровьесберегающие технологии. Профессор Московской государственной консерватории В. П. Морозов разработал новую, так называемую «Резонансную теорию искусства пения». Основы, которой изложил в недавно вышедшей из печати монографии «Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники».

Многолетние наблюдения А. И. Попова показали, что в оптимальном звукообразовании участвуют мышцы туловища и даже мышцы конечностей. Отсюда появилась необходимость создания им методики «Физвокализа», которая призвана развивать и стабилизировать у человека комплекс мышечных групп и органов, участвующих в звукообразовании. Им также замечено, что воспроизводимый голос оказывает влияние на состояние как собственного организма, так и организма слушателей.

Работающий в московском интернате № 12 педагог-новатор Огороднов [6] в свою очередь приспособил ряд принципов вокального вибромассажа для обучения и быстрого овладения вокальными навыками людей любого возраста с любым уровнем развития музыкального слуха с попутным оздоравливающим эффектом. Метод «Физвокализа» улучшает работу сердца, исчезает отдышка, перестает болеть горло.

Методы вокального вибромассажа используются в санатории «Рассветы над Бией» в таких формах музыкально-культурной деятельности, как песенные программы «Поем под аккордеон», «Играй, мой баян», «Караоке», в игровых программах «Песенный КВН», «Сибирская вечерка». Эти программы объединяют все виды музыкально-культурной деятельности и несут в своей основе оздоровительную и эстетическую направленность. Используемые в комплексе, они оказывают неоценимую помощь медикаментозным методикам, используемым в санатории.

Кроме вышеназванных методов, для оздоровления отдыхающих используются пешие прогулки и автобусные экскурсии:

- По археологически интересным местам. На территории санатория «Рассветы над Бией» находится несколько исторических памятников. Это древняя Бехтемирская палеологическая стоянка, которая датирована 15–13 тыс. лет назад. Дюнная стоянка, дата которой определяется периодом раннего железного в. и эпохой раннего средневековья. А также на территории санатория расположено Городище Бехтемир. По небольшой коллекции керамики, собранной сотрудниками санатория, выведена вероятная дата поселения – эпоха раннего средневековья. В 2007 году открыт и активно функционирует музей под открытым небом «Стоянка древнего человека».

- «Серебряный ключ». Основные методики лечебной работы санатория «Рассветы над Бией» базируются на эксплуатации Бехтемирского месторождения минеральных сербросодержащих вод.

- Однодневные экскурсии по Горному Алтаю.
- Терренкуры на различные расстояния для того, чтобы увеличить двигательную активность отдыхающих.

Все походы и экскурсии сопровождаются беседами, ответами на вопросы отдыхающих.

Другие формы досуга также решают задачу – дать ту или иную работу мышечной активности человека, чтобы усилить протекание оздоровительных процессов. Общение во время досуговых программ сопровождается общением со знакомыми, сменой эмоциональных воздействий. Игры на воздухе (днем) и в помещении (вечером) обеспечивают психологически оптимальный настрой отдыхающих. Игры подбираются в соответствии с возможностями того или иного возрастного контингента отдыхающих.

Но программы организации досуга не могут быть сосредоточены только на развлечениях. Переход от развлечений к более высокому уровню самих программ досуга связан с активизацией психическо-духовных интересов отдыхающих, которые пробуждают интерес к освоению более высоких «пластов» культуры (этика поведения и общения, интерес к серьезной музыке, стремление к освоению более сложных танцевальных движений, более активному участию в праздничных «шоу» и т. д.).

Система проведения досуговых мероприятий включает элементы бесед-диспутов, обсуждения прочитанной художественной литературы, встречи с интересными людьми, которых, впрочем, можно выявить и среди отдыхающих. Проводимые мероприятия стимулируют познавательные интересы каждой отдельно взятой личности, и охватывают широкий круг лиц, объединяемых во временном коллективе, сближают людей по интересам, даже не обязательно хорошо знакомых друг с другом, способствуют расширению культурного кругозора, воспитанию коммуникабельных и этических свойств личности.

Таким образом, соответствующим образом построенные программы несут в себе овладение целыми комплексами художественных и этических ценностей, которые раздвигают границы культурного мира индивидуума. На этой основе в дальнейшем расширяются как дружеские социальные связи людей, так и сферы культурного общения.

Навыки общения приобретаются человеком не только путем усвоения через «вербальную» сферу общепринятых взглядов, морали, норм поведения, но и через «невербальную» – общения с людьми. Заимствования путем подражания, сопереживания, участия в игре, эмоции, чувственное познание мира, а это в наибольшей степени связано в санатории с участием в досуговых программах в качестве «отдыхающего».

На наш взгляд, главная роль сферы проведения мероприятий по осуществлению программ культурного досуга принадлежит задаче расширения сферы познавательной деятельности, которая принадлежит к основным сферам социальной деятельности, играющей решающую роль в становлении личности, которую можно назвать социализацией человека, а культуротника – социальным терапевтом.

Роль санаториев в этой социально-функциональной деятельности крайне редко рассматривалась в изданиях, посвященных проблемам культпросветработы, но оказалась более представленной в медицинской литературе. Задача восстановления полноценного здоровья не могла иметь своего отражения в соответствующих изданиях, рассчитанных на организацию и методику работы массовых и художественных отделов Дворцов и Домов культуры. Показателями их работы выступали, прежде всего, иные критерии – массовость охвата кружковой деятельностью, количество проведенных концертов, количество проведенных массовых мероприятий (и показатель их – количество присутствовавших), наличие грамот и дипломов, полученных на конкурсах и фестивалях художественной самодеятельности.

Однако, имея стройную систему социально-культурных программ, разработанных с целью оздоровления для санатория, можно ее внедрять в работу Дворцов и Домов культуры, привлекая при этом большое количество народа. Мы считаем, что использование методики оздоровления на основе социально-культурной деятельности в данных учреждениях будет иметь хороший здоровьесберегающий эффект, так как могут быть использованы для одной и той же аудитории на гораздо большем промежутке времени, нежели заезд (21 день) в санатории.

Таким образом, разработанная нами и используемая в санатории «Рассветы над Бией» технология здоровьесбережения на основе социально-культурной деятельности создает необходимые условия для формирования и развития психического, физического и социального здоровья. Наша методика проста в обращении, не требует никаких особых затрат и может с успехом применяться как в санаториях, так и в домах отдыха, во Дворцах культуры, в различных учебных заведениях. Необходимое условие – это большой багаж знаний, терпение, любовь к своей работе и большое желание помочь людям в сохранении здоровья.

Литература

1. Гогохия Г. Здоровье в три шага. Базовый курс системы М. Норбекова. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2005. – 352 с.
2. «Курортные ведомости». – № 6 (45). – 2007.
3. «Курортные ведомости». – № 4 (43). – 2007.
4. Здоровье сибиряков: физический, нравственный и социальный аспекты // Материалы к докладам на II съезде Общественного движения «Сибирский народный собор». – Красноярск, 2003.
5. Система здоровья Кацудзо Ниши. – СПб.: ИК «Невский проспект», 2004. – 320 с. (Сер. Авторские методики: избранное).
6. Стулова Г. П. Теория и практика работы с детским хором: учеб. пос. для студ. пед. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2002. – 176 с.: ноты.
7. Шерпаева А. Ю. Природоиспользование в целях оздоровления // Алтай: экология и природоиспользование: Материалы II рос.-монгол. науч. конф. молодых ученых. – Бийск, 2003. – 340 с.
8. Шерпаева А. Ю. Проблема оптимизации жизнедеятельности человека с помощью музыкально-художественной терапии // Социализация молодежи в условиях развития современного образования: Материалы Межд. научно-практ. конф. – Ч. 2. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. – 204 с.

Л. А. Араева

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой риторики и стилистики
Кемеровский государственный университет*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ МНОГОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОСНОВА ТОЛЕРАНТНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Думать на каком-либо языке, выражать мысли посредством этого языка позволяет не только знание говорящим структурно-системной организации языка, но и знание культурных ценностей, вплетенных в формально-семантическую канву языка. Язык – это культурный продукт нации и хранитель ее культурных прототипов. Язык, как писал М. М. Бахтин, – это диалог культур. Ни одна нация не возникла на пустом месте. Культура современная включает устоявшиеся традиции прошлого, составляющие преемственность поколений и генетическую память нации. Одновременно язык любой нации, в силу взаимодействия с другими языками на экономическом, политическом, образовательном уровнях, в той или иной степени заимствует концепты иных культур.

Процессы глобализации, включающие интернет, тесные экономические отношения и др., в современном мире обуславливают необходимость толерантного межкультурного общения. В настоящее время эта задача становится чрезвычайно актуальной. Сейчас, когда границы всех цивилизованных государств открыты, знание россиянами наряду с русским языком других языков, и прежде всего – английского, занимающего приоритетные позиции в сфере мировой экономики и бизнеса, стало насущной необходимостью.

Разрабатывается большое число методик обучения английскому языку. Наибольшую ценность представляют собой методики, ориентированные на выявление формально-семантических связей производного слова с его производящим и нахождение аналогично построенных производных одного тематического ряда. Данная методика обучения детерминирована тем, что большая часть словарного состава любого языка, как указывает Е. С. Кубрякова, представлена производными лексемами. И это не случайно. Именно производная лексика, построенная по существующим в языках моделям, проявляет механизм работы мысли. Производные слова строятся по аналогии, что упрощает задачу употребления такого рода лексических единиц в речи. Словообразовательные модели (словообразовательные типы) являют собой ментально-языковые категории, построенные по принципу естественных категорий (которые, как отмечает Лакофф, аналогичны языковым категориям), научно обоснованных Л. Витгенштейном. Данные категории построены по принципу поля, имеют размытые формально-семантические границы, члены этих категорий (производящие и производные) соотносятся между собой по принципу фамильного сходства. Каждый тип характеризуется специфичной для него пропозиционно-семантической организацией.

Следует отметить, что однокоренные слова в пределах словообразовательного гнезда, что впервые проанализировано в работах М. А. Осадчего, связаны между собой также по принципу пропозиционально-фреймовой организации.

Пропозиционально-фреймовый анализ словообразовательных процессов позволяет выявить специфику ментальности той или иной нации. Пропозиции – едины для все-

го человечества. Но, реализуясь в языке, они «попадают в плен» этого языка, тех грамматических, фонетических, семантических правил, которые в.ми существуют в языке. Таким образом, пропозиционально-фреймовый подход эксплицирует своеобразие ассоциативных (метонимических и метафорических) связей, актуализованных в языке и обусловленных им. Данные связи, прежде всего, эксплицируются в дискурсе, в тексте. Не случайно при обучении иностранному языку преподаватель обращается к анализу функционирования лексических единиц в контекстах. Контекст проявляет смыслы, заложенные во внутренней форме слова, обусловленной культурными традициями нации.

Как представляется, необходимо объединение двух основных методик обучения иностранному языку в рамках антропоцентрического подхода, проявляющего роль человека, его индивидуальных и коллективных способностей в пользовании языком. Важно понять, что связи, установленные между именуемыми предметами, находятся в голове человека. Мировидение ограничено языком, поэтому в каждом языке представлена специфика этого мировидения, которую можно интерпретировать как особую национальную ментальность.

В настоящее время необходим словарь нового типа, лексические единицы в котором представлены в пропозиционально-фреймовой связи. Несомненно, что словари, включающие словарные единицы по алфавитному принципу, имеют прагматическую значимость: с помощью таких словарей можно быстро отыскать любое слова с целью выяснения правильности произношения, орфографического написания, лексического значения. Но для межкультурной коммуникации необходим словарь нового типа, соответствующий современному видению языковых процессов, воспринимаемых как форма мысли. Следует отметить, что двуязычные англо-русские и русско-английские словари, издаваемые в последнее время, стали включать намного большее количество однокоренных слов, что согласуется с практикой обучения иностранному языку. Это является несомненным плюсом. Но этого недостаточно, потому что словарный состав языка иллюстрируется минимальным числом контекстов и без учета человеческого фактора

Нами предлагается издание электронного фреймово-пропозиционального многоязычного словаря. Электронный словарь, в отличие от изданного в типографии бумажного варианта, имеет ряд достоинств:

1) человек может параллельно изучать несколько языков, просматривая контекстную репрезентацию одного и того же фрейма. При этом он выявляет специфику ассоциативных связей в каждом из языков; особенности пропозиционального строения фраз (то есть тех ролевых функций, которые выполняют слова в высказывании); структурно-семантическую и пропозициональную организацию производных единиц;

2) электронный словарь дает возможность слушать, как произносятся слова и фразы в различных языках, усваивая не только артикуляционные и акустические особенности произношения гласных и согласных звуков в разных позициях, но и особенности фразовой интонации, специфичной для каждого языка.

Известно, что все познается в сравнении, такой тип словаря дает возможность одновременного сравнения нескольких языков.

Встает вопрос: как создавать такой словарь? Несомненно, усилиями ученых разных стран. Интернет дает такую возможность. Лингвисты разных стран могут включиться в эту работу. Один и тот же фрейм заполняется русскими, английскими, французскими лингвистами. Встает проблема с переводом. В силу того, что большая часть населения России владеет только русским языком, а в таких странах, как Англия, Америка, Италия, Франция и др., возрастает интерес к изучению русского языка (что в определенной мере, наряду с вышеуказанными причинами, связано с наплывом русских туристов в эти страны), переводы с английского, французского, итальянского языков должны быть сделаны на русском языке. Обусловлено это также тем, что в западных странах, как правило, помимо родного языка, люди достаточно хорошо владеют английским либо французским языком, что обусловлено близким родством этих языков.

Важно при этом, чтобы русские лингвисты переводили сами предлагаемые контексты на другие языки, то же самое необходимо делать англичанам и французам при переводе текстов на русский язык. Потому что в этом случае сохраняется особенность мировидения и культурных традиций языка, с которого делается перевод. А это имеет первостепенную значимость при изучении иностранного языка, не рафинированного переводами русских лингвистов, так или иначе сохраняющих при переводе особенности языковой компетенции русского человека.

В качестве материала лучше использовать тексты средств массовой информации, то есть тот вербальный материал, который в настоящее время является наиболее востребованным. Язык, являясь средством социальной коммуникации, отвечая запросам времени, находится в постоянном развитии, что обусловлено как развитием общества, так и синергетическими внутрисистемными языковыми процессами. Способы передачи мысли в каждом языке совершенствуются, что в определенной мере сопряжено с такой тенденцией, как экономия речевых усилий, вводящая в качестве прототипичных новые способы словообразования, синкретичные синтаксические конструкции.

Словарь предложенного типа необходимо создавать в пределах межстрановых, интеграционных проектов, финансируемых Евросоюзом.

Такой словарь будет пополняться, отражая коммуникативные потребности общества. Естественно, что он будет совершенствоваться и в плане подачи материала. Он может включать видеосюжеты, просматривая которые обучающиеся будут не только слышать речь, но и видеть мимику, жесты, позы, эмоции людей разных национальностей в похожих ситуациях.

То есть предлагаемый словарь позволит человеку виртуально погрузиться в языковую, культурную среду сразу нескольких наций, отмечая для себя своеобразие каждой из них, что, несомненно, способствует толерантности межкультурного общения. При этом толерантность определяется нами не в понимании Дж. Локка как терпимость по отношению к культурным ценностям других наций (такое понимание более характерно для обыденного сознания), а как проникновение в эти культуры, обладающие прагматической ценностью, основанные на сложившихся традициях народов (что значимо для научного сознания).

В настоящее время приоритетными являются интеграционные проекты в области исследования единого экономического пространства, единого образовательного пространства в рамках Болонского соглашения, проблем, связанных с развитием нано-технологий. Но результативность межнационального сотрудничества ученых зависит от взаимопонимания, проявляющегося через речь. Данный пробел в социальной коммуникации призван восполнить фреймово-пропозициональный словарь, позволяющий полноценно осуществлять диалог культур.

В. И. Габдуллина

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Барнаульский государственный педагогический университет*

ПРИТЧЕВАЯ ОСНОВА РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Роман «Униженные и оскорбленные» был написан Достоевским для журнала «Время» в период, когда формировалась его общественно-политическая и эстетическая платформа. Параллельно с «Униженными и оскорбленными» во «Времени» публиковались

«Записки из Мертвого дома». По замыслу Достоевского, эти произведения должны были «вернуть из небытия» его литературное имя, а главное – в художественной форме воплотить новую идеологическую концепцию автора. В связи с этим представляется неверным рассматривать роман «Униженные и оскорбленные» как «своего рода подведение итогов» предыдущего периода [1] и анализировать его без учета новой почвеннической позиции автора [2].

«Униженные и оскорбленные» стали первым произведением, в котором мотив блудного сына, актуализировавшийся в творческом сознании писателя в связи с осмыслением своего собственного опыта и обоснованием почвеннической идеи как идеологической и эстетической платформы, выполняет сюжетообразующую функцию. В этом романе притчевая стратегия авторского дискурса проявилась как в сюжетно-композиционной организации, так и в риторике текста, что, в частности, В. А. Туниманов считал возможным назвать «лобовым дидактизмом» [3].

Авторский дискурс реализуется в тексте романа посредством актуализации биографического кода, что было замечено как критикой, так и литературоведением, отмечавших непосредственную близость биографии, характера и нравственно-психологического облика рассказчика к «биографическому автору» – Достоевскому – автору «Бедных людей». Важное значение для экспликации авторского дискурса имеет прочтение пушкинского кода, посредством которого автор вводит в текст этический комплекс «блудной дочери», способствующий созданию автором евангельского подтекста.

В комментариях к роману указано, что «история Наташи в расширенном и усложненном виде повторяет историю героини “Станционного смотрителя”» (3, 525) [4]. Действительно, Достоевский сделал все, чтобы читатель заметил связь его романа с пушкинским сюжетом. Намек на «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» дан уже в имени рассказчика, а также в самой ситуации создания «записок» и их возможной судьбе: «...вот засел теперь в больнице и, кажется, скоро умру» (3, 177); «К тому же и наследство фельдшеру; хоть окна облепит моими записками, когда будет зимние рамы вставлять» (3, 178). Для сравнения приведем отрывок из произведения Пушкина: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницей на разные домашние potrzeby. Таким образом прошлою зимою все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которую он не окончил» [5].

Обращение к пушкинскому тексту в начале 60-х гг. выглядит вполне объяснимым и закономерным [6]. Пушкин всегда был для Достоевского эстетическим и нравственным ориентиром. На страницах журнала «Время» Достоевский вступил в полемику с рядом публицистов, в частности с Дудышкиным из «Отечественных записок», отстаивая идею народности Пушкина, которую он видел в том, что Пушкин открыл для литературы истинно русские типы, среди которых он называет и Белкина. «Пушкин был народный поэт одной части (образованного общества. – В. Г.); но эта часть, во-первых, была сама русская, во-вторых, почувствовала, что Пушкин первый сознательно заговорил с ней русским языком, русскими образами, русскими взглядами и воззрениями, почувствовала в Пушкине русский дух. Она очень хорошо понимала, что и летописец, что и Острепьев, и Пугачев, и патриарх, и иноки, и Белкин, и Онегин, и Татьяна – все это Русь и русское» (19, 15). Открытия Пушкина становятся под пером Достоевского аргументами в пользу почвеннической идеи: «С общечеловеческим элементом, к которому так жадно склонен русский народ, он, мы уверены, наиболее познакомится через Пушкина» (19, 16). Текст романа «Униженные и оскорбленные» содержит большое количество реминисценций, позволяющих утверждать, что мотив «блудной дочери» в истории Наташи Ихменевой

восходит к Пушкину, который впервые осуществил контаминацию двух библейских мотивов – блудного сына и блудницы.

К. В. Мочульский указал на характерный композиционный принцип «Униженных и оскорбленных»: «ряд эффектных драматических сцен, разделенных между собой кратким изложением текущих событий» [7]. По мнению исследователя, «по композиции и стилю главная фабула – история несчастной любви Наташи – принадлежит к литературному жанру сентиментальной мелодрамы» [8], с чем нельзя не согласиться. Это нисколько не противоречит сопоставлению событийной канвы романа и притчи, так как в фабуле евангельской притчи содержатся элементы мелодраматизма. Из шести сцен, выделенных К. В. Мочульским, с целью подчеркнуть мелодраматический характер сюжетной линии Наташи, название первой и последней сцен напрямую отсылают к сюжету блудной дочери: «Дочь покидает родительский дом» и «Возвращение блудной дочери».

По нашему мнению, сюжетно-композиционную организацию романа необходимо рассматривать с учетом четырех основных фаз евангельского сюжета. В композиции «Униженных и оскорбленных» (романа в четырех частях с эпилогом) достаточно выпукло выделяются ситуации, соответствующие четырем эпизодам истории блудного сына, изображенным на картинках, «украшавших смиренную, но опрятную обитель» Самсона Вырина.

Уходя из дома, Наташа опускается на колени перед ничего не подозревающим отцом, прося его благословения: «“Папенька! Перекрестите и вы... свою дочь!” – проговорила она задыхающимся голосом и опустилась перед ним на колени» (3, 195). Рассказчик говорит, что его смутил тогда неожиданный и слишком торжественный ее поступок.

Далее Наташа проходит через разорение («расточила имение свое») – «Наташа продала даже свои платья и стала искать работы» (3, 225).

Пороговую ситуацию между жизнью и смертью переживает Наташа в IV части романа (в притче о блудном сыне эта фаза обозначена словами: «у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода!» – Лк. 15:17). Мотив постепенного «омертвения» героини нагнетается на протяжении всей части и усиливается после того, как старик Ихменев «объявил торжественно, что навеки проклинает свою дочь и лишает ее своего родительского благословения» (3, 396). «Смертные муки» Наташи хронологически совпадают со страстной неделей, во время которой происходят события последней части романа («О, поскорее, поскорее! Поскорее конец этим мукам! Хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь, но только скорее! Скорее!»). После прощания Наташи с Алешей Иван Петрович так описывает ее состояние: «Она стояла посреди комнаты, скрестив руки, и в недоумении на меня посмотрела, точно не узнавала меня. Волосы ее сбились как-то на сторону, взгляд был мутный и блуждающий» (3, 402). Это ее состояние достигает кульминации, когда Наташа проклинает родителей («Я сама проклинаю их!...») и прогоняет Ивана Петровича. Заканчивается эта сцена ее обмороком: «Я подхватил ее и понес в комнату. Она была в обмороке!» (3, 403).

В этой же четвертой части дается сцена «возвращения блудной дочери», которая почти в точности повторяет изображение на четвертой лубочной картинке в доме станционного смотрителя: «Наконец представлено было возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях» [9], с той только разницей, что Николай Сергеевич сам решается идти на поиски дочери. «Но старик не дошел до порога. Дверь быстро отворилась, и в комнату вбежала Наташа, бледная, с сверкающими глазами, как будто в горячке. <...> Она вбежала, увидела отца и с криком бросилась перед ним на колена, простирая к нему руки» (3, 420).

Мотив «блудной дочери» становится в романе «Униженные и оскорбленные» лейтмотивом, пронизывая все повествование. Этот мотив аккомпанирует сюжетной линии

Наташи в эпизоде чтения стихотворения Я. Полонского «Колокольчик», который не привлёк сколько-нибудь серьёзного внимания исследователей. В комментариях к роману указан только источник текста (3, 535). В. А. Туниманов замечает по поводу этого эпизода: «Безыскусность любовной ситуации оттенена и литературной параллелью – мы имеем в виду стихотворение Полонского, с квалифицированным, тонким “критическим разбором” которого выступает в романе Наташа» [10]. На самом деле, следует говорить не о «критическом разборе», а об особом прочтении стихотворения героиней романа. Благодаря Наташиной интерпретации в истории героини Я. Полонского просвечивает мотив «блудной дочери».

Наташа читает отрывки из стихотворения Полонского в ожидании прихода Алеши. Об этом она говорит вошедшему Ивану Петровичу: «...и знаешь, что я делала? Ходила здесь взад и вперед и стихи наизусть читала; помнишь, – колокольчик, зимняя дорога: “Самовар мой кипит на дубовом столе...”» (3, 227). Эти строки перекликаются с картиной, которую рисует рассказчик в начале главы: «Я застал Наташу одну. Она тихо ходила взад и вперед по комнате, сложив руки на груди, в глубокой задумчивости. Потухший самовар стоял на столе...» (3, 226). В контексте стихотворения Полонского, о котором говорит Наташа, эта деталь – «потухший самовар» – воспринимается как метафора остывших чувств – Иван Петрович знал, что Алеша «уже пятый день не показывался к Наташе».

Наташа начинает читать стихотворение со строк:

*Улеглася метелица; путь озарен,
Ночь глядит миллионами тусклых очей...*

не дочитав вступительные строфы стихотворения Я. Полонского, в которых вводится тема «забытых снов» – воспоминания о прошедшей любви:

*Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!*

*Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть: белый призрак луны
Смотрит в душу мою – и былую печаль
Наряжает в забытые сны [11].*

Наташа выбирает из стихотворения два отрывка. Первый отрывок – воспоминание о прошедшем счастье:

*То вдруг слышится мне – страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет,
Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизнь! Чуть заря на стекле
Начинает лучами играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле
За цветной занавеской кровать... (3, 227).*

Нарисованная в стихотворении картина, очевидно, ассоциируется с началом жизни Наташи с Алешей: «В первое время после ухода из дому она и Алеша жили в прекрасной квартире, небольшой, но красивой и удобной...» (3, 224). Это счастливое время быстро минуло, «ресурсы молодого князя истощились» [12], и Наташа оказалась в «грязном “капитальном” доме купца Колотушкина», где Алеша появлялся все реже и реже.

Второй отрывок, который читает Наташа, передает обстановку ее теперешней жизни:

*Что за жизнь у меня! – И тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно ...
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за примерзлым окном не видна
И, быть может, погибла давно.
Что за жизнь! Полиял пестрый полога цвет;
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому – милого нет ...
Лишь старуха ворчит... (3, 228).*

Душевное состояние Наташи перекликается с настроением героини стихотворения, лирическим двойником которой является погибшая за промерзлым окном одинокая вишня.

Иван Петрович замечает горящую лампадку, приписывая это тому, что «Наташа становилась все набожнее и набожнее» (3, 228). Между тем, в тексте стихотворения Я. Полонского есть место (пропущенное в чтении Наташей), где слова «лампада горит» рифмуются с окончанием следующего стиха – «мое сердце не спит»:

*Забушует ли вьюга – лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Все по нем изнывая тоской [13].*

Таким образом, горящая лампада в контексте стихотворения воспринимается как образ-символ любящего сердца девушки. Очевидно, что горящая лампада из стихотворения Полонского не случайно оказалась в комнате Наташи. Она зажжена не в честь христианского праздника (как показалось Ивану Петровичу), а в ожидании возлюбленного.

Наташа говорит о стихотворении Полонского: «Какие это мучительные стихи, Ваня, и какая фантастическая, раздающаяся картина. Канва одна, и только намечен узор, – вышивай, что хочешь. Два ощущения: прежнее и последнее» (3, 227). Автор как бы подсказывает читателю – история Наташи «вышита» по известной канве – фабуле, принадлежащей к разряду «вечных». Определение «фантастическая, раздающаяся картина» – явно из авторского арсенала. Достоевский много размышлял о «фантастическом» в жизни и в искусстве, настаивая на том, что действительность «фантастичнее» любой поэтической фантазии. Однако, в данном случае, очевидно, «фантастичность» нарисованной поэтом картины Достоевский видит в ее способности «раздаваться» – поэтическая миниатюра Я. Полонского способна стать (выражаясь языком современной литературной науки) порождающим текстом.

Второй отрывок Наташей прочитан не до конца. Стихотворение Полонского заканчивается строками: «Лишь старуха ворчит, как приходит сосед, / Оттого что мне весело с ним!...» [14]. В стихотворении «Колокольчик» в форме лирического воспоминания представлена судьба девушки, покинувшей родительский дом в надежде на счастье с любимым («Выноси меня, тройка коней!»). Героиня Полонского прошла путь от счастья с любимым («У меня ли не жизнь!») до одиночества, бедности, болезни («Что за жизнь! Полиял пестрый полога цвет; / Я больная брожу...») и предчувствия гибели («За окошком растет только вишня одна, / Да и та за примерзлым окном не видна / И, быть может, погибла давно»), забвение от которого она ищет в порочном веселье («Лишь старуха ворчит, как приходит сосед, / Оттого что мне весело с ним...»).

В интерпретации Наташи прочитываются иные акценты. Отчаяние ее одиночества выражено особенно пронзительно в строке из стихотворения Полонского: «Я больная

брожу и не еду к родным ...», – которую Наташа выделяет особо: «“Я больная брожу”... эта “больная”, как тут хорошо поставлено!». В отличие от героини Полонского Наташа не идет по традиционному пути, который предсказывал своей дочери, основываясь на житейском опыте, еще пушкинский Самсон Вырин: «Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою» [15]. Оказавшись перед выбором: погибнуть в бедности и одиночестве, стать наложницей графа N., «сластолюбивого старика», которому услужливо продает Наташу князь Валковский, или, покаявшись, вернуться к родителям, – Наташа, перешагнув через свою гордость, выбирает последнее.

В заключительной IX главе IV части происходит сцена, не предусмотренная логикой евангельской притчи: отец тоже опускается перед дочерью на колени, прося у нее прощения за то, что проклял ее: «Нет, Наташа, мне, мне надо у твоих ног лежать до тех пор, пока сердце мое услышит, что ты простила меня, потому что никогда, никогда не могу заслужить я теперь от тебя прощения! Я отверг тебя, я проклинал тебя, – и я мог это делать!...» [3, с. 421]. Достоевский усложняет ситуацию, изображенную в повести Пушкина и в первоисточнике сюжета – евангельской притче. Отец Наташи также совершает свой духовный «блуд», в порыве гнева и обиды отрекаясь от дочери, отказываясь от исполнения своего отцовского долга [16]. Только пережив нравственное потрясение от истории Нелли, узнав в старике Смите самого себя, Николай Сергеевич делает шаг к примирению с дочерью.

В романе две блудные дочери и два отца, один из которых так и не смог простить свою дочь. В истории англичанина Смита Достоевским изображен результат того разобщения и индивидуализма, которым заражен, по мнению писателя, «западный» человек. В «Дневнике писателя» 1876 г. Достоевский так охарактеризовал состояние западного общества: «Там же, в Европе, уже никакой пучок не свяжется более; <...> там группы и единицы доживают последние сроки и сами знают про то; уступить же друг другу не хотят ничего и скорее умрут, чем уступят» (22, 84). Духом индивидуализма и гордыней заражена даже маленькая Нелли, которая, рассказав Ихменевым трагическую историю своей матери, перед смертью посылает проклятие своему отцу князю Валковскому. «...Поди к *нему* и скажи, что я умерла, а его не простила», – просит Нелли Ивана Петровича (3, 441).

Наличие в романе «Униженные и оскорбленные» параллельных сюжетных линий по-разному оценивалось критиками и литературоведами. По мнению Н. Добролюбова, «действие романа странным и ненужным образом двоится между историей Наташи и историей маленькой Нелли, чем решительно нарушается стройность впечатления» [17]. С точки зрения К. Мочульского, «история Наташи и Нелли совершенно самостоятельны. Они могли бы составить две отдельные повести» [18]. Противоположной точки зрения придерживается В. Туниманов, который считает, что «параллельное бытие в романе соединенных неловко и условно сюжетных линий Наташи и Елены <...> глубоко мотивировано» [19], однако, по мнению исследователя, «сюжетное переплетение линий Наташи и Нелли наивно и “скомпрометировано” лобовым дидактизмом» [20]. Элемент дидактизма в данном случае действительно имеет место в романе, что, заметим, является еще одним свидетельством присутствия в нем притчевого начала. Сам Достоевский определял жанр «Униженных и оскорбленных» как «фельетонный роман». Его содержание и форму писатель напрямую связывал с потребностями журнала «Время», фактическим редактором которого он был: «Если я написал фельетонный роман, (в чем сознаюсь совершенно), то виноват в этом я и один только я. <...> Начинающемуся журналу, успех которого был мне дороже всего, нужен был роман и я предложил роман в 4-х частях. <...> Совершенно со-

знаюсь, что в моем романе выставлено много кукол, а не людей, что в нем ходячие книжки, а не лица, принявшие художественную форму (на что требовалось, действительно, время и выноска идей в уме и в душе)» (20, 133). В роман были включены идеи, занимавшие автора в период создания идеологической платформы журнала «Время». Важнейшая из них – противопоставление русского пути западному («Мы только отвергаем исключительно европейскую форму цивилизации и говорим, что она нам не по мерке» – 19, 20). В письме к И. С. Тургеневу в июле 1863 г. (после закрытия журнала) Достоевский пишет: «Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное» (28 / II, 34). В соответствии с этим направлением в романе трактуются характеры персонажей и финалы их жизненных историй.

Для жанра романа-фельетона, получившего распространение в эпоху «натуральной школы», было характерно наличие четко выраженной идеологической позиции автора. В романе начала 60-х гг. Достоевский обращается к приему «диалогического конфликта» (Ю. Манн) [21], сталкивая две противоположные идеи, два отношения к жизни, два мирозерцания. Говоря об идейно-художественной организации романа, В. Г. Одинокоев замечает: «В “Униженных и оскорбленных” мы видим, таким образом, сопряжение разных начал – положительных и отрицательных, “тезиса” и “антитезиса”. Их борьба и противопоставление составляют проблемный ствол романа» [22]. Очевидно, что параллельное изображение двух историй, ориентированных на библейский сюжет и имеющих различные финалы, имело для автора принципиальное значение. Представив историю двух семейств – семьи англичанина Смита и русской семьи Ихменевых, Достоевский столкнул в романе две нравственные позиции, изобразил два варианта решения одного вопроса: в духе европейского индивидуализма и «по народной вере и правде».

К. В. Мочульский предложил трактовку финала романа, исходя из понимания духовного опыта, вынесенного Достоевским с каторги, как «крушения идеализма». «После каторги вера в “естественное добро” была потеряна», – считает исследователь [23], делая следующий вывод: «Не “добрые” судят “злого”, а “злой” судит и осуждает “добрых”» [24]. «Трагическое зрелище бессилия “естественного добра”: любовь, сострадание, самоотвержение помочь ближнему не могут. Зло добром не побеждается. К концу романа у Ихменевых разбитая жизнь, у Наташи неизлечимая рана на сердце; Иван Петрович доживает свои последние дни в больнице, Нелли лежит в гробу. А изменник Алеша блаженствует с Катей, злодей князь благоденствует и собирается жениться. Полное торжество зла» [25]. Такая интерпретация идеи романа полностью отрицает исторический оптимизм, вынесенный Достоевским из его сибирского опыта и положенный в основу «русской идеи», духовным ориентиром которой стало Священное писание. Опровержение жизненных принципов Валконского делается с позиций духовности, носителями которой выступают в романе Иван Петрович и семья Ихменевых. Именно так оценивает авторскую позицию В. Г. Одинокоев: «Писатель уничтожает Валковского. Суд над ним творится в сознании героев, которые апеллируют к самому высокому судие – к богу» [26].

Финал истории «блудной дочери» исполнен евангельской патетики, которая звучит в словах Николая Сергеевича Ихменева, обращенных к Богу с благодарностью: «...о, благодарю тебя, боже, за все, за все, и за гнев твой и за милость твою!.. И за солнце твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю!..» (3, 422). Обнаруживается близость финального монолога старика Ихменева хвалам, посылаемым Иовом Богу: «Который творит дела великие и неисследимые, чудные без числа, дает дождь на лицо земли и посылает воды на лицо полей; униженных поставляет на высоту и сетующие возносятся во спасение. Он разрушает замыслы коварных, и руки их не довершают предприятия» (Иов. 5:9–16) [27].

Однако финальной сценой истории «блудной дочери» – сценой торжества евангельской любви и прощения – роман не завершается. Вслед за тем как реакция на нее происходит «страшный припадок» Нелли, вспомнившей о своей мамаше – непрощенной «блудной дочери». Таким образом, автор снимает притчевую патетику финальной сцены, усиливая ее назидательность, которая, в результате сведения вместе двух сюжетных линий, не манифестируется, а уходит в подтекст.

В эпилоге романа преобладают другие настроения и события: болезнь и смерть Нелли, приготовления к отъезду в Сибирь Ихменевых, грусть рассказчика о его с Наташей несбывшемся счастье («пушкинское» в последней фразе романа: “Мы бы могли быть навеки счастливы вместе” – [3, с. 442]. Однако притчевая основа романа вновь «прорывается» в слова письма покойной матери Нелли к ее отцу – князю Валковскому: «Если вы не отвергните Нелли, то, может быть, **там** я прошу вас, и в день суда сама встану перед престолом Божиим и буду умолять Судию простить вам грехи ваши», – посредством которых в финал входит тема Высшего Суда, где каждому воздастся «по делам его».

Роман «Униженные и оскорбленные» стал первым произведением послекаторжного периода, в котором Достоевский апробировал притчевую стратегию повествования, посредством которой реализуется авторская позиция в условиях полифонической поэтической структуры.

Литература

1. Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1854–1862). – Л., 1980. – С. 100.
2. В монографии В. А. Туниманова глава, посвященная анализу романа «Униженные и оскорбленные», предшествует главе «Почвенничество и “полемика идей”». По мнению исследователя, «роман “Униженные и оскорбленные”, конечно, не этап творчества (в отличие от “Записок из Мертвого дома”); нельзя говорить и о переломе, идейном и эстетическом. Переломными произведениями в творчестве Достоевского 1860-х годов станут лишь “Зимние заметки о летних впечатлениях” и “Записки из подполья”» (Туниманов В. А. Указ. соч. – С. 101).
3. Там же. – С. 169.
4. Ссылки на текст делаются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972–1990. В скобках указываются номер тома и страницы.
5. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 5. – М., 1981. – С. 53.
6. Психоаналитическое истолкование (в духе Х. Блума) «пушкинского присутствия» предлагает А. А. Фаустов (См.: Фаустов А. А. Пушкинское присутствие в «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Вып. 6: Интерпретация художественного произведения: Сюжет и мотив. – Новосибирск. 2004. – С. 104–113).
7. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. – М., 1995. – С. 316.
8. Там же. – С. 317.
9. Пушкин А. С. Указ соч. – С. 85.
10. Туниманов В. А. Указ. соч. – С. 166.
11. Полонский Я. П. Стихотворения. – Л., 1969. – С. 104
12. Сюжетная линия Алеши Валковского также развивается по законам нарратива притчи о блудном сыне; это сниженный зеркальный вариант истории Наташи, в котором трагизм снят авторской иронией по отношению к герою.
13. Полонский Я. П. Указ. соч. – С. 104–105.
14. Там же. – С. 105.
15. Пушкин А. С. Указ. соч. – С. 91.
16. Как отмечает В. Тюпа, «фигура “блудного отца” способна актуализировать тот же мотив (мотив “блудного сына”. – В. Г.), будучи его инверсией» (Тюпа В. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание. – Новосибирск, 2003. – С. 186).

17. Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Литературная критика: в 2 т. – Л., 1984. – Т. 2. – С. 430.
18. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995. – С. 319.
19. Туниманов В. А. Указ. соч. – С. 175.
20. Там же. – С. 169.
21. Манн Ю. В. О движущейся типологии конфликтов // Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. – М., 1987. – С. 40–66.
22. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. – Новосибирск, 1985. – С. 60.
23. Мочульский К. В. Указ. соч. – С. 322.
24. Там же.
25. Там же. – С. 324
26. Одинокое В. Г. Указ. соч. – С. 56.
27. О влияние Книги Иова на поэтический строй произведений Достоевского указывалось в современном литературоведении, однако в связи с романом «Униженные и оскорбленные» эта одна из самых поэтических Книг Ветхого Завета не рассматривалась. См. о влиянии Книги Иова на романы Достоевского: Балашов Н. В. Иов «с подлейшими примечаниями»: что же читал Достоевский // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 6. – СПб., 1996. – С. 82–86; Касаткина Т. А. Книга Иова как эталон при прочтении «Братьев Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 16. – СПб., 2001. – С. 205–214; Ионина М. А. Книга Иова в романах Ф. М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы» // Достоевский и время: сб. статей. – Томск, 2004. – С. 48–62.

ФИЛОСОФИЯ

В. М. Золотухин

*доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права
Кузбасский государственный технический университет*

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рассматривая толерантность как определенный принцип поведения, некий стандарт и ориентир, мы ориентируемся, прежде всего, на то, что ее ценности, значимость и воспроизводство осознаются не только самим обществом, но и институтами государственной власти. В том числе, в правовом пространстве ей отведена роль правовой защищенности человека, предоставление каждому возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

Исходя из того, что этические модели правового поведения, по мнению Д. Ж. Валева, рассматриваются в «двух аспектах: 1) этические модели правотворчества; 2) этические модели правоприменения» [1], толерантность как модель социального поведения, с одной стороны, должна вырабатываться законодательными органами государств, а с другой – быть нормой поведения для каждого члена общества, которая не только существует как декларация желаемого, а как потребность, без которой нельзя строить «нормальные» отношения между людьми.

Из того, что мир сегодня такой, какой есть, следует, самое меньшее – непопулярность принципа воздаяния добром за зло, то есть не платить той же монетой. Причины ее непопулярности двояки. Первое, для пуска принципа в ход требуется некоторый запас демократии, то есть именно то, чего лишены 86 % планеты. Второе, здравый смысл, говорящий жертве, что, обращая другую щеку и не платя той же монетой, она добивается, в лучшем случае, моральной победы, то есть чего-то абсолютно неосязаемого. Естественная неохота подставлять еще одну часть тела под удар, если она оправдана опасением, что такое поведение только подстрекает и усугубляет Зло; что вашу моральную победу противник может принять за свою безнаказанность.

Есть другие, более серьезные причины для опасений. Если первый же удар не выбил из головы жертвы остатки соображения, она может осознать, что подставлять другую щеку – значит манипулировать совестью обидчика, не говоря уже о его карме. Сама моральная победа может в конце концов выйти не такой уж моральной не только потому, что у страдания часто есть оттенок нарциссизма, но и потому, что оно делает жертву выше, то есть лучше, ее врага. Но как бы ни был дурен ваш враг, важно то, что он человек, а даже не умея любить другого как самого себя, мы все-таки знаем, что Зло пускает корни, когда кому-то приходит мысль, что он лучше другого. (И вот почему, в первую очередь, вас ударили по правой щеке.) Так что лучшее, чего можно добиться, подставив другую щеку врагу, это удовольствие предостеречь последнего насчет тщетности его поступка. «Смотри, – говорит другая щека, – ты бьешь всего лишь плоть. Это не я. Ты не в силах растоптать мою душу». С такой позицией одна беда: враг может просто принять ваш вызов. В Нагорной проповеди сказано: *«Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти одно с ним поприще, иди с ним два».*

Смысл этих строк следующий: зло бессмысленно, когда его запросы оказываются ничтожными по сравнению с вашей уступчивостью, обесценивающей ущерб. Это ставит жертву в весьма активную позицию, в положение духовного агрессора. Возможная здесь победа – не моральная, а экзистенциальная. Здесь другая щека не вызывает к угрызням вражеской совести (которые ему легче легкого подавить), но показывает его чувствам и уму бессцельность всего предприятия, как это делает всякое массовое производство.

Речь идет о ситуации, где человек с самого начала занимает безнадежно проигрышную позицию, где нет шанса дать сдачи, где у противника подавляющий перевес. Иными словами, речь идет о самых мрачных часах человеческой жизни. А именно, когда ощущение морального превосходства над врагом несколько не утешает, когда этот враг зашел слишком далеко, чтобы внушать ему стыд или тоску по забытой совести, когда в распоряжении остается только собственное лицо, верхняя одежда, рубашка и пара ног, еще способных пройти поприще или два. В такой ситуации пространство для тактического маневра очень невелико. Поэтому обращение другой щеки должно быть вашим осознанным, холодным, добровольным решением. Ваши шансы на выигрыш, сколь бы скудны они ни были, целиком зависят от того, знаете ли вы, что делаете, или нет. Подставляя щеку врагу, надо знать, что это только начало испытания, как и цитаты, – и нужно вытерпеть все последствия, все три стиха из Нагорной проповеди. В противном случае вырванная из контекста строка оставит вас калекой.

Установка на взаимопонимание с другими как исходная точка любви к другим (призыв в христианстве «Любите врагов ваших» Мф. 5: 44) с практической точки зрения является утопичной. Данная установка может существовать только как хороший практический совет, ибо любовь к врагу позволяет рассматривать «Другого» как равноправного, и направлена на понимание его как «Иного» человека. Принцип реальности важен для осуществления всей полноты человеческого бытия при востребованности аскетического поведения как меры самоограничения для реализации на практике толерантности. Данное понимание зависит от «ситуативности» (М. Хайдеггер) и обусловлено «временностью» человека. На первый план выходят такие характеристики, как: нейтрализация, координация и субординация. Они способствуют существованию в обществе пространства толерантности путем ограничения выбора возможностей кругом известного и достижимого.

Как стремление к самосохранению, толерантность направлена на сохранение индивидуальности человека при его открытости всему многообразию мира. На первом месте стоит вопрос о сохранении «Я» и мира в бытии при необходимости диалога. Рамки данного диалога включают в себя нормативность права и выступают характеристикой открытого общества. Существенным здесь является модель хорошо сыгранной «команды», действующей при помощи механизмов приспособления в обществе. Данная модель основана на «взаимной терпимости» (Э. Фромм), а процесс функционирования ее (команды) базируется на действии субъектов, у которых мы наблюдаем как независимость, так и готовность к сотрудничеству.

Толерантность приемлема в границах применения ненасильственных методов. Этим характеризуется сиюминутность явленного бытия как ее цель, направленная на удержание «середины» при активном диалектическом восхождении к этой «середине». Настоящее возникает только через длящееся присутствие «Ты», и оно есть действительность протекания настоящего, встреча и отношение.

Следует обратить внимание на проблему практического решения вопросов поведения человека. Особенно это касается поведения в коллективах, в которых люди вынуждены участвовать и как-то согласовывать действия друг друга. При наличии существующего многообразия взглядов на мир и общественно-политической принадлежности. В связи с этим актуализируется вопрос о приемлемости в общественном сознании

права на инакомыслие. Речь идет о механизме или основании обучения, при котором инакомыслие не причислялось бы к разряду «ненужного», а его носители – к людям второго сорта.

Пространство между различными точками зрения и мировоззренческими позициями является условием для проявления свободы мысли и нравственного выбора. Принцип сочувствия связан с традиционным принципом – «не делай “Другому” того, чего ты не хотел бы для себя». Сочувствие начинается с проявления **интереса** к «Другим» («Другому»), а также с любопытства к **инакомыслию**. Инакомыслие всегда заслуживает интереса, а не брезгливого презрения, свойственного еще стоикам. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на любви к людям. На первое место выдвигается «любовь к своей среде обитания, дающая ощущение ценности бытия» (Ю. А. Шрейдер) [2]. Эта мысль усиливается следующим положением А. С. Панарина: «Порядок **технологический**, порожденный эгоцентричной волей к власти, должен быть заменен **эротическим** (в античном смысле слова), вытекающим из чувства нашей интимной сопричастности природному и культурному окружению. Смысл и Любовь теснейшим образом взаимосвязаны: Любовь создает презумпцию осмысленности – внутренней гармонии того, на что она направлена; эта установка, в свою очередь, помогает нашему постижению внутренней гармонии другого, и чем более мы проникаемся ею, тем более ангажированными и ответственными оказываемся, укрепляя свою причастность» [3].

Литература

1. Валеев Д. Ж. О моделях этического поведения в различных сферах человеческой деятельности // Социально-гуманитарные знания, 2002. – № 2. – С. 205.
2. Шрейдер Ю. А. Этика. – М.: Текст, 1998. – С. 137.
3. Панарин А. С. Смысл истории // Вопросы философии. 1999. – № 9. – С. 12.

С. Ю. Колчигин

*доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом онтологии и теории познания
Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан*

ПЛЮРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИСТИНА: К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Установка на плюрализм и толерантность сегодня возводится в ранг всемирной идеологии, и сами эти понятия превратились едва ли не в знаковые идеологемы. Во всяком случае, они достаточно характеризуют существенную сторону нынешней эпохи, которая отмечена высокой степенью конфликтности и, соответственно, требует совершенствования гуманистических норм в отношениях между государствами, общественными группами, религиями и т. д.

Действительно, нельзя не признать, что плюрализм и толерантность (точнее, *толерантный плюрализм*) – относительно высокий уровень и этап в развитии принципов человеческого общежития. Этим этапом исторически сменяются те совершенно нездоровые, если не сказать – дочеловеческие взаимоотношения, которые представлены двумя формами *партикуляризма*. Первая из них – «голый» плюрализм, то есть примитивная, еще не облагороженная терпимостью конфронтация эгоцентризмов, ведущая их к открытой войне. Вторая – так называемый «тоталитаризм»: господство частной, а потому ложной идеологии (безосновательно выдаваемой за Единую Истину) над всеми другими частными и ложными идеологиями.

Демократические послабления, особенно в последнее десятилетие, дали возможность публичного проявления самых разных взглядов и мировоззрений, каждому из которых придается идеологический и правовой статус уникальной ценности, культурно самобытного явления. И, следовательно, согласно этой позиции, ни одно мировоззрение, ни одна точка зрения не может признаваться в качестве единственной истины, превозносимой над другими.

Следует еще раз подчеркнуть: толерантный плюрализм – это действительно более высокий принцип, нежели неприкрытые претензии каждой или какой-то одной спорящей стороны на статус единственно истинной, что неизбежно влечет за собой протесты других сторон и вызывает резкое противостояние людей, государств и целых континентов.

Однако сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда все явственней угроза глобальной антропогенной катастрофы, становится очевидно, что и этап толерантного плюрализма следует считать пройденным, по существу исчерпанным и завершенным. Толерантный плюрализм, да и то в лучшем случае, лишь притормаживает развитие катастрофических общепланетарных тенденций современности, но не позволяет их по-настоящему разрешить. Тому есть несколько причин, которые можно резюмировать в следующих положениях.

1. Толерантный плюрализм по самой своей сути не может быть *последней целью, идеалом, конечной истиной* человеческих взаимоотношений. Дело в том, что он не дает и не предполагает сам по себе дать некий развивающий образец отношения человека к человеку и миру. Он лишь ставит запретительные знаки на пути множества негативных проявлений, к которым люди склонны именно потому, что каждый из них лелеет какую-то свою «истину».

2. Как только принцип толерантного плюрализма стремится себя увековечить в качестве окончательного и высшего принципа человеческого общежития, он становится сдерживающим фактором развития. Иными словами, он переходит в свою противоположность, *он сам* отныне претендует быть единственной и единой Истиной. А это не может раньше или позже не вызвать серьезного противодействия со стороны любого человека и любой группы людей, поскольку они считают владельцами Истины только себя и тем самым исключают ее наличие и даже такую возможность у кого-то другого.

3. Из изложенного ясно, что плюрализм и толерантность должны и могут быть не более чем *условием* для выявления в своей свободной внешней среде того единственного мировоззрения и мироотношения, которое есть *полная и подлинная Истина* бытия Человека в Мире. И эта Истина непременно проявляет себя именно тогда, когда свобода слова, вероисповедания и прочие свободы становятся доминирующим требованием, которое начинает реализовывать себя в глобальном, общепланетарном масштабе. Ибо ситуация повсеместной востребованности предоставления или сохранения всевозможных свобод указывает на фактическое рабство людей, достигшее апогея. Поэтому, появляясь в такое время, Истина тут же начинает создавать теперь уже свои собственные условия, условия для развития и расцвета истинно человеческих, внутренне свободных, открытых, доверительных отношений, и толерантный плюрализм должен уступить дорогу ей. Именно он расчистил эту дорогу для Истины, но теперь, сделав свое нужное дело, толерантный плюрализм должен отойти в прошлое, подобно тому как завершается подготовительный этап в восхождении или как уходит трамплин из-под ног лыжника.

Таков общий абрис эволюции от партикуляризма к Единой Истине. Далее попытаемся рассмотреть этот вопрос чуть подробнее, в некоторых существенных аспектах.

Плюрализм не может и не должен быть идеалом человеческих взаимоотношений, общения и обоюдного понимания потому, что Истина – одна. Два разнородных, разнотипных понятия об одном и том же не могут быть истинными: одно из них либо оба они непременно будут ложны.

Мировоззренческий плюрализм полагает, что центр везде, что он у каждого и любого. Но по зрелом размышлении эта внешне красивая формула не выдерживает критики: она означает, по существу, что друг к другу приравниваются высокое и низкое, умное и глупое, доброе и дурное, истинное и ложное. Так плюрализм при непосредственном на него взгляде выказывает свою тотально индивидуалистическую суть, усредняющую, нивелирующую все и всех, а тем самым и разъединяющую все и всех, узаконивая их разлад и распадение.

На это, как правило, возражают: Истина многообразна. Что ж, с этим нельзя не согласиться. Однако многообразие Истины отнюдь не в разноголосице, не в различном истолковании сущности и назначения одних и тех же предметов. Истина многообразна в смысле тех красок и оттенков, которые проявляются людьми в *творческой, прежде всего художественно-практической, реализации Единой Истины*. А такая цветущая сложность, где ни одна краска не только не подавляет другую, но поддерживает и подчеркивает ее, возможна только и именно при условии согласия людей в знании и понимании главного – Единой Истины и в следовании ей.

Но пока что преобладает, к сожалению, иное: признание многообразия не *внутри* единства, а *вне* его. Плюрализм берется за основу сам по себе, без фундамента, как принципиально самодостаточное основоположение. В итоге «истина» оказывается по видимости многообразной, но в действительности при этом перестает быть Истиной, ибо «единство» плюральных мировоззрений сугубо условно.

Вот как это реально выглядит, например, в области религии. Говорят: «Все религии – одно, так как все они зовут к одному и тому же – возлюбить Бога и ближнего своего». Но посмотрим на эту «единую» позицию внимательно. Что конкретно понимается под словами «Бог», «любовь», «ближний»? В одних религиях Бог един, в других троичен, в-третьих – богов множество. Если говорить о «любви», то для одних религий она есть цель спасения, для других – только средство, для третьих и вовсе лишь зависимость, от которой надо избавиться. Наконец, что касается «ближнего», то одними он понимается как «родственник» или, например, «соотечественник», другими – как «свой», то есть близкий по духу, интересу, а третьими как в принципе любой человек.

Столь явные разночтения не всегда смущают приверженцев плюрализма. Они стараются смягчить эту разноголосицу примиряющим утверждением: «Разноголосица не страшна – лишь бы было *гуманное отношение* людей друг к другу». Но подобное заявление не более чем отговорка. Если нам неизвестно, что понимать под «гуманным», мы никогда не придем к согласию в наших взаимоотношениях, которые предполагались быть гуманными только по прекраснодушию нашему. И разве не так обстоит дело с интерпретациями понятий «гуманное», «собственно человеческое» и т. п.? Именно так. Ибо различными религиями и философиями человек трактуется абсолютно различно: как зверь (животное), как Бог, машина, растение, биоробот... Эти разногласия принципиальны. Основывать человеческое общежитие на такого рода идейном разномыслии, значит, неизбежно обрекать людей на конечный разброд и конфронтацию.

Сторонники идейного плюрализма пытаются опрокинуть или нейтрализовать это соображение ссылками – вновь и вновь – на необходимость «гуманного» отношения друг к другу. Этот привычный их аргумент развивается следующим образом. Если плюрализм и вправду недостаточен в качестве принципа и идеала общения, терпимость в межчеловеческих отношениях нужна тем более, плюрализм без нее действительно невозможен. А в виде примера и даже образца «нормальных» взаимоотношений меж людьми нередко приводят толерантно-плюралистические отношения, царящие в философских кругах Запада, где каждый имеет собственную идейную платформу, не похожую на платформу другого, но при этом не стремится вступать с ним в спор, так что каждый из них «спокойно делает свое дело».

Но хорошо ли это, нормально ли? Нет, точнее было бы сказать, что это равнодушие к Истине, равнодушие, несовместимое с призванием философа, человека, взыскающего мудрости. «Легко быть терпимым ко всякой вере тому, – писал в подобной связи Н. А. Бердяев, – кто ни во что не верит, кто равнодушен к истине» [1]. Более того, такая «толерантная индифферентность» к Истине тем самым есть одновременно и равнодушие к людям. Плюрализм и толерантность как целевые установки – это идеологически закрепленные, хотя и завуалированные, принципы *эгоизма* и чисто *внешнего*, номинального, формально поддерживаемого единства людей [2].

Толерантность, или терпимость (сегодня это часто называют *политкорректностью*), – не более чем *искусственное* равнодушие (и *искусственное, дипломатичное* равнодушие) в отношении других людей и мировоззрений. И оно не может быть долговечным именно в силу внешней вынужденности. Стоит всерьез затронуть наши эгоистические интересы – и терпимость выливается в фанатическую нетерпимость, в разного рода экстремизм, терроризм, контртерроризм.

А интересы наши затрагиваются постоянно, покуда у каждого «своя истина», вернее, покуда каждый остается при своем *мнении*.

Поэтому весь вопрос состоит в том, возможно ли сделать терпимыми друг к другу тех, кто друг к другу нетерпим. И поэтому, далее, довольно нескладно выглядят призывы к толерантности, звучащие сегодня на международных и локальных форумах представителей разных идеологий, когда, буквально стиснув зубы, кто-нибудь заявляет, например, следующее: «Я нормально отношусь к такому-то мировоззрению, хотя совершенно не разделяю его постулатов, идей и выводов». Или: «Я считаю религию хорошим, нужным явлением культуры, хотя сам я – атеист». В сущности, это максимум того, что можно ожидать от толерантности: она предполагает не более чем сохранение статус-кво. И если, отбросив обычные в таких случаях словесные украшения, вникнуть в существо итоговых документов отмеченных форумов, то общий их результат сводится фактически к тавтологии: «Чтобы добиться согласия или сохранить его, надо жить в согласии».

Проблема действительно не проста и решение ее действительно затруднено. Суть дела в следующем.

Толерантность не может и не должна быть неким идеалом в жизни сообщества людей, ибо она лишь вынужденное временное подавление природно-инстинктивных проявлений. Сам по себе такое подавление как будто бы и неплохо, однако стоит хотя бы немного не успеть сдержаться, стоит только переполниться этими загнанными внутрь эмоциями эгоистического раздражения, как они тотчас выплескиваются с большим шумом и большой неопрятностью. Терпимость как вражда скрываемая очень легко переходит во вражду открытую.

Отсюда видно, что «толерантность» – понятие *нейтральное*, а значит, хотя и не всецело отрицательное, но и не всецело положительное. Толерантность означает насильственно и трудно скрываемую, нейтрализуемую внешне неприязнь. Толерантность достигается через сознательные попытки подавить *природный* чувственный мир (эгоцентрические эмоциональные реакции) с его непредсказуемыми всплесками. Но толерантность сама по себе неспособна вести к развитию *духовного* чувственного мира (мира положительных внутренних чувств и высших эмоций) [3]. А ведь он-то и составляет сущность и специфику Человека.

Следовательно, терпимость, будучи как таковая нейтральным понятием, не вправе претендовать на роль *идеала* в жизни сообщества людей. Она бесплодна, покуда не опирается на законы развития души, то есть собственно человеческого, духовного, нравственного начала – самозабвенной любви ко всем и ко всему, жаждущей вылиться в прекрасные творческие проявления. А это, в свою очередь, подразумевает: необходимо не подавлять природный чувственный мир, а облагораживать, одухотворять его, окутывать ненормальные эгоистические проявления природы (плоти и сознания) любовью к окружающему и полным принципиальным доверием ему.

В этой любви и полном доверии (священной вере) и состоит Истина бытия Человека в Мире. И даже одна лишь возможность этих истинно человеческих взаимоотношений и истинно человеческого мироотношения, одно лишь теоретическое их допущение – свидетельство того, что наряду с взаимоисключающими, враждующими или терпящими друг друга мнениями существует и Истина. И она – Единая, а следовательно, созидающая подлинное, внутреннее (а не внешнее только, условное) единство меж людьми. Это и означает, что толерантность – не более чем ступенька перед подъемом к Истине.

Только с учетом этого, только при этом понимании толерантности мы сумеем начать движение вверх, к Истине, а не продолжать соскальзывать вниз, к мнениям. Истина больше и выше мнений, больше и выше толерантного плюрализма. Потому, что Истина *объективна*. В том смысле, что применима для всех и никогда не разъединяет, а всегда соединяет, так что этот процесс единения не только возможен, но и необходим, а потому неизбежен. По простому закону: деградация – конечна, развитие – бесконечно. Для всех и на беспредельную перспективу их творческого развития в Мироздании. Именно эта тенденция требует сегодня продвижения человечества вперед и действительно подвигает к наиболее высокому уровню взаимоотношений между людьми, а шире говоря – между Человеком и Миром, к уровню, полностью соответствующему истинной сущности Человека. Толерантность – это лишь задержка в падении. Она, конечно, нужна, но недостаточна для решительного поворота к Истине бытия Человека в Мире.

Будучи переходом в новую, высокую координатную область, такое радикальное самоизменение человека предполагает приложение им особых, ранее неведомых усилий и знание особых законов, глубоко отличных от тех, что предписывает ему социум. Эти особые законы и усилия имеют не формально-договорной, но сознательно-волевой личностный характер, преследующий цели *духовного порядка*.

Именно *в контексте поиска Истины*, в русле мировоззренческого диалога по сопоставлению разных систем мысли жизненно необходимы *толерантность и веротерпимость*, только в таком поиске они приобретают реальную значимость.

Следовательно, на уровне нравственно-психологическом задача состоит *в удержании толерантного отношения ко всем* – даже к ненавидящим тебя и гонящим тебя. Но вот в плане мировоззренческом, философском задача не в том, чтобы *сдерживать* себя. Наоборот: в том, чтобы *открыто сопоставлять* (разумеется, сохраняя внутри огромное терпение) идейные основы и содержание всех мировоззрений, имеющих к сегодняшнему дню. Только такое сопоставление, кропотливое, сложное, довольно долгое, учитывающее все параметры и обстоятельства, и может дать, наконец, ясное философское понимание того, что же такое Истина и у кого она представлена в полном объеме.

Подлинный, конструктивный мировоззренческий диалог есть непременно диалог о существе Истины и о том, где ее следует искать. Как раз такой диалог, как правило, чреватый жарким спором, и требует толерантности, смирения своей гордыни, способности слушать и слышать другого. Все разговоры о толерантности и веротерпимости имеют смысл только и единственно при условии, что они сочетаются с активным, интенсивным и страстным поиском Истины или стремлением постичь Истину. Именно здесь, подчеркиваю, и требуется смирение своей гордыни, обретение великого терпения, чтобы слушать и слышать другого, а не переполняться только «своим».

Если мы зовем к толерантности, но не ищем Истину, то это уже и не толерантность, а полное безразличие к Истине, к людям, к жизни. А ведь если вы видите, что ваш брат, ваш сын смертельно заблуждается, вы не станете проявлять к нему «толерантность» – она будет просто опасной.

Если нам безразлична Истина бытия человека в мире, мы вступаем в реальный, предметный и порой очень острый диалог с теми, кто, на наш взгляд, далек от этой Истины. Вот тут-то и призвана проявиться наша веротерпимость: не в *содержании* нашей дискуссии, а в ее *форме*. Иначе говоря, нельзя быть терпимым к сущности идей, которые

вы видите неверными, однако необходимо быть терпимым, терпеливым, сдержанным, убирающим агрессию в ходе отстаивания своих взглядов.

В нашу сложную эпоху – время всепроникающей и всеразъедающей войны мировоззрений – крайне важно стремление сохранять бережные отношения друг с другом и стремиться к обоюдному пониманию. Но если уж мы все-таки беремся критиковать один другого, то хочется пожелать нам всем: давайте впредь не будем голословными, а станем, в стремлении к обретению мудрости, тщательно и подробно сопоставлять наши взгляды, подкреплять их взвешенной аргументацией, внимательно слушать доводы друг друга и объективно анализировать их. Иначе всех нас, без исключения, легко заподозрить в высокомерном, даже презрительном отношении к оппонентам (что говорило бы об отсутствии внутренней культуры). А стало быть, в равнодушии к Истине и отстаивании лишь собственного интереса.

Литература

1. Бердяев Н. Философия свободного духа: Проблематика и апология христианства. – Париж, 1927. – С. 220–221.
2. Ср. с еще одной мыслью Н. А. Бердяева – о том, что взаимно юридически обязывать друг друга должны лишь люди, далекие по духу, внутренне разобщенные (Там же. – С. 182). Ср. также с известным выводом Г. С. Батищева: «... Плюралистская терпимость есть всего лишь *вынужденное* невмешательство в *чужие* и *чуждые* дела других... всего лишь договорное непосягательство и формально-дипломатичная сдержанность, за которой всегда хранится внутреннее неприятие» (Батищев Г. С. Диалектика творчества. – М., 1984. – С. 353).
3. Ср. с горько-ироничным высказыванием из «Принципа оборотня» Клиффорда Саймака: «...Эмоциям нет места, если хочешь достичь оптимальных результатов, думал он, с раздражением пытаюсь истребить в себе радость».

С. Н. Гавров

*доктор философских наук, политолог, культуролог,
ведущий научный сотрудник Российского института культурологии
г. Москва*

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Особенностью современного нам мира стала беспрецедентная плотность человеческих контактов, массовые перемещения людей, капитала, товаров и услуг, плотность и доступность информационных потоков. Наиболее развитые общества, как на Западе, так и на Востоке, становятся все более мультикультуралистичными, дробными, состоящими из ряда этнических общин. Так, поток легальных и нелегальных эмигрантов придает новые полутона и оттенки европейскому социокультурному и конфессиональному ландшафту, где христианские храмы начинают чередоваться с мечетями, а мусульманские одежды контрастируют с сохранившимися памятниками готической архитектуры.

В постсоветский период в России также произошли серьезные изменения, открывшие нас миру, иным культурам, цивилизациям, конфессиям, причем не только на внешних, ознакомительно-туристических уровнях, но и в практике живого повседневного общения. Этот диалог каждого с каждым требует элементарного понимания инакости, особенностей поведения людей другой культуры, высвечивая то, на что в рамках своей культуры внимания не обращаешь, где многое доведено до автоматизма реакций и стереотипного поведения в повторяющихся ситуациях.

Иными словами, речь идет о взаимодействии, взаимопонимании, терпимости друг к другу членов локальных этнических, культурных сообществ. Процессы глобализации подталкивают локальные сообщества к общению, противостоянию, взаимодействию.

В процессе этого взаимодействия наметилась тенденция к формированию единой протоцивилизации модерности, когда институты и в некоторой мере ценности западного мира становятся референтными для значительной части незападного человечества. Мы являемся свидетелями и участниками глобализации, когда частное, локальное во многом начинает уходить на периферию истории, играет компенсаторную, дополнительную роль. Этот процесс вызывает самые серьезные напряжения в обществе, трансформирует внутреннюю и внешнюю политику различных государств. В то же время, процессы глобализации являются силовыми обручами, скрепами планетарной общности людей, человечества как целого, когда любое значимое событие в любой точке Земли становится достоянием единого информационного пространства, предполагая если не реакцию, то хотя бы формирование определенного общественного мнения.

Западная цивилизация модерности является локомотивом мирового развития, ускорения социокультурной динамики в планетарном масштабе. Господство модернистской парадигмы, предполагающей ускоряющуюся турбулентную гонку капитализма, при которой скорость изменений достигает некоторой критической отметки, в том числе и в отношении адаптационных возможностей человеческой психики. Медицинская статистика сообщает о значительном росте психиатрических, психосоматических заболеваний, свидетельствующих о том, что человек просто не успевает адаптироваться к потоку социокультурных изменений, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер.

Вещный, предметный мир постепенно теряет свою определенность, длительность существования, ускоряется изменение моды, практически каждый год обновляется модельный ряд технических устройств, используемых человеком. Неким идеалом стала одноразовая вещь, которую после однократного или крайне непродолжительного использования во имя дальнейшего развития экономики можно и даже нужно просто выбросить. Перманентный экономический рост требует для своего поддержания все большего количества ресурсов, многие из которых являются невозполнимыми, приводит к загрязнению окружающей среды. Климатические изменения также во многом являются следствием постоянного роста производства и потребления.

Модели, в которых рассматривается развитие этих тенденций в течение ближайшего столетия, наглядно свидетельствуют о том, что данная система не может устойчиво развиваться в течение сколько-нибудь длительного времени. Вступают в действие ресурсные, экологические, социальные ограничения, происходит общее истощение, деградация природных систем, и, как следствие, под вопрос ставится не только достигнутый качественный уровень жизни, но и физическое выживание значительной части человечества. Экологи, антиглобалисты предлагают в связи с этим пойти на замедление темпов роста, перейти от экспансии, расширенного воспроизводства человечества к простому воспроизводству, сбалансированному с возможностями природной среды. Эти взгляды во многом близки традиционным воззрениям, господствующим в более традиционных, незападных цивилизациях, которые предполагают более гармоничное сосуществование человека и природной среды.

В наступившем столетии человечество оказалось перед сложным и крайне важным по своим последствиям выбором, двумя путями развития. Первый путь предполагает дальнейшее ускорение экономического развития, социокультурной динамики, что в среднесрочной перспективе ведет к катастрофическим последствиям для биосферы планеты, в том числе и для существования человечества. Отсутствие гармонии, то есть во многом «самоедский» характер западной цивилизации может привести к серьезнейшему системному кризису человечества.

Второй путь предполагает переход к более статичному состоянию социума, которое характеризуется не только использованием новых, ресурсосберегающих технологий, а предполагает замедление всех присущих человечеству форм динамики, уход от идеологии прогресса.

Эти пути развития отнюдь не являются конфликтом «хорошего с лучшим», столь характерным для художественного метода социалистического реализма, оставляя мало места для исторического оптимизма. При рассмотрении биоценоза, ресурсного потенциала планеты Земля в целом, как закрытой системы, оба пути представляют собой дилемму.

Критическая ситуация выбора усугубляется и радикальными демографическими изменениями. Согласно прогнозам демографов, рассматривавших потенциал роста человечества по отдельным регионам и в целом по планете Земля, численность населения должна достичь исторического максимума к концу нашего в., после чего начнется длительный исторический процесс депопуляции человечества. Рост народонаселения в течение всего этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран с их более низким уровнем доходов на душу населения, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины, то есть развивающиеся страны в течение некоторого времени будут продолжать следовать своим социокультурным традициям. В более северных регионах Земного шара уже сегодня превалирует и в течение этого столетия окончательно утвердится совершенно иная модель человеческого воспроизводства, предполагающая нуклеарную семью с одним ребенком, что не обеспечивает простого количественного воспроизводства населения.

Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север – Юг, а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угроза растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного, менее динамичного незападного большинства.

В наступившем XXI в. незападные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достигательную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить всего, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной, модернистской жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта.

Жизнью в меняющемся, все более «неевропейском» глобализующемся мире и объясняется необходимость постоянного, целенаправленного культивирования толерантности на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Речь идет, прежде всего, об основах толерантности, того главного, без чего невозможно достижение понимания и сколь-либо продуктивного диалога между представителями разных культур, цивилизаций, конфессий.

И толерантность нужна, прежде всего, европейцам, людям белой расы вообще. Пройдет совсем немного времени, и европейское, «фаустовское» человечество растворится в иных народах, расах, культурах. Прямое противостояние, априорное отторжение социокультурной инакости здесь губительно – проигранная война означает стратегические поражения, невозможность передать новому «незападному» человечеству высокой культуры, наработанной в рамках исторически длительной европейской культурной традиции.

Открытость европейцев процессам глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неофитов Запада, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наиболее вестернизированная часть незападного мира становится шансом для западной цивилизации в процессе сохранения культурной преемственности при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества.

Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается великая историческая миссия глобализации.

В. И. Красиков

*доктор философских наук, профессор
Кемеровский государственный университет*

ТЕРПИМОСТЬ, НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ⁹

Название статьи вроде бы делает излишним ее чтение: все и так ясно – в условиях того формата, который «по умолчанию» сложился в господствующей, демонстративно-показной гуманистической традиции. Первое – хорошо, второе – плохо. Меньше первого – больше второго. Все довольны, водят хороводы и поют дифирамбы гуманизму и либерализму.

Меж тем, существуют не до конца проясненные обстоятельства, которые задают иной ракурс рассмотрения этих понятий. Во-первых, не совсем прозрачна их подразумеваемая взаимная обусловленность. Во-вторых, что еще важнее, ведущей, субстанциональной стороной в паре «терпимость–насилие» является все же «насилие». «Терпимость» – отражение исторического уровня сдерживания негативных человеческих чувств и насилия, уровня и форм признания противоборствующими сторонами друг друга, она – пассивное следствие. В-третьих, позитивные функции насилия более антропологически ценны, нежели позитивные функции терпимости – однако обратное все же неверно: негативные функции насилия опаснее, нежели негативные функции терпимости.

«Толерантность» – категория, «изобретенная» относительно недавно [1] для обозначения некоего качественного (морально-правового) критерия, выработанного для «измерения» исторических и социальных уровней взаимной терпимости (признания и приятия) людей. Более того, «толерантность» – это специфическое новообразование, идеологический конструкт более XX в., выражающий и легитимирующий рессентимент и социальный реванш прежде маргинальных групп.

Так или иначе, но базовым понятием, раскрывающим содержательный объем новообразования «толерантности» продолжает оставаться древнее, можно сказать «архетипическое» слово «терпимость». Соответственно, именно его смыслы должны быть соотнесены с понятием «насилие».

Сразу бросается в глаза общая *реактивность* этих смыслов. С одной стороны, это единый комплекс волевых, эмоциональных и когнитивных реакций, разных аспектов личностного осознания и противостояния насилию как таковому, с другой – отчасти различающиеся реакции, зависящие от субъективной оценки испытываемого насилия.

Итак, какие же смыслы-реакции образуют терпимость как единый комплекс *сдерживания негативного, его позитивизации, умиротворения*, идущего как извне (насилие, стеснение), так и изнутри (негодование, враждебность, ненависть)?

— Терпимость есть:

⁹ Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РФФИ проект № 07-06-00067-а

- Претерпевание, внутреннее страдательное психическое состояние, когда человек «выносит», «переносит», «сносит» что-либо или же кого-либо, «нуждается» в чем-либо, ком-либо, «страдает» от чего-либо, кого-либо. Это реакция «как это плохо»: «терпя и камень треснет», «дотерпелись донельзя», «истерпелись мы – не стало терпения», а тюрьма, острог звались ранее как «терпиха» [2].

- Сносливость, внутренний контроль, собранность или организация противостояния, когда человек «крепится», «держится», «стоит, не изнемогая». Это реакция «как это сносить»: «час терпеть, век жить», «в терпении является сила и величие духа».

- Кротость, внутренний источник силы, опоры, позволяющей нейтрализовать, гасить давящую извне силу (насилие), когда человек «ожидает», «выжидает» чего-то лучшего, «надеется», «становится кротким», «смиряется». Это то, «что дает силы сносить»: «терпеть не беда, было бы чего ожидать», «оттерпимся и мы в люди выйдем», «терпя, в люди выходят».

- Терпеливость, внутреннее принятие, собственно позитивизация части внешнего насилия, субъекты которого признаются или предвидятся в качестве необходимого, когда человек «снисходит», «допускает», «послабляет», «потакает», «приноравливает», «дает поведку». Это реакция узнавания и приноравливания к стеснениям, сознательного дозволения, мазохистского потворства им: «От кого терплю, кого больше люблю», «стерпится, слюбится», «доколе терплю вам» (Мтф.)

- Терпение как рациональная и когнитивная позиция, итог и опытов страдания, и организации противостояния, и надежд, и принятие, когда человек уже «не спешит» (не бежит от напастей), «не торопит» (не опережает события), «не гонит», «сноравливает» [3]. Это уже не реакция, а именно позиция «метафизического обзора»: «терпение исподволь свое возьмет», «Бог долго терпит, да больно бьет», «обтерпишься, и в аду ничего!»

Опыт терпимости есть *опыт протеста (против), принятия и признания насилия*:

- протестуя (вопия) посредством страдательных реакций претерпевания, терпимость квалифицирует насилие – «как таковое» либо известную субъективно неприемлемую его часть – как «незаслуженное» и «несправедливое»;

- стойко принимая насилие через реакции сносливости и терпеливости, терпимость квалифицирует некоторые формы как «дальнего» (государство, корпоративные интересы), так и «ближнего» насилия (семья, друзья, соседи, начальники и сослуживцы) – как «легитимные», «легальные», «ожидаемые» (привычные);

- результирующе признавая принуждение, стеснение свободы в итоге опыта их переживания и рационализации, насилие, в конце концов, квалифицируется как «метафизически неизбежное», правила игры этого мира.

Из этого следует другая интересная особенность терпимости – ее *амбивалентность* и *избирательность*. К одному насилию человек *становится толерантен*, допускает его, сносит его, принимает и признает в качестве «своего» (от ближнего круга родственников, друзей и любимых) либо «нашего» (воспитание, нормирование общества). Другое (сверх нормы или же «чужое») насилие терпится с вызовом, отторжением, с угрозой сопротивления и попытками ответного устрашения. Оно не гуманизуется, не «утепляется» (не позитивизируется) оппортунистическими настроениями потакания.

Само наличие отмеченных смысловых глубин терпимости – лучшее свидетельство его исторической *диверсификации* со стороны различных сфер культуры. Хотя терпимость – целостный комплекс реакций и позиций, все же бросается в глаза явная связь ее разных аспектов с разными доменами культуры, которые культивировали в терпимости то, что было необходимо им.

– Претерпевание – важное качество «человека социального», особенно в традиционных, «пирамидальных» по своей структуре обществах, бывших во многом настоящей «терпихой» для среднего индивида.

– Тенденции персонализации как исторического процесса становления личности – суверенного и самодостаточного душевного образования – культивировали сносливость, искусство необходимой самоорганизации для нейтрализации насильственных интервенций со стороны природного и социального окружения: невозмутимость, спокойствие, выдержку и равнодушие (апатию и атараксию).

– Главным условием возможности морали является потакание, толерантность ближнему своему – как в своей «сильной» форме (долг), так и в ослабленной форме «золотого правила»: относиться к другим (имплицитно всегда – «своим») так, как хочешь, чтобы они относились к тебе или современное вульгаризованное «ты мне, я тебе». Без взаимных послаблений и снисхождений была бы просто невозможна семейная жизнь, родственные и дружеские отношения, цементирующие общественную жизнь.

– Религия, в ее классических выражениях – ригористическая этика и социальная авторитарность, культивировала кротость, смирение, подчинение в уповании на невидимое. Великие «субъекты кротости» констатировали, каждый по-своему, «нищих духом» как соль земли, абсолютное подчинение, «непротивление злу насилием» и пр.

– Наконец, пессимистическая философия, объединяя сносливость, кротость и терпеливость, отчасти, придумала сама, отчасти, экстрагировала из житейской мудрости «сноравливания» к насилию разнообразящиеся общепримириательные и успокаивающие формулы метафизического терпения: «жизнь есть страдание», «свобода – познанная необходимость», а человек – «мыслящий тростник», глубоко сам в себе носящий зло как некую инфекцию.

Соответственно, культура терпимости зависит в истории от политического и идеологического формата общества и развития соответствующих его сфер: морали, религии и философии.

В отличие от «насилия» [4], относительно парная категория «терпимости» – «нетерпимость». Почему «относительно»? Потому, что это лимит терпимости. Базовым понятием остается «терпимость». Ведь «нетерпимость» – «невозможность терпеть, позволять, сносить *далее*» (курсив мой. – В. К.) [5].

Можно сказать, что нетерпимость имеет три смысла в отношении терпимости:

- это ее лимит, «нельзя *далее*»;
- отсутствие сноровки, человек еще не научился себя сдерживать;
- органическое душевное повреждение, когда человек по темпераменту, исходному асоциальному воспитанию имеет исчезающе малый запас терпения, очень короткий «поводок сдерживания».

Нетерпимость, таким образом, это во многом неразвитое, «непросвещенное» душевное состояние, оно производно от терпимости. Следует, вместе с тем, помнить, что слово «нетерпимость» используется и в других смысловых контекстах, помимо связки с терпимостью, но тогда оно дрейфует по своему смыслу к «неприязни», «ненависти», «враждебности», «отторжению», а это уже активные эмоции, вызывающие агрессию и насилие. В подобных контекстах нетерпимость есть негативная эмоция – в условиях либо отсутствия опыта терпимости, либо его принципиальной невозможности в силу радикально различного характера образующих человека душевных или культурных формаций.

Историко-антропологические корни «терпимости» находимы в эмоциональной привязанности, доверии детей к матери и другим близким родственникам, составлявшим «род», «клан», «общину» и т. п., которые компенсировались яростной ксенофобией в отношении неродственников. Затем эти чувства доверия, приятия, признания распространялись на представителей более крупных социальных образований: «соплеменник», «соотечественник», «единоверец», наконец, «человек». Вместе с тем, переход от «сородича» к «соплеменнику», не говоря уже об остальных категориях, не мог не сопровождаться, осложняться возрастанием нетерпимости (настороженности, недоверия, неприязни, непонимания) в отношении других племен, отечеств, вер, разумных рас.

Человеческая натура исходно была так отформатирована, что потенциал эмпатии у нас всегда как-то лимитирован, и «на всех» ее попросту не хватает. Человек исторически, то есть в течение основной доли своего присутствия на планете, находился в небольших общностях постоянно контактирующих между собой индивидов (от 20–30 до нескольких сотен) [6] и в среднем имеет предел возможных контактов, после чего обычно начинались стресс и отторжение. И лишь в последние 3–4 столетия происходит настоящая эскалация эмпатии при помощи космополитических идеологий (либерализма, коммунизма), мировой журналистики, телевидения и литературы, которые овнешняют миры людей других культур, делая их более прозрачными и понятными.

Терпимость – защитный пояс против насилия и его «нейтрализатор», то, что, в конечном счете, производно от насилия. Что такое насилие?

В общем смысле насилие понимается двояко. Широкий подход включает в насилие любую демонстрацию силы для оказания стесняющего влияния на других живых существ. Узкий подход интерпретирует насилие только лишь как непосредственное причинение какого-либо вреда живым существам. Полагаю, что уместны оба этих подхода – однако, в применении к двум разным сферам рассмотрения мира.

Узкий подход хорошо характеризует агрессию и насилие в мире живого до человека, точнее, до высокоорганизованных (интеллектуальных) социализированных животных и гоминид. Широкий подход с его явственными аксиологическими рамками, связывающими насилие с любой формой принуждения, стеснения свободы, что предполагает ее осознанность, уместен по отношению к миру культуры и человека.

Нижний предел фиксации агрессии и насилия – это, по всей видимости, появление живого на микроскопическом уровне. Так, эволюционные психологи [7] утверждают, что начало нашего углеводородно-белкового «ствола» жизни ДНК, связано с «первородным» глобальным актом насилия, который произошел в районе 1800 млн лет назад.

Агрессия и насилие вообще симбиотичны, и насилие выступает фазой эскалации агрессии. В мире относительно простых форм живого насилие выступает в формах непосредственного причинения вреда – в основном физического, хотя и здесь уже присутствуют формы психического принуждения и ритуализации угроз.

Новое качество человеческой агрессивности связано с новой стадией эволюции интеллекта – появлением и развитием способности приписывания психических состояний другим субъектам (теория ума Другого). Эта способность, как отмечают нейрофизиологи [8], полностью отсутствует у низших приматов и наблюдается в зачаточном виде у шимпанзе в неволе, однако развивается у младенцев.

Эмпатия, а не собственно какие-то новые логические способности, создает качество человеческого сознания, которое как бы объемлет, заполняет собой свою окружающую среду, очеловечивает ее – *символизирует и этизует*, образуя культуру, мир человека. Это стороны одного целого: символизация мира означает вменение ему смыслов (ради чего, почему), которых он заведомо не содержит, а смыслы тут же внутренне условно ранжируются или этизуются: добро-зло, справедливость-несправедливость, красота-безобразие, порядок-хаос и пр.). Фундаментальная предрасположенность человеческого мозга к моральным суждениям коренится, таким образом, в его способности создавать психические структуры, участвующие в оценке «себя как другого» и «другого как себя».

Именно подобное качество человеческого сознания создает неустранимую этизацию его поведения, а человеческий гедонизм и инстинкт самосохранения, самоутверждения обретают соответствующую этическую форму выражения в виде «стремления к свободе». Это видовая «психология-идеология», которая форматирует человеческую агрессивность отличным от животной образом. Поэтому если в определениях биологической агрессии лейтмотивом является «причинение вреда другому живому существу» для реализации собственных коренных интересов, то в определениях человеческой агрессии доминируют этические мотивы: «злонамеренное причинение», «ограничение свободы других» и т. п.

У понятия «насилие» отсутствует категориальная пара, как у «терпимости», что свидетельствует о принципиально активистском основании «агрессии-насилия», его онтологическом «стержне», субстанциальном образующем ось бытия живого как такового – воли к самоутверждению в сущем. В человеке земная жизнь имеет пока наиболее совершенную и яркую инкарнацию воли к самоутверждению и ее последнюю, интеллектуалистско-ценностную аранжировку в виде воли к приоритету.

Как бы мы ни хотели «оприличить» и гуманизовать человека, делая его любвеобильным-наихристианнейшим, либерально-наидобрейшим существом, его субстанциальная сущность (живого, жизни), вполне, кстати, нейтральная, – жить, чтобы жить, и «ничего личного», – агрессивное самоутверждение [9]. Человек смог стать доминантом на планете потому, что превзошел остальных в этом основополагающем качестве – насилии. Непосредственные же историко-антропологические корни насилия – врожденные особенности мужчин, особенно молодых мужчин от 15–25 лет, в виде склонностей к жесткому соперничеству, доминированию и созданию иерархий, самцовые структуры = социальные структуры.

Итак, человек (по умолчанию – мужчина) – существо дисциплины, создает социальный порядок и индивидуальный порядок в своей душе, систематически применяя насилие к другим людям и к себе. Более, конечно, к другим, ибо по отношению к себе применяют насилие немногие, способные выйти за рамки своего статуса «объекта социального форматирования» и посредством самонасилия попытаться превратиться в субъекта собственной душевности (самоформатирования).

Субстанциальность насилия в общественной жизни не следует понимать упрощенно – сама терпимость не только следствие, но и *сторона насилия*. К примеру, когда человек совершает акты насилия над своей потребностно-похотливой натурой, распущенностью, безответственностью, ленью – он является одновременно и героическим субъектом претерпевания, теряя возможность бездумных удовольствий и комфорта.

Субстанциальность насилия в истории людей выражается в том, что:

- оно является формой качественных изменений, переходов, смены эпох в виде крупномасштабных форм: войн, революций, конфликтов и бедствий;
- оно «самоорганизуется»: рационализируется, символизируется посредством формирующейся монополии на него со стороны государства, религии, морали и общественного мнения – оставаясь основой последних;
- оно интериоризуется, переходя из внешнего плана по отношению к отдельному человеку в его внутренний план совести и сонма культурных запретов, создавая все более мощные редуты терпимости.

Насилие как общественно-организованное принуждение делает природного человека именно «социальным, культурным существом». Увы, лишь единицы способны на аскетизм, самоконтроль и внутреннее идеалистическое развитие. Большинству же всегда нужна железная узда насилия: для буйных – уголовное и прочее право, для более кротких – вполне достаточны оказываются интериоризации норм морали и религии. Это насилие, так сказать, «полезное» и необходимое – как для социального целого, так и для целей формирования индивидуальной самосознательной душевности.

Общественно-организованное психическое принуждение, на чем, собственно, и базируется любое сообщество, предстает в виде «безличных резервуаров внешней воспитывающей воли, то скрывающихся за неуловимым обликом «приличия» и «такта», то проявляющихся в потоке «распоряжений» и «законов», то поддерживаемых простым и безличным «осуждением», то скрепляемых действием целой системы организованных учреждений [10]. Соответственно, в понимании насилия на первый план выходит «благое самозаставление» и «пресечение». «Закон» и «норма» здесь – формулы зрелого правосознания, закреплённые мыслью, выдвинутые волей, идущие на помощь незрелому, но воспитывающему себя правосознанию. Физическое воздействие здесь – крайняя стадия

заставляющего принуждения, задача последнего – пресечение душевного механизма ненависти и вражды, стремящегося вырваться наружу и закрепить себя в непоправимых поступках.

Таким образом, «плохим» оказывается, так сказать, «дикое» – незаконное, несправедливое, незаслуженное, нелегитимное, нелегальное насилие или насилие, чьи характеристики начинаются с приставкой «не-». Но вот кто, как и в чьих интересах определяет границы и масштабы этого «не-»? Вряд ли кто будет оспаривать утверждение о том, что определяют эти границы господствующие в это время и в этом обществе философско-антропологические и морально-религиозные представления. В отношении западной культуры, к которой с известными оговорками относится и Россия, микрокосм идеологических оценок насилия и терпимости образуем двумя полюсами дискуссионного напряжения.

Первый – христианская мораль кротости и либеральная просвещенческая идеология «доброго человека». Все люди равноценны, свободны от рождения, обладают в принципе одинаковыми природными (волевыми, интеллектуальными и пр.) ресурсами, каждый из нас «венец творения» по умолчанию. Будем иметь в душе Бога, создадим возможно более выдержанное социальное равенство и взаимную терпимость – и социальное зло, сиречь насилие, исчезнет.

Второй подход наиболее ярко воплотил Ф. Ницше, сделав радикально-антропологические и этические выводы из современной ему теории эволюции. Жизнь есть воля к власти, ее наиболее зримое воплощение. Активистские начала распределены всегда неравномерно – как среди живого, так и среди людей. Агрессивность, борьба выявляют сильнейшее и лучшее – на всех поприщах, в том числе и в социальной жизни. Христианство и буржуазная мораль (гуманизм Просвещения) культивируют терпимость и слабость, что гасит здоровые жизнеобразующие, «пассионарные» начала в людях, выхолащивают витальную основу цивилизации и ответственны за современное торжество серости, пошлости, посредственности «века масс». Потому-то и нужна переоценка всех ценностей, антропологическая революция.

Действительно, если не принимать ницшеанскую страсть к солдафонству, антисемитизму и совсем уж огульной критике христианства (все то, что он почти уже преодолел в своей последней перед помрачением сознания «Воле к власти»), то его позиция онтологической оценки человеческой природы и развития в формате «волюнтаристского» устройства вселенной вновь актуальна в свете современного приращения знаний в социобиологии и эволюционной психологии. Конечно, ему явно не хватало терпимости, прежде всего к «массе», но, может быть, сейчас *нужно именно ограничение терпимости*, а не насилия, которое провоцируемо именно современным режимом сознательного попустительства и расцветает в каких-то социально-неестественных злокачественных образованиях.

Здоровая социальная терпимость перерождается в искусственно-идеологизированную терпимость или же «толерантность», так называемую «политкорректность». Субъектами этой новой терпимости выступают прежде преследуемые либо социально уязвленные социальные группы, их радикально-идеологический авангард, выдвинувшиеся и самоутверждающиеся во второй половине XX в.: феминизм, сексуальные меньшинства, борцы за права рас и животных.

Собственно, в этом не было ничего плохого, если их борьба не начинает вызывать явления социальной лживости и двойных стандартов. Лишь два примера:

– Известный социальный мыслитель Ф. Фукуяма указывает [11], что какая-то разумная открытая дискуссия по вопросу о генетической подоплеке преступлений в США попросту невозможна. Причина в том, что, поскольку афроамериканцы занимают непропорционально большую часть в криминальном населении США, любое предположение, будто существует генетический компонент, будет воспринято как утверждение, что чернокожие генетически более предрасположены к преступлению. Такие же вопросы

рождает и информация о компоненте кавказцев в криминальном населении России – и мы получаем запрет на указание национальности в средствах массовой информации при освещении преступности.

– Последние кинопремии, а также гранты на исследования вручают непременно за известные «политкорректные» темы: мониторинг прав человека, трудности «голубой любви», борьба мусульманских женщин, зверства сербов и притеснения евреев.

Может быть, этот «перехлест» временен и связан с естественной, преходящей фазой радикализации, которая вполне обычна для процесса легализации новых социальных групп, ранее занимавших аутсайдерские позиции, и затем наступит «нормализация». Вполне возможно, но так или иначе, современная «толерантность» рождает систему новой социальной лжи, умолчаний, подразумеваний, и эта ложь провоцирует социальное напряжение, всегда разрешающееся в насильственных формах.

Не впадая в алармизм, нелишне вновь напомнить об опасности воинственности «нищих духом», первый раз захватившими бастионы культуры во времена поздней Римской империи в атмосфере всеобщего безразличия, попустительства (древней толерантности), когда критика философов (стоиков, неоплатоников) была воспринята как «нетерпимость». Второй раз это произошло в последние два столетия. Все началось с сентиментализма, жалости к бедным людям, долга перед народом, внимания к маленькому человечку, а этот маленький человечек стал большим хамом, готовым выгнать хозяев из их дома.

Потому умозаключим: контроль, прежде всего, культурный, ментальный, нужен не только над насилием, но и над толерантностью, современной идеологизированной формой терпимости.

Литература

1. Ее нет в отечественной философско-справочной литературе советского времени – в «Философской энциклопедии» и «Философском энциклопедическом словаре», что вполне понятно, как, впрочем, не нашлось ей места и в «Новейшем философском словаре» (Минск, 1999) и «Всемирной энциклопедии. Философия» (М., Минск, 2001) и переводном «Большом толковом социологическом словаре» (М.: Collins, 1999). «Большой энциклопедический словарь» (М., 1998. – С. 1208) и «Современный словарь иностранных слов» (М., 1993. – С. 610) дают идентичную информацию о преимущественно медико-биологическом употреблении этого слова, и лишь третий смысл слова «толерантность» коррелирует со словом «терпимость».
2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 4. – С. 401–402.
3. Имеет уже апробированные заготовки-реакции, ключи-отмычки для типических проблем.
4. Конструкция «ненасилия» есть идеологизированная форма терпимости, толерантность к насилию (в смысле неспособности бороться, один из медико-биологических смыслов толерантности) как уже сформированная душевно-органическая неспособность социально адекватно отвечать на него. Насилию, по сути, нет «парной диалектической» категории.
5. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 2. – С. 539.
6. Городские поселения и цивилизации начинаются от 7–10 тыс. лет назад, да и то долгое время лишь для небольших, наиболее плодородных анклавов Земли. Вплоть до Нового времени планета оставалась сельской для большинства ее обитателей.
7. **Палмер Д. и А. Эволюционная психология.** <http://ethology.ru/persons/?id=33> До того времени жизнь на планете представляли два рода живого. Первый – это анаэробные бактерии, бывшие старожилками Земли, чьей средой обитания было отсутствие кислорода (облигатные или строгие), либо незначительное его присутствие (факультативные). До сих пор они присутствуют в почве, воде, донных отложениях. Тогда же, на заре времен, они были основной формой жизни. Стратегическая ситуация жизни, однако, в течение сотен миллионов лет существенно менялась в результате постепенного насыщения земной атмосферы кислородом как следствия жизнедеятельности появившихся позднее второго рода живого, «врагов» анаэробов – фотосинтезных бактерий. Чтобы спастись от ядовитого для них кислорода, анаэ-

- робы трансформировались в эукариотов (клетки с ядерной мембраной), породив основу для современной жизни. Они решили проблему с кислородом, не изменившись физиологически сами, поглотив, включив в себя, «пленив», или говоря более изящно, «вступив в симбиотические отношения» со значительно более мелкими бактериями, у которых уже существовали биохимические механизмы метаболизма кислорода. От этих, утилизирующих кислород бактерий, произошли митохондрии, которые обитают в наших клетках. Митохондрии сохранили независимость размножения – от вмещающих их клеток, несмотря на 1800 млн лет совместной эволюции. Функция этих органелл – функция «обслуживания», но и хозяин не способен жить без них. Таким образом, у истоков эволюции царства животных мы видим захват-поглощение – спустя всего лишь полмиллиарда лет после того появились первые многоклеточные организмы (около 1 мм). Такой же симбиоз-насилие, но в виде удачного «пиратского рейда» по захвату «корабля», образовал и другое великое царство жизни – царство растений. Здесь фотосинтезные бактерии внедрились в более крупные клетки, став предками хлоропластов современных растений и определив их образ жизни.
8. Шанже Ж. -П. Взгляд нейрофизиолога на основания этики. Нейрофизиологические основы этического поведения. Лекция, прочитанная в Центре биоэтики Университета Торонто // ж. «Человек». – 1999 – № 5–6.
 9. «Агрессивное» – не от хороших условий. Жизнь – сама есть постоянно длящийся стресс от давления стесняющих (насильственных) природных условий, ограниченности пригодных ресурсов и мест обитания. Выживи, в конкуренции с другими видами и собственными сородичами, передай дальше свои гены – или умри.
 10. Ильин И. А. О заставлении и насилии <http://www.philosophy.ru/library/il/01/00.html>
 11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb.htm>

А. А. Хамидов

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан*

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕГО ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Последние два десятилетия весьма заметно повышенное внимание к теме и (или) проблеме *толерантности*. Подчас в ней усматривают едва ли не панацею от негативных феноменов, захлестнувших вторую половину XX и начало XXI столетий, – от межэтнических, межнациональных, межконфессиональных и иных розней, конфронтаций, конфликтов. Но так ли надежна она – толерантность? Вот об этом и пойдет у нас речь.

Толерантность (от латинского *tolerantia*, что значит *терпимость*) есть принцип, максима и императив внешне не-агрессивного, не-нетерпимого отношения индивида, группы, этноса, нации, конфессии и т. д. ко всему инаковому – к иным воззрениям, ценностям, обычаям, вероисповеданиям и т. д., – как бы оно ни не согласовывалось со своими собственными, принятыми за правильные, ориентирами, ценностями и т. д. Но принципы, максимы и императивы соответствуют собственному понятию, лишь будучи претворяемые в действительных поступках, поведении, действиях, отношениях. Рассмотрим в этой связи главные типы отношений и их внутреннюю логику.

Как известно, М. М. Бахтин выделил три типа отношений: 1) объект-объектные, 2) субъект-объектные и 3) субъект-субъектные [1]. Он предложил для их обозначения понятия-метафоры (соответственно) «монологические отношения» (для первых двух) и «диалогические отношения» (для третьего типа). Первый тип – если только строго следовать сути дела – не является типом отношений, ибо сферой и границами его

действия является Природа, в которой царит *взаимо-*действие. Взаимодействие есть взаимное воздействие друг на друга конечных, и потому замкнутых на себя, формообразований. Следует отметить, что квалификация отношений как объект-объектных возможна и допустима лишь при условии наличия *субъекта*, который только и может квалифицировать данное отношение именно как объект-объектное. Без него и вне его это – просто взаимодействие конечных формообразований (вещей).

В строго категориальном смысле взаимодействие, как сказано, существует лишь в мире конечных формообразований, то есть в мире Природы. Здесь каждое конечное формообразование, какого бы уровня сложности или развитости (если речь идет о живом) оно ни было, воздействует на другое в своих собственных конечных определениях и в них же испытывает всякое воздействие на него. В силу этого ни одному конечному формообразованию *недоступно* любое вступившее с ним во взаимодействие конечное формообразование таким, каково оно в себе и для себя, в своей собственной качественной, количественной и мерной определенностях, а тем более в определениях своей сущности и имманентной логики бытийствования.

Применительно к культуре можно говорить, конечно, уже не об объект-объектных отношениях, а о том, что в качестве модели отношения между людьми и культурами может избираться и практиковаться *взаимо-*действие. Отношения между ними являются *социал-атомистическими* отношениями, притом закрытого типа. Такие отношения вполне естественны и потому оправданны для той стадии культурно-исторического процесса, которая представляет собой несгармонизированное существование и сосуществование многообразных локальных этнокультурных образований, то есть они вполне релевантны лишь на самых начальных стадиях антропо-социо-культурно-генеза, когда еще не сформировалась этнокультурная самоидентификация. Когда же последняя уже сформировалась и стала атрибутивной этническому самосознанию, тогда устанавливается взаимодействие по логике субъект-объектных отношений. Именно данное взаимодействие заслуживает наименования *монологического*. Монологизм как принцип отношения одного этнокультурного образования к другому или одного индивида к другому заключается в обнаружении и действенном осуществлении каждым (или одним из них) собственной закрытости, *своецентризма* и *своемерия*, *самоутверждения* и отрицания за другим каких-либо самостоятельных, имеющих право быть атрибутами. Но при этом следует учитывать, что монологизм, монологическое взаимодействие между культурами или индивидами может быть: 1) пассивно-пассивным, 2) активно-пассивным, 3) активно-активным, которое, в свою очередь, бывает: а) лояльным, мирным и б) агрессивным, в том числе и милитарным.

Более высоким уровнем соприкосновения культур или индивидов является *взаимоотношение*. Оно соответствует логике субъект-субъектных отношений. Понятием-метафорой для него у М. М. Бахтина, как отмечено, является «диалогическое отношение». При этом он считал диалогическое отношение *высшей* формой взаимоотношения людей и культур. Что это не так, будет показано ниже. Само диалогическое отношение, снимающее собою и внутри себя монологическое отношение, существует в *двух* типах. Характеристики этих типов можно обнаружить и в работах М. М. Бахтина (но, судя по всему, сам он их для себя не различал). Первый тип характеризуется тем, что в пределах диалогического отношения другая культура или другой человек принимаются не столько как самоценные в себе и для себя, сколько как необходимое (и даже неизбежное) *средство* собственного *самопостижения*. Целью, точнее самоцелью, здесь выступает каждая из культур или каждый из индивидов для самих себя. Из такого диалогического отношения каждая культура выходит фактически *той же самой*. Культуры здесь взаимно *не* развивают и тем более *не* совершенствуют содержательно друг друга. Единственным приращением к каждой является лишь более глубокое самопознание их, познание каждой прежде всего – себя.

Второй тип диалогического взаимоотношения культур качественно отличен от первого. В пределах данного типа диалогического отношения культуры уже не относятся друг к другу как к всего лишь средству (хотя бы и только средству самопознания). В то же время каждая из культур остается для себя *самоцельной*, а потому она стремится взаимодействовать у другой культуры *лишь то*, что, будучи ассимилировано внутри нее, ведет лишь к *ее* развитию, то есть лишь то, что *ей* приемлемо, и отворачивается от всего того, что может нарушить *ее* самоидентичность. Это – тоже *прагматическое* отношение. Следовательно, в пределах данного типа диалога культуры взаимно развиваются, осуществляют трансцендирование, но это – трансцендирование лишь в *горизонтальной* плоскости.

Но взаимоотношение культур не сводится к диалогическому отношению как таковому. Выше и монологизма, и диалогизма обоих типов может быть лишь *полифонизм*, полифоническое отношение. Следует отметить, что М. М. Бахтин также применял понятие-метафору «полифония», противопоставляя его «гомофонии». Попутно отметим, что и у М. М. Бахтина, и у Г. С. Батищева встречается словосочетание «полифонический диалог». По нашему мнению, это даже не плеоназм; это – неточность. В пределах полифонического отношения, которое снимает внутри себя ближайшим образом второй из охарактеризованных выше типов диалогического отношения, также осуществляется культурное *само-определение*, но смысл его иной. Это уже не свое-мерное и свое-центристское само-утвержденчество. Здесь каждая из вступивших в полифоническое отношение культура не только стремится развить то, что заложено во всех них, но и совершенствовать *себя* и *друг друга* посредством творческого синтеза достояний и потенций друг друга. Каждая культура не является для себя самоцелью; она проблематизирует *самое себя* не только перед каждой другой, но также и перед неким *выше них* стоящим *идеалом-смыслом*, перед безусловными ценностями Истины, Добра, Красоты, Святости. Здесь, стало быть, совершается трансцендирование также и по ценностно-смысловой *вертикали*. Полифонизм культур (если ограничиться ими) – путь к единой, но, как отмечено в начале данной статьи, отнюдь *не* унифицированной, а *многоликой*, универсально-человеческой, глобальной Культуре. Но культуры как таковые не суть субъекты. Субъектами могут быть и действительно ими являются лишь *люди* – наследники и творцы своих культур. Стало быть, монологизм, диалогизм и полифонизм – это, в первую очередь, способы отношения *между людьми-субъектами*. Но если бросить взгляд на культурно-исторический процесс в его прошлом и настоящем, то легко можно обнаружить, что в нем преобладали и продолжают преобладать две формы соприкосновения культур (мы в данном случае абстрагируемся от различия культуры и цивилизации): 1) монологически-плюралистическое *взаимо-действие* и 2) диалогически-прагматическое *конечное* взаимоотношение.

Обратимся теперь на отношения между конфессионализованными религиями в свете только что изложенного. Именно в адрес этих отношений сегодня много говорится о необходимости претворения в них принципа толерантности.

Монологизму, конечно же, чужд сам принцип толерантности. Слов нет, логика монологизма, какую бы (мягкую или жесткую, пассивную или же агрессивно-активную) форму он ни принимал, не может быть средством решения проблемы гармонизации отношений между культурами, конфессиями, индивидами. Монологизму, как сказано, присущи экстравертированные свое-центризм, свое-мерие, свое-доминантность, свое-законничество (автономизм) и интенция на само-утвержденчество. Все нынешние ведущие конфессии исповедуют и претворяют именно принцип монологизма. Как очень точно отметил еще в 1842 г. Маркс, «каждая религия полагает, что она отличается от всех остальных – особых, *мнимых* – религий своей *особенной сущностью*, и что именно она в этой своей *определенности* и является *истинной религией*» [2]. Каждая конкретная религия почитает себя *Религией par excellence*. Каждая полагает себя Эталоном и Нормой и измеряет каждую другую *лишь своим собственным* Мерилом. Проблематизации и критике

подвергаются лишь другие конфессии, но никогда не проблематизируются перед лицом других конфессий свои собственные парадигмальные и критериальные основания. Превозносимый ныне *плюрализм* – это и есть сосуществование множества монологизмов.

Спрашивается теперь: возможен ли и необходим ли диалог между конфессиями или хотя бы между мировыми Религиями? *Да*, возможен и даже необходим. Но способен ли он сколько-нибудь радикально решить или хотя бы приблизиться к решению проблемы преодоления религиозных противостояний? Увы, приходится дать *отрицательный* ответ. Почему? Попробуем разобраться.

В религии можно выделить *три* основных уровня: доктринальный, ритуально-культурный и организационный. Очевидно, что по поводу последнего может вестись содержательный диалог, могущий в конечном счете привести к усовершенствованию истеблишмента каждой из конфессий. Труднее, но, видимо, тоже возможно, взаимообогащение конфессий на уровне культа. Однако основным является доктринальный уровень, и, прежде всего, концепта Абсолютного Сверхначала. В теистических конфессиях он понимается как Теос, в нетеистических как нечто принципиально неопределимое (Брахман, как известно, часто именуется как *То*). Но и среди теистических конфессий (в частности, между иудаизмом, христианством и исламом) *нет* единства в вопросе о его сущности, атрибутах и т. д. Так, известный мусульманский теолог М. Н. аль-Атас утверждает: «Существует лишь одна истинная религия Откровения, и называется она ислам, и те, кто следует ее путем, удостоены Божественной похвалы как лучшие из всех представителей человеческого рода» [3]. Религия Откровения, согласно ему, – *высшая* форма религии, но все имевшие место доисламские откровения (данные через Моше-Моисея и Иисуса Христа) – лишь ступени, тогда как откровение, данное через Мухаммада, – якобы последнее, окончательное, а потому самое высшее. Сходные суждения можно найти и у христиан. Так, русские евразийцы писали: «Православие – не одно из многих равноценных христианских исповеданий. [...] Православие – высшее, единственное в своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все – или язычество, или ересь, или раскол» [4]. Любопытно при этом, что к *язычеству* они отнесли и такие мировые религии, как *буддизм и ислам* [5].

«Великие мировые религии, вышедшие когда-то за рамки племен, – пишет Г. С. Померанц, – привели к духовной интеграции огромных регионов, создали каждая целый мир, христианский мир, мир ислама и так далее, но сегодня они играют двойственную роль: сближают – более или менее – народы одного региона, одного традиционного мира; а в глобальных масштабах христианство, ислам, индуизм, буддизм сами стали чем-то вроде новых племен. Мир вышел за рамки древних регионов, мир стал единым, а религиозные культуры остались разными, и они сталкиваются друг с другом в одном информационном пространстве» [6]. Что в таком случае может дать межконфессиональный диалог? Если в ходе и в результате диалогического отношения конфессии, говоря словами Бахтина, «не сливаются и не смешиваются», то, получается, в общем, что каждая выходит из диалога *без* существенных изменений. Диалог в этом случае оказывается *бесперспективным* и даже – в конечном счете – *бессмысленным*.

Конечно, он неизмеримо *предпочтительнее* монологизма; по крайней мере, он лишен агрессивности. Но из диалога своемерных и своецентричных индивидов ли, групп ли, конфессий ли и т. д. может родиться лишь «мотив диалогизма как холодного договора самоутвержденцев об уравнивании прав на самоутверждение...» [7]. Нечто аналогичное ныне и происходит с конфессиями. Их диалог есть, говоря словами Г. С. Батищева, «диалог-договор», гарантирующий им мирное сосуществование и тем самым сохранение *status quo*. Одной из форм проявления такого диалога-договора и является *всячески* превозносимая ныне *толерантность*, то бишь терпимость. Скрытым принципом толерантности являются *все те же* своецентризм, своемерие, своедоминантность: своемер-

ные конфессии просто *терпят* друг друга, будучи каждая глубоко убежденной исключительно в *собственной* правоте и в «явной» неправоте другой (и других). Тем самым принцип толерантности в межконфессиональных отношениях предстает как своеобразный конфессиональный мазохизм. Но главное в том, что он и *не посягает* на принцип плюрализма.

Стало быть, диалогический принцип, примененный к взаимодействию конфессионализованных Религий, и его внешнее оформление – толерантность – *не решает* проблему их взаимного противостояния, а лишь *камуфлирует* ее, загоняя внутрь. Но есть ли нечто более высокое, чем диалогизм, применительно к отношениям между конфессиями? Как уже сказано, есть. Это – *полифонизм*. Именно полифонизм преодолевает как гетерономию, так и автономию, преодолевает всяческий своецентризм, своемерие, своедоминантность и самоутвержденчество. Но и он *сам по себе* мало чему может помочь. Ведь проблема отнюдь не сводится – на доктринальном уровне – лишь к выработке некоей конвенционально сконструированной общеприемлемой религиозной картины Мира. Проблема состоит в том, что к настоящему времени *конфессионально оформленная религиозность* полностью и окончательно себя *исчерпала*. Она стала тормозом, ингибитором религиозного и вообще культурного прогресса.

Возникает вопрос: где же выход? Выход – в кардинальной трансформации способа бытия Человека относительно Абсолюта. Религарная мироотношенческая модальность прошла две ступени эволюционирования – *Связь* и *Отношение* [8]. Связь – до-свободна; Отношение – свободно. И то и другое равно *односторонни*, хотя первая и более подлинна, чем второе. Необходимо переходить на *новый* онтологический уровень – на уровень *Взаимо-Отношения* Человека и Абсолюта. Именно оно заслуживает наименования «глубинное общение», введенного Г. С. Батищевым. Подлинность ВзаимоОтношения обретается не сразу, не вдруг, но на трудном и длительном пути восхождения Человека, но иного – онтологически релевантного – пути у человечества *нет*. Де-конфессионализация всех Религий – первый необходимый шаг на этом пути. Вторым шагом должна стать радикальная трансформация всех структурных уровней Религии на началах гармонического типа связей и отношений [9].

Нынешние же Религии внутри себя построены на основе социал-органических замкнутых связей и отношений, а взаимоотносятся друг с другом – по логике социал-атомистических замкнутых. Перестройка же религиозности на началах гармонических связей и отношений ведет к смене *приоритетов*: подлинным ее субъектом становится не *общность*, но *личность*. Ведь личностная жизнь обладает принципиальной *открытостью*, она лишена всяческого своецентризма, своемерия, своезакония, интенции на самоутверждение. Только между личностными мирами во всей их многоуровневости и многомерности возможно полноценное полифонирование, в процессе которого происходит действительное взаимообогащение этих миров. И здесь какое-то особое культивирование толерантности – излишне: она *в снятом* виде уже содержится в полифонировании. Отсюда следует, что только между Личностями возможно подлинное религиозное (= религарное) полифонирование, возможен подлинный религиозный, как и всякий иной, полифонизм. В этот процесс полифонирования вовлекается личностный религарный опыт каждого, и благодаря этому он обогащается, вновь и вновь ввергаясь в этот процесс. Вследствие этого данный опыт застрахован от всяческой унификации, формализации, канонизации, догматизации и т. д. и тем самым – от омертвления.

Толерантность же есть не более чем *паллиатив*. Принцип и императив толерантности ориентируют на то, чтобы *все* – индивиды, этносы, нации, конфессии и т. д. – оставались *такими же, каковы они суть*, но только лишь чтобы они не проявляли вовне своей внутренней нетерпимости, *нон-толерантности* ко всему инаковому. Чтобы царила, так сказать, «тишь да благодать».

Литература

1. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Он же. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 6. – М., 2002. – С. 397.
2. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 1. – М., 1955. – С. 10.
3. Аль-Аттас М. Н. Сейд. Введение в метафизику ислама. Изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. – М., Куала Лумпур, 2001. – С. 13. Ср.: – С. 12.
4. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 362.
5. См.: Там же. – С. 364–365.
6. Померанц Г. Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах. – М., 1995. – Т. 1. – С. 450.
7. Батищев Г. С. Диалогизм или полифонизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 137.
8. См. об этом: Хамидов А. А. Религия как мироотношенческая модальность // Религия в политике и культуре современного Казахстана. – Астана, 2004.
9. Подробнее см.: Хамидов А. А. Конфессионально оформленная религия как социокультурный фактор // Там же.

А. В. Харламов

*кандидат философских наук, зав. кафедрой связей с общественностью
Новосибирский государственный педагогический университет*

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общеизвестно, что в самом широком смысле слово «*толерантность*» (производное от латинского *tolerantia*, что значит «терпение»), означает терпимость к чужому – поступку или мнению, способность встречать его спокойно и без раздражения. Можно сказать, что в таком «психологическом» понимании, как специфическая черта характера, толерантность – явление крайне редкое. Встретить в повседневной жизни человека, который бы уважал убеждения других и при этом не старался доказать свою исключительную правоту, можно не часто. И механизмы формирования толерантности подобного рода достаточно широко известны. Прежде всего, это воспитание и образование, поскольку чем шире культурный кругозор человека, чем большее культурное разнообразие он встречает в своей жизни и своем познании, тем более вероятным для него будет терпимость к иному, отличному от привычных форм повседневности социокультурному опыту. И наоборот, чем ограниченнее социокультурный опыт отдельного человека, тем сложнее ему понять (а тем более принять) точку зрения другого человека, отличную от его собственной.

Если же обратиться к анализу проблемы толерантности в социокультурном контексте, то становится ясно, что здесь основной проблемой является проблема понимания тех социальных и культурных факторов, которые либо приводят к формированию толерантности в культуре, либо наоборот, ведут к развитию нетерпимости и различных форм экстремизма. В России эта проблема стоит не менее (а может быть отчасти и более) остро, чем в других странах цивилизованного мира. На сегодняшний день, в ситуации быстрых социальных изменений, перемещений религиозных меньшинств, локальных миграций, разного рода межконфессиональных взаимодействий подобная задача стоит очень остро.

В Декларации принципов толерантности, подписанной 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, толерантность определена как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности». Подобное определение масштабно и включает в себя различные виды толерантности: национальную, этническую, расовую, сексуальную, языковую, религиозную, политическую и т. п. Однако если подойти к проблеме исторически, то именно религиозная толерантность является той основой, на которой были сформированы современные представления о толерантности в целом.

Нельзя забывать, что толерантное отношение имеет очень сложную внутреннюю структуру, поскольку при столкновении человека с «чужим» параллельно протекают два противоположных процесса: процесс ассимиляции и процесс самоопределения. «Чужое» позволяет человеку лучше осознать и понять специфику «своего», но оно же способно и подавить, нивелировать, поглотить человека, то есть быть некритично им принято и усвоено. Доведение до крайнего состояния первого процесса способно привести к ксенофобии, шовинизму и выстраиванию индивидом «железного занавеса» (то есть превращению «чужого» в «чуждое»). Противоположная тенденция (будучи доведена до предела) приводит, как правило, к культурной ассимиляции и уничтожению самобытности культуры. Таким образом, толерантность – это своеобразная «золотая середина» в развитии культуры, требующая соблюдения меры во взаимодействии с любой культурной «инаковостью».

В значительной степени вся история человечества является демонстрацией отсутствия толерантности: войны, религиозные преследования, противостояния на идеологических фронтах сопутствуют ей постоянно как на уровне повседневности (стереотипы, оскорбления), так и в масштабе государства (расовая дискриминация, преследования религиозных меньшинств и т. п.). Именно разрастание масштаба религиозных войн внутри Европы приводят к тому, что к XVII–XVIII вв. **формируется сначала в рамках философии, общественного сознания, а затем уже находит свое закрепление в правовых нормах идея толерантности.** В сложных условиях церковной цензуры о толерантности говорят Дж. Локк, П. Бейль. Будучи сформулирована в связи с проблемой нетерпимости, толерантность не случайно была воспринята поначалу именно как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребляли друг друга.

В истории России религиозная ксенофобия также имела место, однако не в тех формах, в которых она нашла свое проявления в странах Западной Европы. Имперское прошлое, господство русского православия вплоть до 1917 года как государственной религии, несмотря на полиэтнический и многоконфессиональный характер российского общества, несомненно повлияли на складывание негативных тенденций в культуре России. Однако не только эти факторы, как отмечают сегодня многие эксперты, обусловили существование в современном российском обществе ксенофобии и нетерпимости. Советская государственная идеология активно формировала негативное отношение к инакомыслию, одной из распространенных форм которого считалась мысль религиозная. Ситуация относительной терпимости на бытовом уровне, сочетающейся с ксенофобией на массовом – весьма характерная черта общественного сознания советской эпохи, присутствующая и в жизни современных россиян.

Революционная ситуация в России в 1990-е годы вызвала новый прилив религиозной ксенофобии, когда существовавшие запреты на самовыражение (в том числе религиозное) были отменены, появилось множество новых религиозных организаций, направлений и идеологий, ставших объектом выражения религиозной нетерпимости во многих слоях российского общества. На сегодняшний день в России именно этническая и религиозная ксенофобии являются наиболее распространенными формами нетерпимости.

Одной из наиболее «больных» тем в межконфессиональных отношениях в настоящее время является проблема нагнетания в российском массовом сознании религиозной фобии по отношению к новым «нетрадиционным» религиозным движениям. Основная масса населения, живущего в провинциальных городах или сельской местности, настроена к нетрадиционным религиям крайне отрицательно. И хотя юридического определения понятию «секта» не существует, а в религиозноведческом дискурсе в России и за рубежом этому понятию придается существенно различный смысл, книги и руководства по «сектоведению» продолжают распространяться массовыми тиражами, тем самым способствуя не столько информированию общественности, сколько приводя к разжиганию межрелигиозной розни.

Считать религиозную нетерпимость следствием отсутствия образованности также было бы неправильно. Социологические опросы последних лет свидетельствуют о том, что люди с высшим образованием отнюдь не отличаются повышенной социокультурной толерантностью. Нередко высокообразованные молодые люди, считающие себя приверженцами либеральных и демократических ценностей, испытывают повышенную неприязнь именно к представителям религиозных меньшинств, реализующих свое право на свободу совести. Неприятие религиозных организаций, выстроенных по принципу «Аум Синрикэ» (нашумевших в средствах массовой информации в связи с противоправными действиями), экстраполируется на все иные нетрадиционные для России конфессиональные организации.

Таким образом, в современной России назрела необходимость принятия самых серьезных мер со стороны государства и общества в формировании и всестороннем развитии толерантности как ценности и социальной нормы гражданского общества, как праве граждан страны быть различными. Формирование гражданского общества оказывается невозможным без процесса осознания человеком своего места в меняющемся мире культурных и межконфессиональных отношений. Процесс сопоставления ценностей и целей индивида или конкретной социальной группы с иными целями и ценностями нередко оказывается взаимосвязан с ростом в массовом сознании ксенофобии как реакции на встречу с чем-то чужим (человеком, культурой, религией). Эта тенденция тем более опасна в ситуации роста социального разнообразия и межконфессиональной мобильности современной молодежи. Не секрет, что именно молодежь оказывается наиболее благоприятной почвой, используемой для разжигания экстремизма и нетерпимости. В этом случае непохожесть, «инаковость» индивида оказывается для психологии экстремиста достаточным мотивом проявления групповой агрессии.

Нельзя не сказать и об интересе государства в этом процессе. Ибо не только социально-экономическое развитие любой страны в современных условиях оказывается взаимосвязано с процессами переговоров, успешность которых зависит от умения слышать голос собеседника и при необходимости достигать взаимовыгодных решений. Но и внешний имидж страны определяется на сегодня уровнем терпимости, царящим внутри ее. А в условиях поликонфессиональности эта терпимость оказывается попросту необходима.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Е. Л. Кудрина

доктор педагогических наук, профессор

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

А. Г. Гук

кандидат педагогических наук, доцент

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В УНИВЕРСИТЕТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

В настоящее время среди основных проблем реформирования отечественного высшего профессионального образования особо выделяется проблема повышения его качества. Среди факторов, обусловивших это, можно выделить:

- принятие 30-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО решения об основных принципах формирования образовательной стратегии в XXI веке;

- присоединение России в сентябре 2003 года в Берлине на совещании министров образования стран Европы к Болонской конвенции по высшему образованию, в соответствии с которой осуществляется структурная реформа высшего образования Европы, направленная на создание к 2010 г. открытого европейского образовательного пространства, расширение мобильности студентов, преподавателей и исследователей, повышение потенциала трудоустройства выпускников, рост конкурентоспособности и привлекательности европейских вузов;

- разработка «Концепции модернизации Российского образования на период до 2010 года», в соответствии с которой главной задачей российской образовательной политики является обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Основными принципами формирования современной образовательной стратегии ЮНЕСКО определила доступность, мобильность и качество, а страны, подписавшие Болонскую декларацию, согласились с основными средствами и инструментами достижения заявленных целей, особо выделив среди них в ходе осуществления Болонского процесса – создание вызывающих доверие систем контроля и оценки качества [1].

Концепция модернизации российского образования определила новую образовательную политику Российской Федерации, на которую в значительной мере влияет все большая интернационализация образования и необходимость гармонизации российского образования с другими системами образования в рамках Болонской конвенции. Модернизация, диверсификация и реформирование всех уровней образования ставят перед российскими вузами задачи повышения эффективности их деятельности, обеспечения конкурентоспособности на внешнем и внутреннем рынках образовательных услуг, привлечения дополнительных внутренних потребителей и выход на международные рынки образовательных услуг.

Следует отметить, что усиление конкуренции между вузами на рынке образовательных услуг и на рынке труда приводит к необходимости как большей ориентации на потребителя образовательных услуг, так и повышения качества их предоставления.

Государственным высшим учебным заведениям России для достижения устойчивого развития на ближайшую и отдаленную перспективы с учетом современного состояния государственного устройства и экономических преобразований необходимо научиться выполнять несвойственные ранее для них функции маркетинга, распределения заработанных ресурсов, стратегического и оперативного планирования развития вуза, дополнительного профессионального образования. Опыт прошедшего столетия свидетельствует, что побуждающей силой для развития является конкуренция, а успех в конкурентной борьбе обеспечивает эффективная система управления [2].

Не стоят в стороне от происходящих процессов и вузы культуры и искусств, которые активизируют свою деятельность по переходу на двухуровневую систему образования, внедряют систему рейтинга и бально-модульную систему оценки знаний студентов, добиваются признания российских дипломов в зарубежных странах, повышая уровень качества образования, предоставляемого вузом. Одним из способов доказательства этого является сертификационный аудит системы менеджмента качества организации независимыми органами на соответствие требованиям стандартов ИСО серии 9000. Еще в начале 2000 г. Минобрнауки РФ включило в число аккредитационных показателей наличие внутривузовской системы обеспечения качества подготовки специалистов.

Отдельные вузы России уже прошли сертификации, подтвердив свою конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Не остался в стороне и Кемеровский государственный университет культуры и искусств, с октября 2006 года осуществляющий проект «Внутривузовская система управления качеством образования». Данный проект предусматривает разработку и внедрение системы менеджмента качества в соответствии с требованиями международного стандарта ISO 9001:2000 и директив ENQA (Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании).

Цель внедрения системы менеджмента качества в университете культуры и искусств – повышение качества оказания образовательных услуг, отвечающих требованиям потребителей (абитуриентов, студентов, работодателей) и соответствующих обязательным требованиям, установленным государственным стандартом высшего профессионального образования. Вуз ставит перед собой задачу повышения удовлетворенности потребителей образовательных услуг посредством эффективного применения системы менеджмента качества, включая процессы постоянного ее улучшения и обеспечения соответствия требованиям международного стандарта.

Для консультативной помощи и сопровождения при разработке и внедрении системы менеджмента качества был заключен договор с консалтинговым центром «Сибирский сертификационный центр – Кузбасс». В выборе данного центра немаловажным критерием явилась его установка на максимальное вовлечение всего коллектива университета в разработку, инсталляцию, поддержание в рабочем состоянии, в постоянное совершенствование и улучшение системы менеджмента качества. Вовлеченность коллектива и студентов в процесс разработки, внедрения и постоянного улучшения системы менеджмента качества не только является важнейшим фактором жизнедеятельности данного направления, но и дает возможность вузу при полной вовлеченности с выгодой использовать все индивидуальные способности коллектива вуза культуры и искусств.

Положительный результат нами был получен при обучении и мотивации персонала. Обучение в рамках системы менеджмента качества проводилось поэтапно и дифференцированно в соответствии с постановкой задач:

- обучение высшего руководства (внешнее обучение);
- обучение разработчиков СМК (внешнее обучение);
- обучение руководителей структурных подразделений вуза (внутреннее и внешнее обучение);
- обучение аудиторов (внешнее обучение).

В результате такого подхода 114 человек прошли внутреннее обучение в категории уполномоченных по качеству. 57 человек получили сертификаты образовательного центра «Менеджмент качества» Сибирского сертификационного центра Томского политехнического университета NQA-Russia («Менеджер по качеству», «Уполномоченный по качеству», «Внутренний аудитор по качеству»). Таким образом, в университете сложилась команда, способная управлять системой качества образования в вузе.

Главным достижением обучения коллектива университета культуры и искусств явилось создание команды лидеров – разработчиков системы менеджмента качества, способных вовлечь весь персонал: от ректора до рядового сотрудника в процесс создания, внедрения и постоянного улучшения системы менеджмента качества (СМК).

Разработка и внедрение системы менеджмента качества ведется в соответствии с Программой, утвержденной Ученым советом вуза. Основными разделами Программы явились:

1. обоснование области сертификации и границ сертификации;
2. построение процессной модели СМК;
3. разработка документации СМК;
4. внедрение и апробация СМК;
5. подготовка СМК к сертификации;
6. сертификация СМК;
7. улучшение СМК.

Весь спектр работы по управлению качеством образования, по разработке, внедрению и функционированию системы менеджмента качества находится под пристальным вниманием ученого совета, методических советов университета, институтов, кафедр, Совета СМК.

За короткий период времени для осуществления столь серьезного Проекта коллектив университета достиг заметных результатов. В ходе реализации проекта разработана Политика вуза (см. Приложение № 1): формализована миссия, определены видение, стратегия развития и принципы их достижения. Определена методика постановки и мониторинга целей. Осуществлена реорганизация структуры управления вузом. Назначен представитель руководства по качеству – проректор университета. Создан отдел менеджмента качества, за которым закреплены функции организации и контроля за выполнением мероприятий, направленных на разработку, внедрение, постоянное улучшение и совершенствование функционирования системы менеджмента качества в вузе. Организован и успешно работает Совет по качеству, в который вошли руководители процессов, члены группы разработчиков документации СМК, директора институтов, деканы факультетов, заведующие кафедрами.

Для эффективного управления в университете был применен процессный подход, что позволило выделить 29 основных процессов деятельности вуза: руководящие процессы, процессы жизненного цикла, процессы менеджмента ресурсов, процессы измерения (см. Приложение № 2) и определить механизм качественного управления ими. По 19 процессам были разработаны Положения, которые содержат алгоритмы деятельности, критерии измерения и результативности, с целью установления однозначности ответственности и полномочий – матрицы ответственности.

Основной документ СМК – «Руководство по качеству», по сути, является стандартом предприятия (СТП) по системе менеджмента качества в университете. Руководство по качеству служит справочником для руководителей и сотрудников, так как включает описание СМК вуза, термины и определения, которыми пользуется вуз, перечень справочных материалов.

В конце 2007 года подготовлен и осуществлен первый внутренний аудит деятельности структурных подразделений вуза и должностных лиц, включая ректора. В начале 2008 года университет вышел на заключительный этап разработки и внедрения СМК – системный анализ менеджмента качества университета со стороны высшего руководства на степень готовности к сертификационному аудиту. Аудит и анализ со стороны руководства позволили выявить слабые стороны, требующие корректировки и улучшения.

В апреле 2008 г. Кемеровский государственный университет культуры и искусств успешно прошел все этапы процедуры сертификации со стороны независимого органа – ООО «Тест-С-Петербург», официально аккредитованного Ассоциацией SINCERT (Италия), являющегося членом Международного Аккредитационного Форума (IAF). И уже в ближайшее время КемГУКИ получит сертификат соответствия требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001–2001 (ISO 9001:2000) – международный документ, выступающий гарантом признания и доступа на мировой рынок.

В заключение отметим, что несмотря на небольшой срок функционирования системы менеджмента качества в вузе, уже сейчас можно говорить о практической пользе ее внедрения:

- определение сети процессов вуза, четкое разделение ответственности, полномочий и взаимодействий для каждого из них улучшает управление всей деятельностью вуза культуры и искусств;
- проведение внутреннего аудита (следующий запланирован на осень 2008 г.) позволило определить области для улучшения и планомерно активизировать деятельность руководителей подразделений и персонал вуза культуры и искусств;
- появление возможности участия всех работников и студентов в процессе улучшения своей деятельности и вуза в целом, в том числе и путем высказывания предложений внутренним аудиторам, сотрудникам отдела менеджмента качества или лично ректору на сайте вуза.

Внедрение системы менеджмента качества в вузе культуры и искусств еще раз показало нам, что квалификация преподавательского состава, состав и структура учебных дисциплин, технологии образования, являющиеся важнейшими факторами формирования качества, будут наиболее эффективными при активном взаимодействии и полноте состава их использования. Кроме того, в решении проблем качества в той или иной мере должны быть задействованы все участники образовательного процесса – от студента до учебно-вспомогательного персонала. Потенциальному потребителю образовательных услуг необходимо представить убедительные доказательства того, что «его потребности в достаточной степени учтены, предоставляемые услуги декларированы в части содержания с достаточной степенью детализации, есть необходимая уверенность в том, что декларированный уровень подготовки выпускника надежно обеспечивается применяемой образовательной технологией»[3, с. 6]. **Понимание проблем управления качеством в вузе культуры и искусств, соответствующей методологии, а главное, формирование определенного образа мышления для всего коллектива творческого вуза является исключительно важной задачей.**

Литература

1. Байденко В. И. Качество образования как ключевая цель Болонского процесса // Качество образования: системы управления, достижения, проблемы: Материалы V Международной научно-методической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – Том1. – С. 26–28.
2. Багаутдинова Н. Г. Менеджмент качества в вузе // Стандарты и качество. – 2003. – № 1. – С. 86–88.
3. Шишковский В. И. Менеджмент качества образования в высшем учебном заведении: учеб. пособие / В. И. Шишковский, А. А. Чернышев, В. З. Мидуков. – Томск: STT, 2001. – 40 с.

**Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет культуры и искусств»**

ПОЛИТИКА

Видение развития университета

«Культура, основанная на знаниях» – модель организации жизни вуза на основе сохранения и развития отечественной университетской традиции, соотношения образования, культуры, творчества и науки охватывает все стороны жизни университета, профессиональные отношения, плодотворную и результативную научно-исследовательскую деятельность ведущих ученых, выступает условием для формирования научных и творческих школ. Разработка передовых социально-культурных, педагогических и информационных технологий определяет стратегию развития университетского образования и художественной деятельности вуза, обеспечивает последовательную и системную интеграцию в культурное и образовательное пространство Сибирского Федерального округа, России и мировой цивилизации.

КемГУКИ – современный вуз в сфере культуры и искусства, успешный и конкурентоспособный, имеющий положительный научно-творческий имидж, кадровый и инновационный потенциалы, соответствующую материально-техническую базу и результативно действующую систему менеджмента качества.

Миссия университета

Образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, личности, способной к творческой, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира.

Принципы

Политика в области качества реализуется за счет следующих принципов:

1. Достижение соответствия образовательной деятельности государственным, международным образовательным стандартам и стандартам в области качества; возрастающим потребностям общества в компетентных специалистах и кадрах высокой квалификации, потребностям обучающихся в интеллектуальном, культурном, духовном и нравственном развитии.

2. Совершенствование системы управления профессиональным образованием на основе социального партнерства в управлении вузом и обеспечении качества подготовки специалистов, создание сообщества работодателей для проведения процедур лицензирования и аккредитации профессионально-образовательных программ в области культуры и искусства.

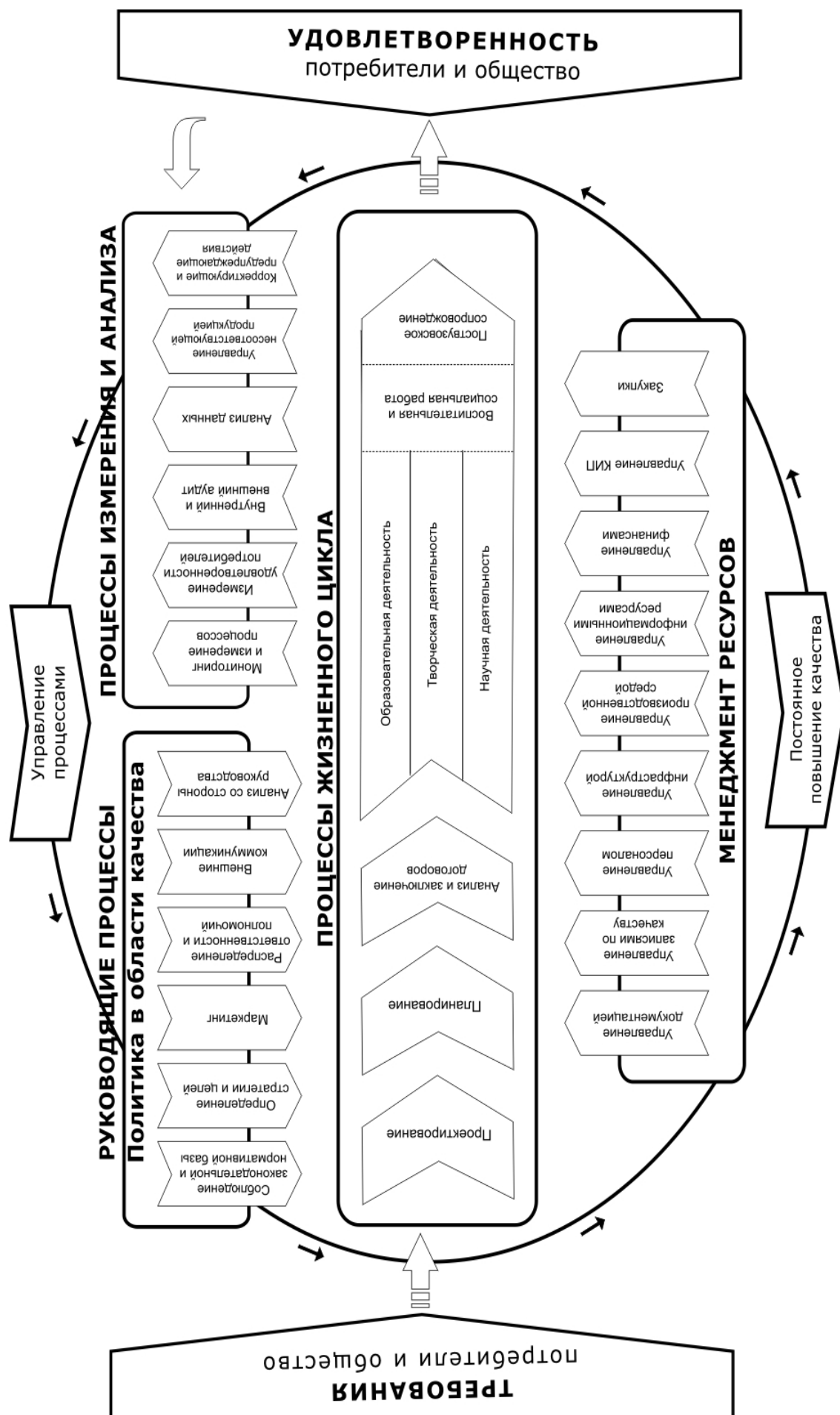
3. Лидерство и персональная ответственность руководителей всех уровней, понимание каждым сотрудником своих задач, обязанностей, полномочий и ответственности на основе развитой корпоративной культуры.

4. Развитие образовательного и научно-творческого потенциала вуза, обеспечивающего внедрение инновационных технологий и реализацию научных и творческих достижений вуза в социально-культурную практику, в художественное образование и в формирование культурной политики.

5. Реализация новых схем бюджетирования и многоканального финансирования инновационных образовательных и научно-творческих программ.

6. Выполнение требований системы менеджмента качества всеми сотрудниками университета и непрерывное ее совершенствование.

Карта процессов в Кемеровском государственном университете культуры и искусств

Г. Н. Миненко
доктор культурологии, профессор
директор Центра культурологического образования
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЦЕНТР КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА

Центр культурологического образования (ЦКО) Кемеровского государственного университета культуры и искусств является структурным научным подразделением, созданным на основе договора о сотрудничестве между КемГУКИ и Российским институтом культурологии (г. Москва).

Основные цели и задачи его деятельности состоят в повышении уровня организации и качества культурологического образования в КемГУКИ, инновационной деятельности в сфере общего и профессионального культурологического образования и, соответственно, разработке теоретико-методологических основ культурологического образования; организации и проведении научных форумов разных уровней социально-гуманитарного и культурологического профилей, формирование устойчивых научно-практических связей с Российским институтом культурологии, вузами и научно-исследовательскими организациями Кузбасса и других регионов Российской Федерации; наконец, развитию системы деловых отношений с администрациями городов и районов Кемеровской области и различными организациями Кузбасса, заинтересованными в гуманизации воспитания и образования молодежи. Основные выполняемые ЦКО функции: научно-исследовательская, координационная, заключающаяся в организации взаимосвязей Центра со сторонними организациями в части научно-исследовательской деятельности; воспитательная, формирующая и развивающая интерес студенческой молодежи к фундаментальной и прикладной культурологии; просветительская.

Центр был создан в 1998 г. и функционировал до 2004 г., затем был воссоздан в 2006 г. На первом этапе его деятельности доминировал интерес к теоретико-методологическим аспектам нового, рождавшегося направления – культурологии. В целях стимулирования активности сибирских гуманитариев Кемеровским государственным университетом культуры и искусств совместно с РИК были проведены три научно-практических семинара, которые объединили участников Западной и частично Восточной Сибири. Философы, историки, филологи, культурологи обрели возможность высказать свои идеи относительно статуса, теоретических позиций, методологии культурологии. По результатам семинаров было опубликовано три крупных научных сборника, подробная информация о которых была опубликована на сайтах КемГУКИ и РИК. Таким образом, гуманитарии Зауралья внесли свой вклад в конституирование новой отрасли науки.

Другим направлением работы ЦКО явилось развитие сотрудничества КемГУКИ с Кемеровской и Новокузнецкой епархией Русской православной церкви. По итогам проведенных совместных всероссийских и межрегиональных научно-практических конференций Центром было подготовлено к печати три крупных научных сборника по вопросам церковного и светского образования, получивших высокую оценку научной общественности и церковных кругов.

В настоящее время можно констатировать, что развитие культурологического знания, интенсивно проходившее в 1990–2000-е гг., входит в фазу стагнации. Дискуссионность, а во многом и нерешенность вопросов статуса культурологии места в номенклатуре научных направлений, реестра присуждаемых по специальностям данного направления учебных степеней, – все это во многом связано не только с неразработанностью некоторых

теоретических и методологических проблем культурологии, но и с игнорированием специфики социально-культурного и политического контекста, в котором может успешно развиваться современная наука. Это сдерживает процесс институционализации культурологии, ее вхождения в нормальный режим функционирования постнеклассической науки, характеризуемый тесной привязкой финансирования и государственной поддержки к социальным и экономическим результатам и следствиями фундаментальных разработок.

Учитывая это обстоятельство, работа ЦКО в настоящее время организуется по трем направлениям.

Во-первых, необходима интенсивная рефлексия достигнутого состояния культурологического знания, оценка полученных результатов и выявление проблемных ситуаций в перспективе ее дальнейшего развития. Такая рефлексия предполагает несколько конкретных ракурсов исследования: 1) анализ теоретического содержания основных моделей развития отечественной культурологии, сложившихся в 1990–2000-е гг., состояния и итогов развития конкурирующих программ отечественной культурологии, и прежде всего – интегративной и междисциплинарной ее моделей; 2) изучение функционирования культурологического знания в образовательных и социальных практиках в современной России, состояния научной, образовательной и социально-прикладной культурологии в российском обществе; 3) обобщение теоретического и эмпирического материала с целью разработки и предложения оптимальной модели развития отечественной культурологии в ее сопряжении с актуальными и прогнозируемыми гуманистическими и социальными потребностями российского общества; 4) определение условий выхода культурологии из положения одного из аутсайдеров системы социально-гуманитарных наук (в отношении ее социальной востребованности) в группу лидирующих дисциплин, как это предсказывается И. Валлерстайном и другими методологами.

Главной целью проведения таких исследований является выявление актуальных социальных потребностей российского общества в культурологическом знании, поиск оптимальной модели формирования социального заказа на развитие фундаментального культурологического знания и прикладные разработки. Критерием оптимальности необходимо считать способность модели прогнозировать востребованность конкретных типов и направлений фундаментального и прикладного культурологического знания в решении задач перехода к «тонким настройкам» социальных структур, как наиболее перспективной технологии управления сложным обществом.

Во-вторых, церковное направление деятельности ЦКО смещается в сторону решения прагматических задач выработки конкретных рекомендаций и механизмов организации духовно-нравственного воспитания молодежи, прежде всего студенческой. Для реального продвижения этого направления проводится международная научно-практическая конференция «Православная культура в современном мире», нацеленная на теоретическую рефлексию новой для традиционного Православия концептуальной конструкции и новой формы деятельности, на обмен практическим опытом в этой области. Разрабатывается региональный проект по подготовке учителя новой формации для общеобразовательной средней школы – по «Основам православной культуры» и тому подобным смежным курсам, направленным на помощь молодому поколению россиян в его духовно-нравственном становлении в русле традиционных национальных и профессиональных ценностей. С этой же целью в 2007 г. создан «Кузбасский межвузовский совет по духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи, являющийся добровольным объединением высших учебных заведений», расположенных в Кемеровской области, а также Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской право-

славной церкви, Кузбасского филиала Западно-Сибирского отделения Международной славянской академии, Департамента образования и науки Кемеровской области, Управления культуры, спорта и молодежной политики администрации г. Кемерово, Кемеровской областной организации профсоюза работников народного образования и науки. Совет нацелен на повышение качества духовно-нравственного образования и воспитания студентов, формирование у студенческой молодежи активной гражданской позиции, уважения и соблюдения норм нравственности, интереса к духовно-нравственному самоопределению; созидание культурных форм деятельности и общения студентов, направленных на духовно-нравственное становление личности студента в духе патриотизма, традиционных национально-культурных ценностей; формирование внутривузовских систем духовно-нравственного образования и воспитания студентов, выстраивание единой системы духовно-нравственного образования и воспитания студенческой молодежи Кузбасса. Конкретно к компетенции Совета относятся: инициирование подготовки и переподготовки преподавательских кадров по этике, религиоведению, основам православной культуры и другим дисциплинам, направленным на духовно-нравственное образование и воспитание студентов; разработка и рекомендация вузам эффективных форм и методов духовно-нравственного образования и воспитания студентов; введение в программы обучения студентов курсов по выбору и факультативов, направленных на духовно-нравственное совершенствование личности; внедрение стимулов для участия в занятиях по этим дисциплинам; поэтапное введение этического всеобуча студентов, развитие внеаудиторных форм работы со студентами (клубы, студенческие общества, объединения и т. п.); организация и проведение научных форумов разных уровней по социально-нравственной проблематике, подготовка к изданию материалов по итогам проведенных научных мероприятий; развитие системы деловых отношений с администрациями городов и районов, различными организациями Кемеровской области, заинтересованными в гуманизации воспитания и образования молодежи, их ориентации на национально-культурные ценности и традиции.

Наконец, в сферу научных интересов коллектива сотрудников Центра культурологического образования вошла культурная составляющая аграрной сферы, что является пока нетрадиционным для академической и прикладной культурологии и требует поэтому пояснения. Речь идет об открытии нового научно-экспериментального учреждения – Кузбасского аграрно-культурного центра, деятельность которого призвана способствовать решению ряда острых общенациональных проблем посредством развития индивидуального трудового хозяйствования (ИТХ). Проект Центра имеет многоплановую структуру, остановимся лишь на некоторых теоретических соображениях.

Императив функциональной эффективности общества складывается из двух составляющих: 1) общественного устройства, предоставляющего индивиду набор форм и способов жизнеобеспечивающей деятельности; 2) его мотивационных и интеллектуально-деятельностных качеств. Проецирование этой диагностирующей смысловой конструкции на российское аграрное производство позволяет зафиксировать уникальную ситуацию – отсутствие субъекта с устойчивой мотивацией к аграрному труду и отсутствие социально-культурной формы организации производственно-поселенческой жизнедеятельности индивида, адекватной его смысложизненным устремлениям. Сегодня в России жить в деревне и быть сельскохозяйственным работником непрестижно. Ничего похожего в истории человечества не было со времен перехода от присваивающего жизнеобеспечения к производственному. Кризис продовольственной безопасности нации очевиден. Справедливость этого вывода подтверждается фактом появления национального проекта «Развитие АПК», а его раздел «Стимулирование развития

малых форм хозяйствования» свидетельствует о необходимости индивидуализации социально-культурных форм аграрного производства.

Сегодня личные подсобные хозяйства (ЛПХ), располагая 2,8 % земли, производят 57,2 % валового сельскохозяйственного продукта, тогда как доля сельхозпредприятий, эксплуатирующих 81,9 % земельных угодий, составляет 40,3 %. Эффективность использования гектара земли личными хозяйствами превосходит аналогичный показатель коллективных предприятий в 41 раз. Но ЛПХ – маргинальная форма хозяйствования, доставшаяся в наследие от советской эпохи. Социально и технологически несамодостаточное, оно воспринимается как явление временное, о чем свидетельствует присутствие в его названии лексемы «подсобное», то есть не главное.

Таким образом, можно констатировать высокую эффективность производства в ЛПХ, с одной стороны, и его низкий социально-ролевой статус, с другой. Развитие новой культурной формы – индивидуального трудового хозяйствования – создает новые возможности для решения широкого спектра общенациональных проблем (занятости населения, повышение его жизненного уровня, освоение заброшенных земель, обеспечение продовольственной безопасности и т. д.) посредством индивидуального трудового хозяйствования, что и определяет актуальность настоящего проекта. Принципиальная новизна проекта выражается в нескольких исследовательских аспектах.

Во-первых, в том, что введение российского человека, преимущественно жителя города, в аграрную производственно-поселенческую жизнедеятельность должно осуществляться не столько через сельскохозяйственную, сколько через гуманитарную профессию (менеджер малых форм аграрного хозяйствования). Химерический ментальный стереотип о непрестижности, примитивности сельской жизни должен быть элиминирован в сознании нового сельского хозяина сменой объекта его профессионального внимания и деятельностного воздействия. Не земля, не сельскохозяйственные животные и растения должны являться объектом его труда, а он сам – личность, помещенная в условия аграрной жизнеобеспечивающей деятельности, и окружающие его соплеменники, представляющие разные социальные типы.

Во-вторых, в выборе предмета исследования. В XX в. культурная форма организации трудового взаимодействия индивида с производственно-поселенческой предметной средой в статусе ее хозяина и его поведение как суверенного, свободного субъекта не исследовалась. Культурологическое исследование ИТХ наряду с теоретическими изысканиями, делает необходимым проведение практического эксперимента и внедренческой деятельности. В этой связи принципиальная новизна состоит в том, что ИТХ, как исторически традиционная форма жизнедеятельности русских может быть построена в системной целостности на новой субъектной и технологической основе.

В-третьих, целевая установка эксперимента имеет двойную векторность. С одной стороны, определение оптимальной модели хозяйства и деятельности хозяина, с другой – поиск внедренческой методики, основанной на принципе формирования мотивационно-целевой установки индивида посредством манипуляции предметной средой. Иначе говоря, экспериментальное хозяйство должно быть технически доступным, деятельностно комфортным, эстетически привлекательным, социально-статусно престижным и возбуждать у других желание иметь такое же.

Таким образом, Центр культурологического образования определяет свою научную стратегию и перспективу на будущее как переход от абстрактного теоретизирования, столь характерного для 1990-х годов, к конкретному анализу социальных и культурных практик и разработке проектов оптимизации социально-культурных процессов российского общества. Это предполагает активную рефлексию и формирование соответствующего социального заказа.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ РАБОТЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ В КемГУКИ (1998–2008 гг.): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

90-е годы для Кемеровского государственного института стали знаменательной вехой в его истории. Открылись новые учебные специальности, произошел качественный скачок в формировании профессорско-преподавательского состава, изменился социальный статус вуза: институт стал академией (1999 г.). Эти факторы обусловили потребность вуза в организации собственной базы для подготовки преподавателей высшей квалификации с учеными степенями кандидата и доктора наук. В 1996 году открыта аспирантура, в 1998 г. – два диссертационных совета по защите кандидатских диссертаций по философии и культурологии.

Диссертационный совет кандидатских диссертаций К 092.26.02 по философии (специальность 09.00.01 – «Онтология и теория познания») был образован 26.05.1998 г. (председатель – П. И. Балабанов, ученый секретарь – Ю. В. Клецов). За период его работы с 1998 по 2000 было защищено 8 диссертаций. В 2001 г. он был преобразован в диссертационный совет К 210.006.01 по защите кандидатских диссертаций по философии с расширением научных специальностей. Помимо специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» была открыта специальность 09.00.11 «Социальная философия». С 2001 по 2007 гг. в диссертационном совете было защищено по обеим специальностям 54 кандидатских диссертации. Всего за период с 1998 по 2007 гг. было защищено 62 диссертации. Диссертации, защищенные в диссертационном совете преподавателями и аспирантами КемГУКИ, составляют 29 % от общего числа защит (18 диссертаций).

Первыми преподавателями КемГУКИ, защитившими своими диссертации в совете, стали В. В. Фалилеев, Н. Н. Григоренко, Н. А. Мицкевич, Е. Ю. Светлакова, Г. С. Фешкова, которые в настоящее время занимают ответственные должности в КемГУКИ. Так, кандидат философских наук, доцент Г. С. Фешкова является директором Института искусств КемГУКИ.

Успешная работа кандидатского диссертационного совета по философии стала возможной благодаря научным и организационным связям с ведущими вузами Сибири: Новосибирским госуниверситетом и Томским госуниверситетом. В разное время членами диссертационного совета являлись заведующий кафедрой философии НГУ, проф., д. ф. н. В. П. Фофанов; декан философского факультета ТГУ, проф., д. ф. н. М. П. Завьялова; заведующий кафедрой философии ТГУ, проф., д. ф. н. Сыров и др.

География соискателей, которые защитились в диссертационном совете, достаточно обширна. Она представлена гг. Екатеринбург, Новосибирск, Томск, Барнаул, Кемерово, Алтайский край (г. Горноалтайск), Красноярский край (г. Лесосибирск), Кемеровская область (гг. Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий).

В кандидатском диссертационном совете по философии в КемГУКИ защитились преподаватели и аспиранты других кемеровских вузов – КузГТУ, КемТИППа и др. Это позволяет говорить о том, что КемГУКИ заявил о себе как о центре апробации современных исследований в области философии для вузов Кемерова, Новокузнецка, Ленинска-Кузнецкого. В работу диссертационного совета внесли большой вклад ученые Кемеровского государственного университета – проф. В. И. Красиков, доц. О. И. Жукова, заведующий кафедрой философии и социологии Кемеровского филиала РГТУ, доц. А. Д. Спирин, заведующий кафедрой философии и политологии КемТИППа, проф. – Э. Г. Винограй.

В настоящее время кандидатский диссертационный совет по философии в КемГУКИ находится в стадии перерегистрации ВАКом Минобрнауки РФ.

Успешной следует считать работу диссертационного совета в области культурологии. Диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций К 092.26.01 по культурологии (специальность 24.00.02 – «Историческая культурология») был утвержден ВАКом РФ 22 мая 1998 г. За время своего существования диссертационный совет несколько раз проходил процедуру перерегистрации. Каждая последующая перерегистрация укрепляла положение и расширяла его полномочие. В 2001 г. диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 24.00.02 «Историческая культурология» в результате перерегистрации преобразован в диссертационный совет по защите докторских диссертаций по двум специальностям: 24.00.01 «Теория и история культуры» и 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов». Последующие перерегистрации в 2003, 2005, 2007 гг. подтвердили его объективность, научную компетентность и эффективность. В настоящее время докторский диссертационный совет продолжает свою деятельность в КемГУКИ.

В 1998–2000 гг. в диссертационном совете К 092.26.01 (председатель В. П. Фофанов, ученый секретарь Г. Н. Миненко) было защищено 12 кандидатских диссертаций.

После его преобразования в докторский диссертационный совет Д 210.006.01 (председатель – П. И. Балабанов, ученый секретарь – Г. Н. Миненко) с 2001 по 2006 гг. процедуру защиты прошли 66 соискателей по специальностям: 24.00.01 «Теория и история культуры»; 24.00.03 – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов». Из них докторами наук стали 20 человек, кандидатами наук – 46 человек, в том числе преподаватели и аспиранты КемГУКИ защитили 18 диссертаций, что составило 29 % от общего числа (66 защит).

Докторами наук в КемГУКИ стали Кулемзин А. М., заведующий кафедрой музейного дела, Ултургашева Н. Т., заведующий кафедрой теории и истории художественной культуры, Марков В. И., проректор по научной работе, Миненко Г. Н., директор Института культуры КемГУКИ. Всего защитилось в период 1998–2006 гг. 78 соискателей. Из них 21 человек из КемГУКИ – 26 %.

Эффективная работа диссертационного совета по культурологии, как и в случае диссертационного совета по философии, во многом была обусловлена научными связями с Новосибирским и Томским государственными университетами. Свой вклад в работу диссертационного совета внесли ученые Алтайского государственного университета и Алтайской государственной академии культуры и искусств. Большую лепту внесли ученые Кемеровского государственного университета. С момента организации диссертационного совета его бессменными членами являются проф. А. И. Мартынов (в настоящее время заместитель председателя), профессора Н. М. Зиняков, С. В. Макаrchук, В. П. Щенников.

Начиная с 2001 г., докторский диссертационный совет по культурологии приобрел характер своеобразного центра по повышению квалификации для ученых Сибири. Соискатели различных городов Сибири представлены следующим образом: Омск (1), Новосибирск (11), Томск (5), Иркутск (1), Красноярск (4), Барнаул (5), Тюмень (1), Абакан (4), Кызыл (2), Кемерово (25), Кемеровская область (5).

В 2002 году в диссертационном совете впервые защитились представители иностранных государств – Китай (1), Южная Корея (1).

На заседаниях диссертационного совета обсуждались диссертации, которые были посвящены теоретическим проблемам культурологии, региональным аспектам культурологии и музееведения, вопросам современной культурной политики.

По положению, ВАК основной костяк диссертационного совета представляли ученые Кемеровского государственного университета культуры и искусств, что свидетельствует о признании научного уровня ученых КемГУКИ, их профессиональной компетенции. В диссертационном совете плодотворно работали и работают в настоящее время проф. Е. Л. Кудрина, проф. Н. И. Гендина, проф. В. И. Марков, проф. Г. Н. Миненко и другие члены диссертационного совета.

В небольшой заметке трудно описать все достижения и проблемы докторского диссертационного совета по культурологии КемГУКИ. Перерегистрация диссертационного совета, состоявшаяся в конце 2007 года, свидетельствует о большом его потенциале, о его большой значимости для сибирского региона.

Е. Л. Кудрина

доктор педагогических наук, профессор

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

М. В. Белозерова

кандидат исторических наук, доцент

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Формирование культуры толерантности является одной из важнейших проблем нового, XXI в. Людям, живущим в эпоху глобализма, стирания экономических, этнических и иных границ, в условиях быстрого развития коммуникаций, урбанизации и интеграционных процессов нужна новая философия, открытое и понимающее сообщество. Понятие «толерантность» по смысловой насыщенности является своеобразной этической доктриной современности. Поэтому, наряду с принципами демократии, соблюдением прав человека, толерантность в настоящее время является руководящим принципом, лежащим в основе образования, воспитания и развития личности, формирования гуманных отношений в обществе. Понятие толерантности возникло в Европе в период Нового времени на религиозном уровне и положило начало всем другим свободам, которые были достигнуты в обществе. Однако процесс его формирования не закончен до сих пор. Понятие «толерантность» характеризуется множеством гуманитарных подходов к своему определению и исследованию. Сегодня это один из самых популярных терминов в современной отечественной и зарубежной социально-политической, культурологической и правоведческой литературе.

Определение толерантности сформулировано в «Декларации принципов толерантности» (ЮНЕСКО) как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности...» [1]. Оно является наиболее распространенным и подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, возрасту, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр. Декларация была подписана 16 ноября 1995 года в Париже 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая и Россию.

В настоящее время большое значение имеет осознание важности феномена толерантности для мирового сообщества. Толерантность обнаруживает себя как особый бренд общественного развития, интенция общечеловеческих интересов и потребностей. «...Проблема воспитания толерантности должна объединить людей..., прежде всего, специалистов разных направлений и уровней – психологов, педагогов, воспитателей, руководителей, лидеров и рядовых специалистов, а также представителей разных возрастных групп...» [2, с. 114], людей разных стран, национальностей, конфессий.

Благодаря усилиям ЮНЕСКО, в последние десятилетия данное понятие стало международным термином, важнейшим ключевым словом в проблематике мира. Принципы толерантности как основные права и свободы закреплены в международных нормативно-правовых документах: Всеобщей Декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. В рамках Совета Европы (СЕ) действует Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Недавно вступил в силу Протокол № 12 Конвенции, который обязывает ратифицировавшие его государства гарантировать любые права без какой-либо дискриминации и предусматривает механизм наказания в случае невыполнения обязательств. Россия подписала протокол в ноябре 2000 г. Недопущение расизма и расовой дискриминации закреплено в Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

Весьма актуальна проблема толерантности в нашей стране, поскольку Россия является полиэтническим, поликультурным, полирелигиозным обществом. Российская Федерация как государство, стремящееся развивать демократические принципы и права человека, не может остаться в стороне от общеевропейских и мировых процессов. Государственная позиция Российской Федерации в этой сфере выразилась в разработке Федеральной целевой Программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001–2005 годы. Государственным заказчиком стало Министерство образования. В Федеральной Программе понятие «толерантность» применяется в трактовке Декларации принципов толерантности. Основной задачей документа стала разработка и реализация эффективной государственной политики формирования установок толерантного поведения, внедрение методов и организационных механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования социально-политической ситуации, разработка и внедрение системы учебных программ и тренингов для всех ступеней и форм образования [3].

В настоящее время в Российской Федерации созданы и работают различные центры толерантности. В Кемеровском государственном университете культуры и искусств создание Института толерантности в начале 2008 г. стало важным шагом в диалоге культур, в развитии нового уровня общественного сознания и современной этической доктрины, претендующей на центральное место «в оси координат XXI в.». Явилось объединяющим началом для студентов, ученых и преподавателей самых различных дисциплин в решении проблем формирования толерантности. Наш вуз является одним из университетских комплексов Сибири, реализующим систему непрерывного образования в подготовке специалистов высшей квалификации для культуры, искусства и образования, известным научным центром в области культурологии, социально-культурной деятельности, библиотечно-информационных технологий и информационной культуры личности.

Основными целями Института толерантности являются не только распространение идей толерантности, но и их формирование как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусств. В связи с этим перед ним поставлены задачи формирования в молодежной среде средствами науки, образования, искусства и просветительства культуры толерантных отношений к иным взглядам, убеждениям, духовным, эстетическим и национальным ценностям; поддержки инициатив и проектов в области науки, культуры, направленных на сохранение и развитие научно-творческого взаимодействия Кузбасса с регионами России, странами СНГ, зарубежными странами. При этом особое место отводится учету особенностей нашего региона.

Наиболее важными направлениями деятельности Института является гуманитарное, социокультурное и международная деятельность. В рамках первых двух направлений перед Институтом стоят задачи:

- организации и осуществления научных исследований, реализации проектов и инициатив по формированию толерантности как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства;
- развития сотрудничества и координации работы с организациями, занимающимися проблемами формирования установок толерантного сознания в российском обществе;
- организации и проведения тренингов, конференций, семинаров, выставок, фестивалей, арт-проектов, посвященных проблемам межэтнического, межкультурного и этноконфессионального взаимодействия;
- формирования фонда учебной, научной и методической литературы по проблемам толерантности и др.

В рамках международной деятельности Институт в координации с проректором по творческой и международной деятельности обеспечивает межкультурное сотрудничество и академическое партнерство с зарубежными университетами, учебно-образовательными и научно-исследовательскими центрами, с творческими и гуманитарными организациями.

Институт толерантности университета культуры и искусств открыт совместно с Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино, благодаря усилиям и личному содействию директора библиотеки и директора Благотворительного фонда «Институт толерантности» Е. Ю. Гениевой. В церемонии его открытия вместе с руководством данной библиотеки приняли участие официальные лица: Представитель Президента в Сибирском федеральном округе, представитель Межрегиональной Ассоциации «Сибирское Соглашение», Председатель Совета народных депутатов Кемеровской области, руководители департамента культуры и национальной политики, департамента образования и науки Администрации Кемеровской области, уполномоченный по правам человека в Кемеровской области, зам. главы г. Кемерово, ректоры и проректоры ВУЗов Кузбасса, священнослужители, руководители национальных ассоциаций и представители коренных малочисленных народов Кемеровской области, преподаватели и студенты вузов г. Кемерово.

Общение участников мероприятий, проводимых Институтом толерантности, выстраивалось в русле диалога и знакомства с культурой разных народов через выступления-концерты творческих коллективов нашего вуза, выставки, которые организовали научная библиотека, кафедры дизайна, декоративно-прикладного искусства, кинофотомастерства университета, кемеровские художники.

Проведенные мероприятия были первыми творческими контактами с Институтом толерантности ВГБИЛ, и именно они легли в основу дальнейших отношений по проблемам толерантности нашего университета и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино. В ходе обсуждения и контактов появился ряд проектов. Среди них:

- создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири;
- «Информационная культура и толерантность личности в мире разнообразия»;
- «Русский язык»;
- «Диалог культур (все – разные, все – уникальные)».

Коротко останавливаясь на каждом из проектов, следует отметить их уникальность и значимость, учитывая, что в истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая конфликты, войны, религиозные преследования и идеологическое противостояние. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе – в расовой дискриминации, в нарушении важнейших демократических свобод.

Толерантность приобретает особую актуальность в условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления. Прояв-

ление последних стало объективной реальностью. Данный тезис актуален не только для районов традиционно «конфликтных», как в сфере межнациональных, так и этноконфессиональных отношений (например, Северный Кавказ), но и такого, как сибирский регион. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары, и русские, и другие этносы, проживающие на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов Севера» или коренных малочисленных народов. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 45 малочисленных народов, 40 из которых распоряжением Правительства РФ № 536-р от 17 апреля 2006 г. отнесены к категории «коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [4]. Два из этих народов проживают в Кемеровской области: шорцы – 12,5 тыс. человек и телеуты – 2,6 тыс. человек [5].

Одним из шагов к нейтрализации межэтнической напряженности может стать ориентация на воспитание толерантности у подрастающего поколения и молодежи вне зависимости от этнической принадлежности. Однако при воспитании толерантности не следует забывать и об ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создает предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но, наоборот, «порождает» условия для их обострения [6, с. 203]. С этим суждением трудно не согласиться, так как обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств.

В решении обозначенных проблем большое значение может иметь создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири. Прежде всего его организация будет способствовать укреплению и усилению позиций университета как центра межэтнической и межкультурной толерантности; развитию и поддержке культуры коренных народов как уникального пласта современной цивилизации; а также возрождению, сохранению и творческому развитию традиционной, многонациональной культуры народов России в целом, пропаганде лучших образцов современного мирового искусства.

Нами в основу развития института культуры и искусств коренных народов Сибири положены три основных приоритета: образовательный, научно-исследовательский и творческо-исполнительский. При формировании системы обучения и воспитания молодежи коренных малочисленных народов необходимо учитывать два аспекта: 1) их стремление сохранять и развивать материальную и духовную культуру своих предков; и 2) подготовку кадров для развития национальной культуры и «устойчивого развития» своей малой Родины. Кемеровская область – одна из немногих среди регионов России, которая предоставляет право льготного поступления абитуриентам из числа коренных малочисленных народов. Основная задача такого поступления – обеспечить кадрами отдаленные поселки, а также местности, отнесенные к местам компактного проживания коренных малочисленных народов [7; 8, с. 33, 35].

Проект «Информационная культура и толерантность личности в мире разнообразия» предполагает разработку программ и технологий формирования информационной культуры личности, обеспечивающей преодоление разрыва между технократической и гуманитарной культурой в условиях глобализации современного общества,

которые открывают широкие возможности для превращения региональной информации в мировое достояние. В основе деятельности научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы КемГУКИ – реализация позиций «Информация о нас», «Информация для нас».

Человеческое сообщество – это «мир миров» и в этом его преимущество. Наличие разных исторических общностей, отличающихся своей культурой, традициями, образом жизни, ценностными установками, конфессиональными приверженностями, стимулирует развитие всей мировой цивилизации, развитие новых диалогов между культурами. «Мир миров» культуры весьма разнообразен. На этом разнообразии и строят свои исследования ученые научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы (НИИ ИТ СС) Университета культуры и искусств (директор Н. И. Гендина).

В режиме диалога культур ученые НИИ ИТ СС многократно выступали на международных конференциях «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса», проводимых в Крыму, и международных научно-практических конференциях «Библиотеки и образование» (Секция «Информационная культура личности»), проводимых в городах «Золотого кольца России» (Ярославль, Кострома, Вологда) и др. Ежегодно доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ ИТ СС Гендина Н. И. выступает с докладами по результатам проведенных научных исследований на Всемирных Библиотечных и Информационных Конгрессах: г. Буэнос-Айресе (Аргентина, 2004 г.); г. Бергене и г. Осло (2005 г.), г. Сеуле (Южная Корея, 2006 г.), г. Дурбане (Южно-Африканская Республика, 2007 г.). В настоящее время проводится новое исследование и готовится доклад на ИФЛА в Канаду.

Проект «Русский язык» появился в результате объявления Президентом РФ В. В. Путиным 4 ноября 2006 г. на приеме в честь Дня народного единства 2007 года «Года русского языка». Президент отметил, что Россия открыта для всех, кто отождествляет себя с ее культурой: «Очевидно значение русского языка и для развития мировой цивилизации, ведь на нем написано множество книг, в том числе и об истории, культуре, научных открытиях не только русского, но и других народов – и не только народов России, а практически всех народов в мире», – подчеркнул В. В. Путин.

Основные направления данного проекта связаны с созданием в нашей области общественного фонда «Русский язык – Кузбассу», с изучением языковых вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией; разработкой образовательных программ, предусматривающих изучение и преподавание русского языка как иностранного; разработкой и созданием словаря лингво-культурологического типа; проведением в рамках проекта «Диалог культур» исследований стереотипных пластов языкового сознания, взаимодействия мировоззрений разных народов; участием в конкурсах на получение грантов по проведению научных исследований в области лингвистики текста, дискурса; популяризацией русской культуры через СМИ, созданием сайта проекта.

Отдельные направления этого проекта уже реализуются в Кузбассе. В частности, в 2006–2007 гг. в Кемеровской области проведен цикл мероприятий, направленных на поддержку русской культуры, в которых принимали участие деятели российской науки, культуры и представители научной общественности Хорватии, Монголии, Польши, Кыргызстана, Канады и др. стран.

Реализация проекта «Диалог культур (все – разные, все – уникальные)» как межрегионального и международного осуществляется Университетом культуры и искусств на протяжении нескольких лет на основе принципа разнообразия культур народов России и мира как основы для осуществления межкультурных коммуникаций и формирования культуры толерантности.

Уровни его реализации: внутривузовский, региональный, межрегиональный, всероссийский и международный способствуют формированию толерантности как уважения и

признания равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-либо одной точки зрения.

Важным компонентом в этой работе является проведение «Творческого Дня» в университете, который включен в расписание занятий (пятница). В этот день проводятся практически все творческие мероприятия вуза. Идет своеобразный «диалог»: вуз – власть, вуз – «другой» вуз, студент – преподаватель, студент – «другой» студент, наука – творчество и т. п. Последнее сочетание возникло в результате проведения совместных научных и творческих мероприятий, первым из которых стал научно-творческий проект «Информация в зеркале искусств».

Активное участие в формировании в университете научно-творческой, социально-культурной среды как условия для развития творческого мышления и мировосприятия, творческого подхода у студентов к решению задач профессиональной деятельности, обеспечения высокого качества художественно-творческой деятельности, удовлетворения потребностей в творческой личности, становления профессиональной культуры студентов и проведение конструктивного диалога между ними принимают творческие коллективы. В настоящее время в университете работает 16 концертующих учебно-творческих коллективов, имеющих богатую концертную историю. Все коллективы имеют признание в Кемеровской области и за ее пределами. Многие из них являются дипломантами и лауреатами всероссийских и международных конкурсов, участниками престижных фестивалей и смотров.

Наш университет активно сотрудничает с органами власти. В этом аспекте осуществляется партнерство на уровне г. Кемерово. Муниципальный проект «Досуг кемеровчан» является одним из важных направлений выполнения Договора о сотрудничестве между вузом и городом. Ежегодно проходит несколько десятков мероприятий для жителей города с участием студентов нашего университета. Более десяти лет осуществляется социальное партнерство с Администрацией Кемеровской области. В рамках «Диалога культур» реализуются творческие проекты совместно с администрациями и предприятиями городов и районов Кемеровской области; поддерживаются и позиционируются инициативные творческие работы студентов; происходит формирование профессиональной культуры специалистов для сферы культуры и искусства в Кузбассе.

В настоящее время активизировалось международное сотрудничество вуза. Международные связи установлены с Монголией, Китаем, Турцией, Германией, Польшей и др. Наиболее плодотворным является реализация международного научно-творческого проекта «Кузбасс – Монголия. Диалог культур». Главная идея проекта – диалог культур как эффективная форма межгосударственной и межнациональной коммуникации в многополярном мире. Он направлен на формирование учебно-образовательных, научных и культурных связей между Монгольской Республикой и Кузбассом, популяризацию творческого опыта лучших художественных коллективов Кемеровской области и Монгольской Республики, обмен опытом и проведение совместных научно-творческих проектов по изучению и сохранению самобытного культурного наследия (песенного, музыкального, хореографического и т. д.). В «Диалоге культур» проводятся творческие школы, мастер-классы, концертно-исполнительская деятельность профессоров, доцентов, руководителей художественно-творческих коллективов, студентов, презентации творческих идей и проектов. Подписаны Договор о сотрудничестве Университета культуры и искусств с Монгольским государственным университетом культуры и искусств и Протокол намерений о сотрудничестве между Университетом культуры и искусств и Институтом «Монголжингоо».

Установлены деловые отношения Университета культуры и искусств с двумя китайскими провинциями. В декабре 2007 г. в результате рабочего визита делегации нашего университета в Китай состоялось подписание двух документов: «Протокола о намере-

ниях» и «Договора о сотрудничестве» с Чанчуньским педагогическим университетом и «Договора о сотрудничестве» с Институтом гуманитарных и естественных наук Сычуаньского педагогического университета. В перспективе планируется проведение Международного фестиваля «Арт-Дизайн», в рамках которого будет проведен научно-практический семинар «Изобразительное искусство и дизайн: Современные концепции и образовательные программы»; интерпленинг; международная выставка «ART-Design».

Все эти мероприятия нацелены на реализацию основной идеи – идеи формирования толерантности на основе диалога культур.

Рассматривая проблему формирования толерантности в системе высшей школы, на наш взгляд, следует отметить и еще ряд мероприятий и проектов, которые уже реализованы, а также планируется их проведение. Одним из них стало проведение семинара «Толерантность в пространстве культуры и образования». Он был организован и проведен при активном участии генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино Е. Ю. Гениевой. Он проходил 15–18 апреля 2008 г. на базе Учебного центра ВГБИЛ «Валентиновка» (г. Королев). В нем приняла участие группа сотрудников и преподавателей нашего университета в количестве 14 человек.

В ходе семинара его участники получили возможность общения с интересными людьми, познакомились с новыми формами организации культурно-просветительской деятельности, которые в значительной мере могут способствовать в работе при реализации проектов толерантности. В беседах и дискуссиях приняли участие Г. С. Померанец, З. А. Миркина, писатель Л. Е. Улицкая, д. пед. н., заслуженный учитель России, директор школы адаптивной модели образования г. Москвы Е. А. Ямбург, профессора Н. И. Кузнецова и Т. Я. Кузнецова и др.

В семинаре активное участие приняли Чрезвычайный и Полномочный Посол Эстонской Республики в России Марина Кальюранд и Директор Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики Советник посольства Венгрии Илона Киш. Так, Посол Эстонской Республики в дружеской обстановке поделилась итогами реализации совместного эстонско-российского проекта по изданию лекций выдающегося пушкиниста, ученого Ю. М. Лотмана «Пушкин: статьи и заметки» (М.: ВАГРИУС, 2008). Его осуществление стало одним из действенных шагов в достижении толерантных отношений в сфере науки и культуры двух государств – Российской Федерации и Эстонской Республики. Другим интереснейшим мероприятием стала встреча с Директором и сотрудниками Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики в РФ. В ходе этой встречи делегация КемГУКИ имела возможность не только получить информацию о творчестве венгерских поэтов и писателей, но и принять участие в возложении цветов к скульптурному портрету классика венгерской поэзии Атиллы Йожефа в атриуме ВГБИЛ и литературном вечере, посвященном его памяти.

В процессе проведения семинара Е. Ю. Гениевой и А. Г. Николаевской (руководитель международных проектов одного из ведущих издательств нашей страны «ВАГРИУС») нашему университету было предложено осуществить совместный проект «Большое чтение», уже успешно реализуемый в ряде регионов Российской Федерации: в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Иванове, Сургуте в течение 2007–2008 гг.

Программа «Большое чтение – «BIG READ» – инициатива Национального фонда по культуре США, направленная на поддержку престижа художественной литературы в культуре и начавшаяся в 2006 году в десяти американских городах. Программа «Большое чтение», по мнению И. Поповой, выступает в роли своеобразного посредника, привлекая читателей в разных странах мира к лучшим произведениям не только американской, но и мировой литературы [9]. «Мы начали программу «Большое чтение» в США, – рассказывал председатель Национального фонда Дэйна Джойя, – во-первых, потому, что

чтение художественной литературы сократилось у нас в стране во всех группах населения, и мы хотели сделать что-то, чтобы изменить эту тенденцию. А во-вторых, для того, чтобы вновь привлечь внимание к великим произведениям американской литературы. Когда мы начали рассказывать об этой программе в других странах министрам культуры, писателям, журналистам, они говорили нам о том, что у них в стране существует такая же проблема. Особенно наши российские коллеги. Они немедленно откликнулись на эту идею и захотели претворить ее в жизнь в России» [9]. В России инициатором реализации программы «Большое чтение» стала Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино (г. Москва). Участие в данной программе предоставляет возможность жителям одного города или региона прочитать и обсудить одну книгу. Проект объединяет журналистов, издателей, преподавателей, молодежь, библиотекарей и тысячи рядовых читателей, рассказывающих о своих любимых книгах. Его осуществление, на наш взгляд, будет иметь большое значение для молодежи Кузбасса, так как он может стать действенным шагом в решении задачи воспитания и образования подрастающего поколения и студенческой молодежи, в расширении их кругозора, в формировании личности и уважительного отношения к российской культуре и старшему поколению.

Таким образом, в Кемеровском государственном университете культуры и искусств начали отрабатываться несколько моделей решения проблемы воспитания толерантности в студенческой среде. И здесь в достижении единой цели прослеживается комплексный подход, реализуемый в координации деятельности различных организационных структур университета, перед которыми поставлены разноплановые по характеру задачи. При этом одним из наиболее важных факторов в формировании толерантных отношений является понимание и поддержка со стороны органов региональной власти в русле инициатив, исходящих от федерального центра.

Литература

1. Декларация принципов толерантности. Утверждена Резолюцией 5. 61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. – Ст. 1. 1.
2. Мириманова, М. Толерантность как проблема воспитания // Развитие личности. – 2002. – № 2.
3. <http://www.tolerance.ru/p-review-hist.shtml>: Материалы Агентства Социальной информации «Толерантность в России: свои и чужие»: e-mail: maria@asi.org.ru
4. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – М., 1999. – № 18.
5. Постановление Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 24 февраля 1993 г. «Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера» / Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. М.: Юридическая литература, 1994.
6. Бурыкин А. А. «Односторонняя толерантность» как проблема взаимоотношений с меньшинственными этносами в гражданском обществе в целом и в образовательном пространстве в частности / А. А. Бурыкин // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.
7. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Кузнецова Е. С., Поддубиков В. В. Национальное образование в стратегии устойчивого развития: региональный аспект (на примере Кемеровской области) // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26–28 апреля 2005 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 299–311.
8. Многонациональный Кузбасс (История, практика) / сост. И. А. Свиридова, Л. И. Гвоздкова, А. Н. Садовой, Е. С. Кузнецова. – Кемерово: Изд-во ТриЗ, 2003.
9. Попова И. «Большое чтение» // <http://www.voanews.com/russion/2008-04-03-voa14.cfm>

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ)

Молодежь – это особая социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, положение которой определено социально-экономическим состоянием общества. Социальные проблемы, возникающие в обществе, касаются и студенческой молодежи.

Социальные проблемы – условия жизни, ведущие к социальным реакциям, которые нарушают некоторые человеческие ценности, социальное благополучие человека. Причины социальных проблем могут быть средовые (ситуативные), личностные (связанные с индивидуальными особенностями), деятельностные (обусловленные личностной активностью, деятельностью).

О необходимости решения социальных проблем молодежи (студенческой молодежи) в нашей стране и за рубежом говорили на протяжении многих лет ученые теоретики и практики, такие как Холостова Е. И., Кузнецов В. Н., Павленок П. Д., Лисовский В. Т., Кон И. С., Лихачев Б. Т., Берггрен К., Бернаскони А., Питре П., Осборн М., Ллейд М. и др. Каждый ученый определял собственное видение проблем с позиции педагогики, социологии, психологии, а также социальной защиты.

Как определяется современная молодежь, кто относится к студенческой молодежи, ученые видят по-разному. Левикова С. И., Дарвиш О. Б., Тимошина Н. В., Иванова Г. Ю., Ильина Е. П., Лаптенко С. Д. и другие сходятся во мнении, что границы молодежного возраста подвижны. Они характеризуются, с одной стороны, как благоприятное время для создания семьи, с другой стороны, как необходимость профессионального самоопределения, с третьей стороны, как определение отношения к общественной жизни и своей роли в ней.

Здесь есть необходимость сказать о студенческой молодежи. «Student» – это дословно «усердно трудящийся, занимающийся». Студенческая молодежь – это особая категория, специфическая общность людей, организационно объединенных институтом высшего образования.

Во время обучения в вузе прочно формируется основа трудовой, профессиональной деятельности. Перед преподавателем стоит ответственная психолого-педагогическая задача – формирование студента как субъекта учебной деятельности, что предполагает, прежде всего, необходимость обучить его умению планировать, организовывать, анализировать свою деятельность.

Социальный психолог Шевандрин Н. И. считает: «В студенческой среде личность достаточно быстро усваивает стереотип поведения в общественных местах, этикет, определенный словарный запас» [8, с. 95].

Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. выделяют пять групп студентов:

- студенты, которые стремятся овладеть знаниями, методами самостоятельной работы, приобретать профессиональные умения и т. д.;
- студенты, которые стремятся приобретать знания во всех сферах учебной деятельности;
- студенты, которые проявляют интерес только к своей профессии;
- студенты, которые неплохо учатся, но к учебной программе относятся избирательно;
- студенты – лодыри, лентяи [4].

Ханжин Е. В. считает, что «студент как человек определенного возраста и как личность может характеризоваться с трех сторон:

- с психологической (единство психологических процессов, состояний и свойств личности);
- с социальной (общественные отношения, качества, порождаемые принадлежностью студента к определенной социальной группе, национальности и тд);
- с биологической (тип высшей нервной деятельности, инстинкты, безусловные рефлексы, телосложение, рост и т. д.)» [3, с. 161].

Кроме внешнего сходства, объединение студентов в массовую социальную группу определяется возрастом, учебной средой, общими проблемами, связанными с организацией и содержанием учебы, беспокойством о будущем трудоустройстве, характере предстоящей профессиональной деятельности и др.

«Осуществляемая государством политика, – пишет Репринцева Г. И., – привела к тому, что студенческая молодежь, как наиболее образованная и вместе с тем наиболее «проблемная» часть населения, оказалась в кругу собственных социальных проблем» [17, с. 96]. По этой причине можно говорить о студенческой молодежи как о социальной группе, требующей наиболее пристального внимания со стороны государства, деятельность которого должна быть направлена на решение сложившихся социальных проблем. Социальные проблемы – это невозможность удовлетворения своих социальных потребностей, таких, как материальное благополучие, достаток, образование, медицинская помощь и т. д.

«С педагогической точки зрения, – отмечает Волков Ю. Г., – период интенсивных социальных изменений характеризуется двумя тенденциями: первая – развитие новых социальных сил, вторая – отрицательные социальные явления» [4, с. 205]. Подтверждая этот факт, можно сказать, что эти две противоречивые тенденции обусловили возникновение ряда проблем, которые должны решать все субъекты образования и воспитания и современная педагогическая наука.

Так, по мнению социальных политологов (Н. А. Волгина, Т. С. Сулимова), возникают следующие социальные проблемы студенческой молодежи: социальная незащищенность молодежи в сфере труда, безработица (молодежь первая попадает под сокращение и составляет 38 % всех безработных); невостребованность молодежи со средним и высшим образованием (наиболее престижной является работа в сфере торговли, посредническая деятельность); отставание уровня образования от современного уровня наиболее развитых стран [5, с. 198].

Кроме названных проблем Левикова С. И. выделяет падение престижа профессионально-технического образования, неподготовленность кадров высшей, профессиональной и средней школы к работе в новых условиях, слабая материально-техническая база и т. д. Юсупова Н. В. говорит, что среди основных проблем преобладают большой отток талантливой молодежи за рубеж, низкие заработки, стипендии, трудности с вторичной занятостью, отсутствие качественных недорогих товаров, сокращение материальной базы для организации культурного досуга молодежи и т. д.

На основе проведенного анализа существующих определений студенческой молодежи с точки зрения психологии, педагогики, социологии, философии можно сделать вывод о том, что в отечественной науке сложилось несколько подходов к анализу студенчества:

- студенчество как социально-демографическая группа;
- студенчество как социально-профессиональная группа;
- студенчество как особая общественная группа.

Таким образом, студенчество – это социальная группа общества, состоящая из молодежи примерно одинакового базового образования и возраста, отличающаяся сходными формами организации жизнедеятельности, общей нацеленностью на получение необхо-

димых профессиональных знаний. Следовательно, данная страта населения страны имеет примерно одинаковые социальные проблемы.

Изучив и проанализировав научную литературу таких авторов, как С. Н. Иконниковой, В. Т. Лисовского, А. А. Козлова, О. И. Карпухина, Ю. С. Колесникова, Б. Г. Рубина, Т. Э. Петровой, Е. Г. Слуцкого, А. С. Ваторопина, Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапка, В. Ф. Пугача и др., которые занимались изучением студенческой молодежи, можно определить классификацию методов для выявления социальных проблем студентов.

Системный метод проявляется в том, что анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества.

Конкретно-исторический метод проявляется в том, что исследование проводится в аспекте изменений и тенденций, обусловленных конкретным этапом развития общества, меняющейся роли студенческой молодежи в процессах социально-экономического развития страны.

Статистический метод проявляется в анализе и исследовании большого объема эмпирических данных, полученных в ходе обработки результатов социологических исследований.

Метод сравнительного анализа применяется для исследования состояния положения студенчества в советский период и в настоящее время при исследовании состояния его социально-экономического положения.

В процессе выявления социальных проблем студентов, с применением вышеперечисленных методов, проявляются *«проблемные» показатели*, которые с точки зрения сотрудника Российского государственного социального университета Сорокиной Е. С. отражают социальную действительность современной студенческой молодежи:

- образование (охватывает интеллектуальную деятельность студента, его самореализацию, самообразование, конкурентоспособность на рынке труда и др.);
- семья (включает в себя взаимоотношения как со старшим поколением, так и в качестве супруга или родителя и др.);
- здоровье (определяет общее самочувствие, зависимость от лекарств, частоту и разновидность заболеваний и их форм и др.);
- доходы (показывает экономическое положение, источники доходов, среднемесячный заработок и др.);
- социальное самочувствие (определяет место человека в обществе, его статус, степень его реализованности как личности и как участника общественных отношений и др.);
- ценностные ориентации (отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей);
- жизненные стратегии и установки (показывает жизненные цели, средства их достижения);
- общественная активность (отражает общественную деятельность человека и степень ее полезности).

Говоря о современных студентах, необходимо выделить такое понятие, как «качество жизни студенческой молодежи», без определения которого невозможно четко уяснить сложившиеся студенческие проблемы и способы их решения.

Ученые Басова В. М., Волков Ю. Г., Генаев Р. Т., Дарвиш Л. Д., Колков В. В., Столяренко Л. Д., Ткаченко А. А., Шубкин В. Н., исследуя в своих работах качество жизни студентов, определяют его через различные характеристики. Удовлетворенность собственной жизнью, своим социальным статусом, уровнем образования, что определяется рядом экономических, социальных, демографических, политических и других факторов и определяет физическое, ментальное, социально-культурное развитие студенческой молодежи.

Студенческая молодежь является одной из наиболее социально -уязвимых слоев населения. Это доказывается еще и тем, что научные интересы студентов постоянно обращаются к исследованию социальных проблем молодежи, в которых качество жизни – основополагающий фактор.

Так, в 2006–2008 учебных годах студенты кафедры социальной педагогики Беляева Н., Елисеева А., Лонге Т., Саидбекова К. и другие посвятили свои курсовые исследования выявлению социальных проблем студенческой молодежи и разработке путей решения их.

Так, Беляева Н. в 2006 г. провела пилотажное исследование через анкетирование с целью изучения социальных проблем и качества жизни студенческой молодежи КемГУКИ.

Основные этапы проведения анкетирования:

1) подготовка студентов (объяснение целей нашего исследования), установление межличностного контакта;

2) проведение анкетирования;

3) подсчет результатов и представление полученных данных в графическом виде.

Анкета состоит из 14 вопросов, каждый из которых содержит 3 варианта ответов, один из которых – это собственное мнение студентов

Респондентами в количестве 84 человек явились студенты СП, а также 16 студентов ФРАИ.

На первый вопрос «Вы употребляете алкоголь?» 54 человека ответили, что «употребляют, но крайне редко / редко»; 21 – «не употребляют вообще»; 11 – «по праздникам»; 14 – «один раз в неделю».

На второй вопрос «Вы пробовали наркотики?» 82 человека ответили, что «не пробовали»; «пробовал» – 18 человека.

На третий вопрос «Вы имеете собственный заработок?»: «да» – 49 человек; «нет» – 51.

«Вы материально зависите от родителей или других родственников?»; «да» – 81 человек; «нет» – 19 респондентов.

«Вы уверены в успешном трудоустройстве после окончания вуза?»; «нет» – 69 человек; «да» – 20; «не знаю» – 11 опрошенных.

«Вас устраивает ваш уровень материального достатка?»; «да» – 17 респондентов; «нет» – 44 человека; «не очень» – 13; «когда как» – 12 человека; «частично» – 11; «не совсем, иногда» – 3 опрошенный.

«Имеете ли вы проблемы со здоровьем?»; «абсолютно здоров» – 10 человек; «иногда бывают жалобы» – 58 человек (подавляющее большинство); «болею очень часто» – 32 респондентов.

«Вас устраивает расписание занятий в этом семестре?»; «да» – 39 человек; «нет» – 47 опрошенных; «нет выхода» – 14 человек.

«Вас устраивает работа гардероба вуза?»; «устраивает» – 55 человек; «не устраивает» – 25; «не всегда» 20 – человека.

«Вас устраивает качество и стоимость блюд в столовой?»; «да» – 31 человек; «нет» – 53 респондента; «очень дорого» – 16 человек.

«Вы довольны работой библиотеки вуза?»; «да» – 46 человек; «нет» – 39 человек; «не всегда, не совсем» – 15 опрошенных.

«Устраивают ли Вас условия проживания в общежитии?»; «да» – 24 человек; «нет» – 27 человек; «устраивает, но дорого платить за общежитие» – 22 респондента; «устраивает, но не пропускают гостей, друзей» – 8 человек; не проживают в общежитии 19 опрошенных студентов.

«Какой вопрос Вы бы хотели задать администрации нашего вуза?»: «интересуют ли Вас наши желания?», «когда все это кончится?», «почему социальная и академическая

стипендии не совмещаются?», почему не платят повышенную стипендию отличникам?», «почему так плохо организована деятельность вуза, никто ничего не знает?», самый распространенный вопрос: «когда повысят стипендию?»

На вопрос «Устраивает ли Вас качество образования в вузе?»: «да» – 58 человек; «нет» – 19 опрошенных; «среднее качество образования» – 18 респондентов; «узнаю, когда буду устраиваться на работу после окончания вуза» – 5 человек.

В целом, подводя итог исследовательской работы, автор отмечает тот факт, что у современной студенческой молодежи большое число социальных проблем, которые в условиях вуза должны и могут решать органы самоуправления совместно с воспитательным и социальным отделами университета.

Следующее, представляющее интерес исследование проводилось Елисеевой А. на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств среди преподавателей и студентов кафедры социальной педагогики, где были использованы следующие методики:

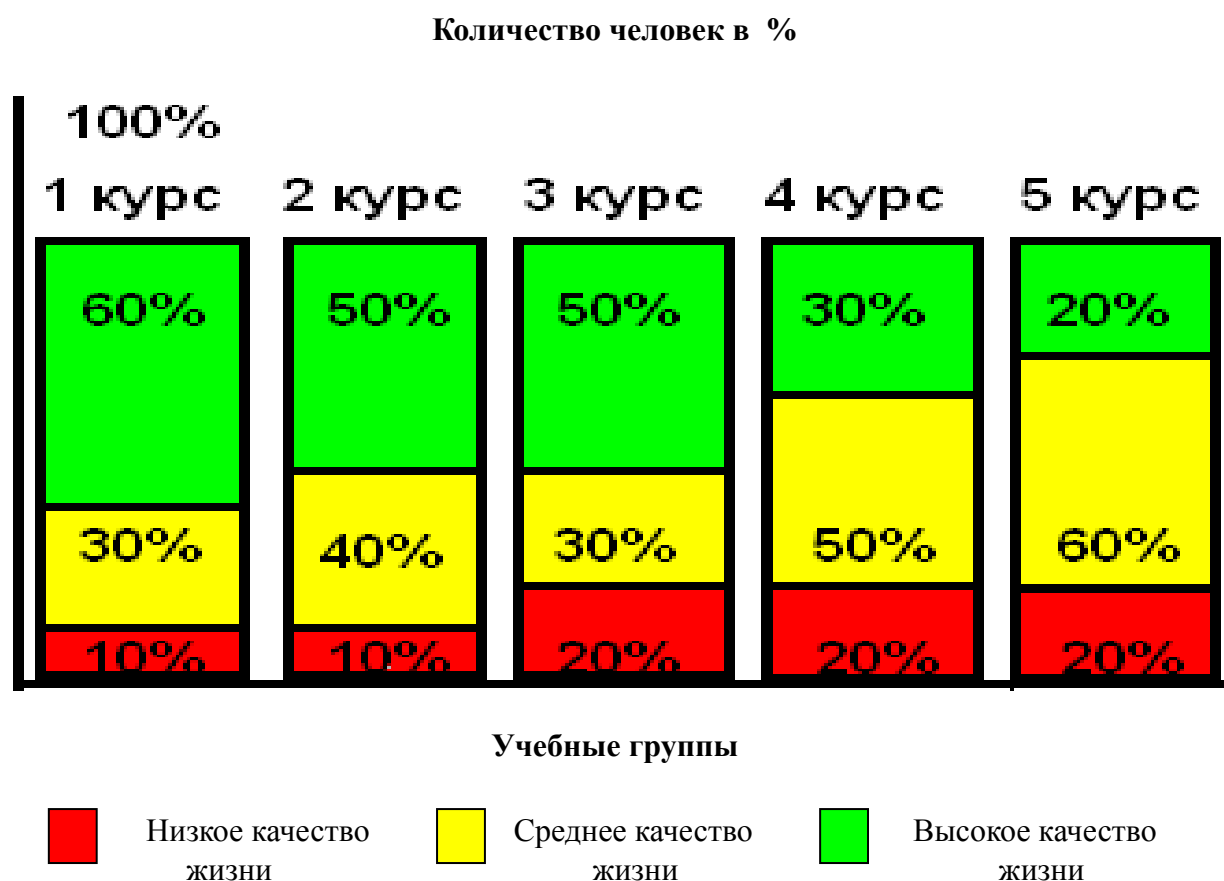
1. Опросник ВОЗКЖ – 100 (Всемирная организация здравоохранения качество жизни – 100 вопросов, 2003г.), где было исследовано 5 групп студентов: 1, 2, 3, 4, 5 курсов по 12 человек в каждой. Цель – проследить динамику изменения качества жизни студента на начальном, среднем и конечном этапах обучения в вузе.

2. Анкетирование, где было исследовано 5 групп студентов: 1, 2, 3, 4, 5 курсов, по 12 человек в каждой. Целью является выявление социальных проблем студенческой молодежи и возможностей их решения глазами самих студентов.

3. Опрос, отражающий направления деятельности кураторов по профилактике и устранению этих проблем. В опросе принимали участие преподаватели кафедры социальной педагогики.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. показатели качества жизни студентов: (Опросник ВОЗКЖ – 100)

- Низкое качество жизни:

1 курс – 10 %; 2 курс – 10 %; 3 курс – 20 %; 4 курс – 20 %; 5 курс – 20 %.

- Среднее качество жизни:

1 курс – 30 %; 2 курс – 40 %; 3 курс – 30 %; 4 курс – 50 %; 5 курс – 60 %.

- Высокое качество жизни:

1 курс – 60 %; 2 курс – 50 %; 3 курс – 50 %; 4 курс – 30 %; 5 курс – 20 %.

Такая тенденция обусловлена следующим: если на 1,2 курсах студент характеризуется обособленностью от родительского надзора, но одновременно материальным обеспечением со стороны родителей, то на 3 курсе начинается процесс автономизации от родителей, создаются собственные семьи, появляется необходимость самостоятельного заработка. На 4, 5 курсах происходит завершение личностного становления студента: приобретение им новых социальных ролей, еще большее отделение от родителей, самообеспечение. Каждая из этих стадий характеризуется материальными, социальными, психологическими, физиологическими проблемами, где способность их преодоления и определяет качество жизни.

2. Актуальные социальные проблемы студентов и их решение:

К актуальным проблемам все студенты отнесли материальные трудности, кроме того:

1 курс – низкую обеспеченность учебной литературой; неорганизованность свободного времени; 2 курс – низкое обеспечение льготами, недостаток свободного времени и отдыха; 3 курс – неотработанность и бессистемность в воспитательной работе здоровьесберегающих технологий, из-за загруженности – невозможность дополнительного заработка; 4 курс – отсутствие жилья / плохие условия проживания, неорганизованность досуга; 5 курс – трудности в трудоустройстве, отсутствие жилья.

Пути решения социальных проблем можно дифференцировать исходя, из анализа результатов исследования:

1 курс: изменение государственной политики в области материального обеспечения студентов; понимание со стороны преподавателей работающих студентов; пополнение библиотеки необходимой литературой для обучения (даже по 1 экземпляру); организация мероприятий для досуга и творческой деятельности студентов; больше обращать внимание на реальные проблемы студентов;

2 курс: совместная деятельность студентов, преподавателей, ректора, специалистов по решению социальных проблем студентов; материальная поддержка студентов; реальная, а не бумажная деятельность специалистов; все в руках самих студентов; путей решения нет;

3 курс: увеличение финансирования ВУЗа; понимание педагогами работающих студентов; обеспечение студентов бесплатными путевками в санатории, на лечебные процедуры; обеспечение бесплатными билетами в кино, театры, на выставки; студенческое самоуправление;

4 курс: грамотная государственная политика; материальная поддержка; понимание проблем студентов; улучшение жилищных условий студентов, снижение процентных ставок для ипотечного кредитования студентов; реальная, а не бумажная работа специалистов; обратить внимание на социальную политику других вузов; все в руках самих студентов; от мнения студента ничего не зависит;

5 курс: встречи с работодателями; доступность жилья для молодежи; увеличение заработной платы молодым специалистам; возможность устроиться на работу с минимальным стажем или без него; изменение внутривузовской политики; от мнения студентов ничего не зависит.

Проведенное анкетирование показывает, что проблемами охвачены все стороны жизни студента (материальная, психологическая, физиологическая, профессиональная и др.), вопрос устранения которых должен активно решаться на Федеральном, региональном, областном и внутривузовском уровнях.

2. Через опрос выявленные направления деятельности кураторов можно представить так:

- отслеживание успеваемости студентов;
- содействие в переводе отлично успевающих студентов с платной формы обучения на бюджетную;
- отслеживание своевременного обеспечения студентов необходимыми льготами;
- помощь студентам в устройстве в общежитие;
- обследование жилищных условий студентов, проживающих в общежитии;
- взаимодействие с комендантом общежития и специалистами отдела по воспитательной и социальной работе со студентами;
- общение с родителями студентов или лицами, их заменяющими;
- консультативно – психологическо – организаторская помощь;
- индивидуальная и групповая работа со студентами;
- отслеживание занятости студентов;
- содействие в получении материальной помощи, в оформлении оплаты за обучение в рассрочку и субсидий на обучение.

Данные исследования подтверждают, что работа кураторов необходима и важна при определении социальных проблем студенческой молодежи и помощи в их решении.

Интерес представляют пути решения студенческих проблем вуза, прописанные студентами – исследователями. Они предлагают сделать силами студентов совместно с преподавательским коллективом и административными структурами, с привлечением специалистов следующее. Например, в одной работе – это рекомендации для администрации, для социального отдела по созданию условий для решения выявленных проблем. Другой автор разработал модель адаптации студентов вуза и вуза к студентам через работу служб (например, службы по работе со студенческими семьями, со студентами, нуждающимися в государственной поддержке, а также службы по организации досуга студентов, работы биржи труда для студентов, юридической службы и службы здоровьесбережения и др.). Каждая служба имеет содержательную характеристику (цель, направления, методы и формы работы). Стремление студентов самостоятельно решать свои проблемы радует, поскольку говорит о сформированной активной позиции у них. Третий предлагает сформировать межвузовский координационный совет студентов, занимающийся решением молодежных проблем.

Вместе с тем, вышеизложенный материал предлагает задуматься всем участникам образовательного процесса вуза о создании комфортной атмосферы взаимодействия и взаимоотношений, что поможет преодолению социальных проблем студенческой молодежи и продуктивной работе и учебе

Литература

1. Волков Ю. Г., Добренков В. И., Савченко И. П. и др. Социология молодежи: учебное пособие / под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 576 с.
2. Левикова С. И. Молодежная субкультура. – М.: Новое знание, 2004. – 286 с.
3. Основы социальной работы: учебное пособие для нач. проф. образования / Е. В. Ханжин, Т. П. Карпова, Н. П. Ерофеева и др.; под ред. Е. В. Ханжина. – М.: Издательский центр Академия, 2003. – 144 с.
4. Рубин Б. Г., Колесникова Ю. С. Студент глазами социологов. – Ростов н/Д: 2004. – 218 с.
5. Социальная политика: Энциклопедический словарь / под общей редакцией д. э. н., проф. Н. А. Волгина; отв. ред. д. ф. н. Т. С. Сулимова. – М.: Академический Проект, 2004. – 371 с.
6. Социология молодежи: учебник / под ред. доктора социологических наук, проф., чл.-корр. РАН В. Н. Кузнецова. – М.: Гардарики, 2005. – 335 с.
7. Учреждения социального обслуживания детей и молодежи: анализ деятельности / авт.-сост. Г. И. Репринцева. – М.: Гардарики, 2003. – 298 с.
8. Шевандрин Н. И. Социальная психология в образовании: учебное пособие. – М.: Владос, 2005. – 396 с.

Ю. В. Подковырин

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературы и русского языка
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

«АЗБУКА» КУЗБАССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Кемерове вышла в свет хрестоматия «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия»

Среди многочисленных ярких событий в литературной жизни Кузбасса прошедшего 2007 года выход в свет хрестоматии «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия», предназначенной для внеклассного чтения в 5–11 классах школ Кемеровской области, стоит особняком. Впервые вниманию учеников и широкого круга читателей предлагаются собранные под одной обложкой лучшие произведения кузбасских мастеров художественного слова.

Значимость данного издания для литературного образования нашей области трудно не оценить. Изучение литературы в школе предполагает не только обращение к опыту мировой и отечественной классики, но и погружение в региональный литературный процесс. Многие школьники интересуются творчеством местных авторов, им важно знать, что литературные тексты создавались и создаются не только «где-то и когда-то», но – «здесь и сейчас». Некоторые же и сами сочиняют стихи или прозу, являясь участниками литературной жизни региона.

Хрестоматия открывает ученикам многочисленные грани литературного дарования писателей-кузбассовцев. Читатель найдет в книге произведения различных литературных родов и жанров, представляющие творчество разных поколений художников слова: с пятидесятих годов прошлого века до современности. Здесь и такие известные литературные патриархи, как Евгений Буравлев, Александр Волошин, Виль Рудин, и ныне работающие, известные всему Кузбассу, поэты и прозаики – Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Иосиф Куралов, Андрей Правда. Большое многообразие авторов и текстов позволяет ученикам выбрать тексты на свой вкус, а учителям подобрать разнообразный материал для занятий. Алфавитный принцип расположения материала в хрестоматии представляется удачным не только из-за удобства обращения, но и в силу того, что исключает возможность выстраивания каких-либо иерархий, расстановки ненужных акцентов. Читателю предлагается своеобразная «азбука» словесного творчества родного края.

В то же время данная книга – это широкая и пестрая мозаика природной, социальной, духовной жизни нашего родного края. В стихотворениях известного березовского поэта Леонида Михайловича Гержидовича образы Барзасской тайги становятся просто физически ощутимыми:

*(...) Орех налился силой млечной,
В логах, где запахи густы,
По смородяжникам поречным
Пируют юркие дрозды.
Неугомонная кедровка
Освоила кедровый сук.
И по стволу шныряя ловко,
Вершину ищет бурундук (...)*

А вот в другом стихотворении эти же знакомые образы окрашиваются сказочно-мифологическими оттенками – так создается в сознании читателя образ *таежного рая*:

*(...) Заливались серебряно трубы,
Восклицала торжественно медь...
Дикий лось целовал меня в губы,
Улыбался по-братски медведь.*

*По-ребячьи барахтался воздух
На ладонях уснувшей курьи,
И в сугробах горячи звезды
Натыкались на лыжи мои (...)*

В стихотворении Александра Ибрагимова «Таймени в Тайдоне» представлена уже иная стихия – водная, не тайга, а река. Однако чувство физической осязаемости образа то же:

*(...) Таймени, таймени – бока-облака.
Застыла в томленье
Тайменья река (...)*

*По взбыченным спинам гуляет восторг!
Пружинящий спиннинг
Стреножил поток.*

*И режет ладони – судьба, как струна.
И солнце в Тайдоне –
Блестит, как блесна!*

Звонкие аллитерации, как речные брызги, окатывают читателя, заставляют кожей прочувствовать красоту реки, азарт рыбной ловли.

Природные образы сменяются в стихах других поэтов урбанистическими, но такими же родными, близкими и лирическому герою, и читателю, как, например, в стихотворении «Старцева грива» Валерия Зубарева:

*(...) Но дым черно-белый,
комбината Кузнецкого дым
задышал над былинкой несмелой,
замешал молодое с седым.*

*Чтобы я, со своим интересом
в электричках столичных метро
по кузнецким катаючись рельсам,
про себя усмехался хитро.*

Обращаются кузбасские авторы и к многообразию исторических событий. Так, в произведениях Виля Рудина и Владимира Мазаева затрагиваются события Великой Отечественной войны. В рассказе Владимира Мазаева «Небо раскачивалось» главный герой – представитель опасной в военное время профессии почтальона. Он словно бы вестник Судьбы: с его приходом в дом приходят или радость и надежда, или неизбежное горе. Впрочем, в конце рассказа героя объединяет со всеми общая радость – Победа. Текст Виля Рудина («Память горькая, память светлая») передает нам историю девочки из Белостока, потерявшей родителей, воспитанной во время войны польской семьей и все же нашедшей свою мать...

Поэзия и проза, собранная в хрестоматии, представляет не только разные стороны жизни земли Кузнецкой, но и различные художественные мировоззрения, взгляды на действительность. Так, в уже отмеченных ранних стихотворениях Александра Ибраги-

мова привлекает внимание шестидесятническая «громкость» поэтической речи, установка на публичность слова, раскатистость и полетность голоса в сочетании с подкупающей откровенностью. Автор, недвусмысленно напоминая о Евтушенко, Вознесенском и других титанах поэзии 60-х, смело соединяет далекие понятия, большие и малые, обыденные и мифологические, пространственные и временные образы:

*Первоклассники, первоклашки –
Точно новенькие промокашки! (...)
(«Первое сентября»)*

*В небе солнце! солнце! солнце!
Словно рыжий папуас (...)
(«В небе солнце! солнце! солнце!..»)*

*Мы нервы, как леску,
Швыряем в века (...)
И режет ладони – судьба, как струна (...)
(«Таймени в Тайдоне»)*

Лирический герой Ибрагимова – по-детски искренний, с голосом иногда надрывным, словно ломающимся, и в то же время серьезно размышляющий об истине и лжи:

*У нас предлоги, как подлоги,
Мы ловко лжем, причину скрыв,
И опускаем, как подлодку,
На дно души святой порыв (...),
о поэзии и правде:
Мы поэты – мистификаторы!
Мы выдумываем людей,
Разогнав себя по экскаватору,
Как пращу в орбитах идей (...),*

*об уходящем навсегда детстве:
Уходит детство от мужчин,
Уходит с Дедами Морозами,
Уходит с вафельным мороженым,
Уходит, как мы ни кричим (...).*

Думается, чувства и проблемы, тревожащие героев ибрагимовских стихотворений, будут просты и понятны юному читателю начала XXI в. так же, как и читателю-шестидесятнику. Юность в поэзии Ибрагимова – не столько возраст, временем ограниченный период, сколько состояние, отраженное в формах мировоззрения и речи, категория не только временная, но, я бы сказал, интонационная.

В стихотворениях Владимира Иванова звучат иные – идиллические, есенинско-рубцовские – интонации. Поэт внимательно вслушивается в язык природного мира, который разворачивается перед ним, как книга:

*Как токует оглохший глухарь
И кукушка как славно кукует!..
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует! (...)*

Главные персонажи в поэтическом мире Иванова – ветер, ручей, река, яблони, журавли, лось, глухарь – все они живут своей жизнью, многообразной и значительной, и

в то же время прочно, иногда трагически, переплетенной с жизнью и чувствами человека. Так, в стихотворении «Желание» герой чувствует острую необходимость слияния, физического сращения с «плотью» мироздания:

*Судьбу свою вывалить в глине,
В зеленой измазать траве
И сердцем срастись с сердцевиной (...),
И вдаль простираются полями
И спелые зерна ронять (...),
Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застертый ситец небес!*

Древнее тождество поэта-демиурга и вселенной оживает в этих строках! И тут же: проникновенное стихотворение, обращенное к любимой женщине, в котором возвышенное просвечивает сквозь бытовые подробности:

*Вот вернулась ты с работы.
У тебя усталый вид.
И лицо твоё
Заботы
Дня минувшего хранит (...)
Вновь лицо твоё согрето
Тайным и глубинным светом,
И, меня сводя с ума,
Светит женственность сама!*

Образы природного, деревенского бытия являются краеугольными камнями художественных «строений» большинства авторов хрестоматии, как поэтов, так и прозаиков: Виктора Арнаутова, Виктора Баянова, Анатолия Иленко, Виктора Коврижных, Валерия Козлова, Виктора Чугунова и др.

Читая представленные в книге рассказы, я обратил внимание, что во многих из них основной мотив – возвращение домой (в родную деревню, город), к родным корням, истокам, в мир детства, наконец. Михаил – герой рассказа Константина Акатнова «Паровоз», возвращаясь на малую родину, в свой «поселок городского типа», никак не может привыкнуть к происшедшим там изменениям и, прежде всего, к огромному паровозу в парке железнодорожников. Этот паровоз – чужеродное тело в мире его детских воспоминаний, от которого необходимо избавиться любой ценой. Но для Сашки – сына Михаила – паровоз – часть *его*, Сашкиного, детства. В финале рассказа – намек на примирение двух мировоззрений: детского и взрослого, обращенного в прошлое и открытого будущему.

В рассказе Виктора Арнаутова «На подергушку» главный герой во время командировки заезжает в свою деревню, на малую родину, и почти сразу же, не передохнув, отправляется на зимнюю рыбалку. События настоящего перемежаются в рассказе с воспоминаниями о рыбалке в далеком детстве, когда рыбы подо льдом было так много, что можно было ее выхватывать из воды голыми руками: «*Прямо под нами, не боясь ни нашего шума, ни самих нас, спокойно стояла, едва передвигаясь, рыба. Косячками, штук по восемь-десять, красноперо пошевеливали воду темнопинные силуэты*». А теперь в реке почти совсем не осталось – «*Ушла куда рыба, или пораспугал? Нет, не сезон, видать, март месяц...*» – да и сама река Николка, некогда, в далеком детстве героя, широкая и полная рыбы, стала «совсем мелководной». Однако в конце рассказа неожиданно

и сказочно для самого героя словно бы оживает изобильный и радостный мир детства в сцене фантастической рыбалки: «*Что это, мираж, мерещится? Я зажмуриваюсь, пальцами давлю на веки, прикрывающие глаза. Открываю... Вода шевелится от... рыбы!*». Рассказчик и сам сомневается «*а была ли та рыбалка, не приснилась ли сладким сном, не напридумывал ли я это все своим горячим воображением? . . .*». Эта, похожая на сон, рыбалка для героя как возвращение в детство, причащение его живительным силам.

Трогательно «умаленные» образы утраченного детства, невозвратимого, но бесконечно ценного, читатель может встретить и в лирике кузбасских авторов. Так, главный «персонаж» одного из стихотворений Бориса Бурмистрова – «состарившаяся» улочка, где прошло детство лирического героя:

*Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали –
Время травой поросло (...)*

*Что же друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка –
Тихо в округе давно.*

А в стихотворении Виктора Баянова «Изба моя, приветь меня...» на первом плане вечный символ Дома – одухотворенный, почти очеловеченный образ избы, куда лирический герой возвращается уже повзрослевшим:

*Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем бог послал, меня попотчуй (...).*

Еще один символ детства – Бумажный Змей, запускаемый мальчишками в небо в стихотворении Геннадия Юрова. Но одновременно это и символ свободы, полета, достижимости Неба:

*Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!
Чтоб верилось вам, чтоб сбывалось и пелось
У самой черты, за которою – зрелость!*

Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!

Так в прозе и поэзии кузбасских писателей затрагиваются со всей художественной убедительностью животрепещущие проблемы прошлого и настоящего: конфликт поколений, война, разрушение красоты, черствость человеческой души, но также воспеваются важнейшие ценности человеческой жизни – красота природы родного края, гармония искусства и человеческих отношений, чистота детства, надежность домашнего очага. Ценностные ориентиры, намеченные еще русской классикой, актуальны и для кузбасской литературы. Можно с уверенностью сказать, что изучение творчества кузбасских авторов в школе гармонично дополняет постижение классических шедевров.

К сожалению, формат статьи не позволяет в равной степени отдать должное всем авторам, чьи произведения были включены в хрестоматию. Очевиден и тот факт, что многие заслуживающие внимания писатели просто в силу ограниченного объема книги оказались «за бортом» издания. Равно как и целые литературные роды – так, например, драматические произведения в хрестоматию не включены. Также мне бы лично хотелось,

чтобы на страницах хрестоматии более широко было представлено творчество совсем молодых авторов – старших товарищей предполагаемых читателей книги.

Впрочем, при всех имеющихся вопросах и пожеланиях, опыт создания хрестоматии писателей Кузбасса стоит признать успешным и заслуживающим продолжения.

Н. И. Чередниченко

*начальник отдела по социально-воспитательной работе
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ХРОНИКА КРУГЛОГО СТОЛА «МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПРОТИВОАЛКАГОЛЬНОЙ И НАРКОПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: ТЕОРИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ОПЫТ»

29 апреля 2008 года в университете прошел круглый стол по теме «Методология и методы противоалкогольной и наркопрофилактической работы со студенческой молодежью: теория, особенности, опыт». В работе круглого стола приняли участие представители Управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, врачи-наркологи, врачи-психологи, представители общественных организаций, руководители отделов воспитательной работы вузов г. Кемерово, волонтеры, студенты, кураторы, заместители деканов по воспитательной работе, представители студенческого самоуправления.

Выступавшие отметили актуальность проблемы, обменялись опытом работы, выявили особенности данной работы в студенческой среде, наметили пути решения данной проблемы. Итогом 2-х часовой работы круглого стола стало обращение участников стола к Совету ректоров Кузбасса с предложениями по решению данной проблемы.

Обращение участников круглого стола, посвященного проблемам алкоголизма и наркомании в студенческой среде к Совету ректоров Кузбасса

Обсуждение указанных вопросов участниками круглого стола «Методология и методы противоалкогольной и наркопрофилактической работы со студенческой молодежью: теория, особенности, опыт», состоявшегося 29.04.2008 г. в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, позволило обосновать следующие заключения. Для Кузбасса как крупного экономического и культурного центра Сибирского региона решение проблем по противодействию наркомании и иным зависимостям давно входит в число приоритетных. Одним из важнейших принципов построения профилактической работы является партнерство органов власти всех уровней, высших учебных заведений, общественности, религиозных организаций, коммерческих структур и других субъектов, участвующих в данной работе. Вузами Кузбасса накоплен опыт профилактики наркотической и иных зависимостей в студенческой среде, ориентированный на формирование потребностей в здоровом образе жизни, проведении конкретных профилактических мероприятий и др. Вместе с тем, он нуждается в совершенствовании с учетом новых социальных условий, распространении во всех вузах Кемеровской области, развитии в аспекте укрепления, как межвузовской координации, так и взаимосвязей с государственными и общественными структурами, занимающимися профилактикой и противодействием нар-

комании. Для усиления координации работы вузов Кемеровской области, направленной на изучение и профилактику наркомании в среде студенческой молодежи, предложено:

1. Сформировать межвузовскую антинаркотическую комиссию, в состав которой включить: проректоров по воспитательной работе (либо лиц их заменяющих), представителей органов исполнительной власти, средств массовой информации, молодежных объединений, религиозных конфессий, научных институтов, а также специалистов по профилактике наркомании и врачей-наркологов. Уровень этих представителей должен позволять им принимать ответственные решения по своим направлениям деятельности.

2. Организовать обучающий семинар для преподавателей и сотрудников вузов, участвующих в воспитательной работе по профилактике наркотической и иных зависимостей.

3. Рассмотреть вопросы:

- о внедрении в учебный процесс форм освоения мер безопасности и профилактике употребления ПАВ;

- о включении в положения, уставы, регламенты, правила поведения и внутреннего распорядка, иные локальные акты, регламентирующие деятельность учебного заведения, нормы, запрещающие потребление наркотических средств, психотропных веществ студентами, аспирантами, преподавателями, сотрудниками, появление в состоянии алкогольного, наркотического опьянения, а также предусмотреть дисциплинарную ответственность за несоблюдение указанных требований в виде исключения из вуза (увольнения);

- о включении в должностные обязанности лиц, осуществляющих охрану объектов учебных заведений, выявление и пресечение любых попыток распространения наркотических и психотропных веществ среди учащихся (в случае выявления подобных фактов незамедлительно сообщать в правоохранительные органы);

- о поощрении, в том числе материальном, волонтерских движений в студенческой среде, деятельность которых направлена на воспрепятствование потребления студентами и распространения на территории вузов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, популяризацию здорового образа жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	3
ИСТОРИЯ	
Кулемзин А. М. К толерантности без монументальной пропаганды.....	4
Логунова Л. Ю. Толерантность в социальной памяти и повседневных практиках сибирских переселенцев.....	10
Белозерова М. В. Проблема межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие.....	15
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Брылева Н. А. Музыкальная интонация как основание межкультурного диалога.....	19
Городищева А. Н. Коммуникативные формы бытия культуры.....	23
Ултургашев Г. Г. Основы научной культуры.....	28
Якубов Э. Библиотечный центр толерантности как модель преодоления этнической нетерпимости в условиях поликультурного социума.....	32
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
Львова И. В., Михайлова В. П. Коммуникативная толерантность как компонент профессиональной культуры у будущих специалистов педагогов.....	36
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Шерпаева А. Ю. Социально-культурная деятельность как здоровьесберегающая технология.....	41
ФИЛОЛОГИЯ	
Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации.....	48
Габдуллина В. И. Притчевая основа романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».....	50
ФИЛОСОФИЯ	
Золотухин В. М. Морально-этический феномен толерантности.....	59
Колчигин С. Ю. Плюрализм, толерантность, истина: к соотношению понятий.....	61
Гавров С. Н. Проблема толерантности в глобализующемся мире.....	66
Красиков В. И. Терпимость, насилие и толерантность.....	69
Хамидов А. А. Феномен толерантности и его обратная сторона.....	76
Харламов А. В. Религиозная толерантность в современной России.....	81
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА	
Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Внедрение системы менеджмента качества в университете культуры и искусств.....	84
Миненко Г. Н. Центр культурологического образования: история и перспектива.....	90
Балабанов П. И. Десятилетие работы диссертационных советов в кемГУКИ (1998–2008 гг.): итоги и перспективы.....	94
Кудрина Е. Л., Белозерова М. В. К проблеме формирования толерантности в системе высшей школы на примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств.....	96
Милькова Е. В. Социальные проблемы студенческой молодежи (на примере студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств).....	104
Подковырин Ю. В. «Азбука» кузбасской литературы: в Кемерове вышла в свет хрестоматия «Писатели Кузбасса. Проза, поэзия».....	111
Чередниченко Н. И. Хроника круглого стола «Методология и методы противоалкогольной и наркопрофилактической работы со студенческой молодежью: теория, особенности, опыт».....	116

Научное издание

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 5

В авторской редакции

Дизайн обложки

Г. С. Елисеенков

Компьютерная верстка

М. Б. Сорокиной

Подписано к печати 03.06.08. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 500 экз. Заказ № 311.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

